Юрій Галичъ

Красный хоровод

ЮГ

LITERATURA

„НАША БИБЛІОТЕКА“
XLVIII

Юрій Галичъ

Красный Хороводъ

ПОВѢСТЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРА»
РИГА, УЛ. СВОБОДЫ № 8
1929

Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 2-3-4-0-9

Красный Хороводъ

1

КАРПАТЫ

Стоялъ бѣлый, ясный, тихій январь.

Кавалерійская бригада занимала горную позицію на Карпатахъ. Участокъ былъ глухой, малодоступный, дикій. Въ тылу была Надворная, впереди—венгерская граница и австрійскіе окопы...

Смѣна происходила еженедѣльно.

Сдѣлавъ переходъ въ двадцать пять верстъ, бригада останавливалась, слѣзала съ коней и, оставивъ ихъ при коноводахъ, подымалась въ горы.

Брали проводниковъ и шли узенькою тропою, змѣившейся по берегу невѣдомаго ручья, пересѣкали утопавшій въ пуховой перинѣ ельникъ и буковый лѣсъ, взметались на скалистыя кручи. Тащили на вьюкахъ горныя пушки, тянули пулеметы на салазкахъ и, шагъ за шагомъ, упираясь палками въ снѣгъ, скользя и падая, ругаясь и подбадриваясь смѣхомъ и шутками, подымались выше и выше.

Шли нѣсколько часовъ, дѣлая время отъ времени пріостановку, чтобы перевести духъ, подтянуть отставшіе хвосты, походныя двуколки и кухни...

Въ горахъ царила величавая тишина.

Ни птицы, ни звѣря, ни единаго существа. Только вились петлями кабаньи слѣды да заячьи тропы. Искрился снѣгъ и голубѣло небо. По склонамъ чернѣлъ лѣсъ, задумчивый, недвижный, молчаливый. А впереди, какъ заповѣдный рубежъ, отмѣченный на картѣ красной линіей фронта, бѣлѣлъ снѣговой хребетъ.

Къ полудню, послѣ утомительнаго перехода, бригада занимала позицію. Одинъ полкъ, съ конно-горнымъ артиллерійскимъ взводомъ, располагался на небольшой площадкѣ, среди горъ, ночуя въ низкихъ, сырыхъ и холодныхъ, наспѣхъ сработанныхъ саперами, землянкахъ. Другой—вѣнчалъ своими спѣшенными эскадронами четыре голыя вершины, съ кольцевымъ окопомъ и жидкимъ проволочнымъ загражденіемъ.

Коноводы возвращались въ Пнювъ...

На берегу застывшаго ручья, возлѣ базальтовой скалы, съ которой въ полдень стекали хрустальныя капели, стоялъ домъ лѣсника.

Здѣсь помѣщался штабъ.

Домъ былъ сколоченъ изъ сосновыхъ бревенъ. Въ немъ находилась печь, скамейки, нары, колченогій столъ. Когда трещалъ морозъ и въ окна стучалась январьская стужа, въ избѣ было тепло и уютно.

Печь накалялась до красна, огонь лизалъ обугленныя головни и алымъ свѣтомъ полыхалъ по стѣнамъ... Горѣла керосиновая лампа... Пѣлъ самоваръ... Ду-ду!—дудѣлъ бригадный телефонъ... Пять офицеровъ полкового штаба сидѣли за столомъ, писали донесенія, бесѣдовали, пили чай...

Стоянка на горной позиціи располагаетъ къ бесѣдамъ, къ обмѣну мнѣніями, къ разговорамъ на различныя темы.

Затерянная среди горъ, какъ крошечная точка, на общемъ тысячеверстномъ фронтѣ, оторванная отъ большихъ путей, бригада жила своею жизнью. Внѣшнихъ впечатлѣній было немного. Свѣдѣнія почерпались, главнымъ образомъ, изъ армейскихъ сводокъ да случайно попадавшихъ въ руки старыхъ газетъ.

Бесѣдовали о предстоящей весенней кампаніи и прекращеніи достаточно всѣмъ надоѣвшей войны. Само собой разумѣется, никто не сомнѣвался въ конечной побѣдѣ надъ истощеннымъ противникомъ. Настроеніе было устойчивое и бодрое, подкрѣпляемое увѣренностью въ близкой развязкѣ и заключеніи достойнаго мира.

Одновременно, тайкомъ, передавалось многое другое.

Говорили что-то о конституціи, не совсѣмъ точно уясняя себѣ значеніе этого слова, болтали о предстоящемъ государственномъ пере-

воротѣ, возглавляемомъ якобы Ставкой и великими князьями. Пронесся даже фантастическій слухъ о заточеніи императрицы въ Соловецкій монастырь.

Трудно сказать, какимъ образомъ всѣ эти слухи долетали изъ тыла на занесенныя снѣгомъ вершины. Приносились-ли они лицами, командируемыми въ столицу по служебнымъ дѣламъ или просто, въ порядкѣ летучей армейской почты, передавались изъ ближайшаго центра, въ формѣ интимной бесѣды, которая тотчасъ становилась извѣстной, волнуя и командный составъ и людей...

Нужно признаться, что ореолъ царя, никогда, впрочемъ, не бывшій значительнымъ, къ третьему году войны поблекъ окончательно и меркъ со дня на день. Все ставилось въ вину этому незадачливому, несчастному человѣку, взнесенному капризомъ судьбы на тяжелый русскій престолъ въ роковой часъ русской исторіи.

И затяжная, въ связи съ техническою отсталостью и неудачнымъ командованіемъ, неслыханно кровопролитная, опустошительная война. И назначенія на высшіе посты въ государствѣ бездарныхъ, недостойныхъ, вызывавшихъ общественное негодованіе, лицъ И сплетни о шпіонажѣ и вѣроломномъ предательствѣ, свившія якобы гнѣздо въ царскосельскомъ дворцѣ—все это, косвенно или прямо, относилось къ царю и непопулярной царицѣ.

Въ особенности раздражала распутинская исторія, раздутая до невѣроятныхъ предѣловъ, подрывавшая уваженіе къ коронѣ, набросившая мрачную тѣнь на святость и чистоту царскихъ чертоговъ. Много здѣсь ложнаго, преувеличеннаго и несправедливаго, но доля истины все же имѣлась. Убійство старца было встрѣчено ликованіемъ...

Я позволилъ себѣ коснуться вскользь этой острой и до сихъ поръ еще волнующей темы, чтобы отмѣтить, что и на фронтѣ, въ самой глухой и затерянной его точкѣ, отголосокъ общаго настроенія имѣлъ свое мѣсто. Можетъ быть, сравнительно незначительное, ибо главное вниманіе было все же устремлено впередъ, туда, въ смутно синѣвшія за Быстрицею Надворянскою дали, гдѣ за вражескими окопами начиналась венгерская граница и мерещился загадочный Кересмежъ...

Ваше сіятельство, князь Николай Петровичъ Вадбольскій, мой уважаемый начальникъ дивизіи!.. Драгуны — Архангелородцы девятнадцатаго полка — полковникъ Петровскій, Каргановъ и Алексѣевъ, ротмистръ Кубаркинъ, Алябьевъ, Орфеновъ, Чебеняевъ, Бухаровъ и баронъ Драхенфельсъ, господа офицеры и солдаты, мои боевые друзья!..

Если попадутся вамъ на глаза эти строки, быть можетъ, разбудятъ онѣ въ вашей душѣ воспоминанія о далекихъ карпатскихъ дняхъ, отъ яснаго утра къ оранжевому закату, и отъ

заката къ вѣющей черными мохнатыми крыльями ночи...

Я бы воспѣлъ ихъ, какъ сказку, какъ лирическую поэму, достойную, можетъ быть, стихотворнаго ритма!..

На кручахъ, среди снѣгового безмолвія, подъ горячимъ золотомъ солнца и въ студеномъ мракѣ ночей, бригада стояла на стражѣ, вѣрная боевому закону.

Было несказанное очарованіе въ богоданной природѣ, величавой и пышной, не оскверненной человѣческой пошлостью, лучезарной и чистой, словно только что вышедшей изъ рукъ Творца.

Бѣлый коверъ, ослѣпляющій до боли въ глазахъ, раскинулъ во всѣ стороны брильянтовые узоры, затопилъ долины и бездны, запушилъ вершины и склоны. А на немъ, словно шапка сказочнаго волшебника, окаймленная голубыми песцами, чернѣетъ вѣковой, дикій, непроходимый лѣсъ.

Прозраченъ разрѣженный воздухъ, и если взглянуть сверху внизъ, на австрійскую позицію, лежащую, за скованнымъ ледянымъ панцыремъ, горнымъ потокомъ, три версты разстоянія превращаются въ какихъ нибудь триста шаговъ... Удивительный обманъ зрѣнія!.. Все видно, какъ на ладони... Стальная сѣть загражденій, амбразуры и бруствера, запорошенный снѣгомъ блиндажъ... Въ бинокль можно разглядѣть даже безусое лицо молодого сол-

дата, облокотившагося, въ раздумьи, на винтовку, съ острымъ жаломъ ножа...

Въ полдень дымятся походныя кухни, ползетъ острый запахъ каши и щей. Гусары резерва сидятъ на солнцѣ въ разстегнутыхъ курткахъ, чинятся, смазываютъ оружіе, балагурятъ, разражаясь крѣпкимъ здоровымъ хохотомъ, перекидываются, какъ малыя дѣти, въ снѣжки.

Господа офицеры покуриваютъ табакъ, бесѣдуютъ между собой или же, на крошечныхъ лошаденкахъ гуцульской породы, взбираются на горы и повѣряютъ сторожевыя заставы. Иногда, не болѣе, какъ разъ на день, прозвучитъ выстрѣлъ:

— Та-ку!

Это коза или олень вышелъ на часового. Это значитъ, что въ одномъ изъ эскадроновъ будетъ на ужинъ свѣжее мясо. Тысячезвучнымъ эхомъ выстрѣлъ облетаетъ горы, долины, ущелья и замираетъ вдали..

Я сижу на стволѣ поваленнаго бурею дуба и гляжу въ синія дали, гдѣ обрываются горы и лежитъ, среди венгерской равнины, таинственный Кересмежъ... Свѣтлые образы ласкаютъ умиротворенную душу... Снѣговое безмолвіе и величавый покой полны непередаваемого очарованія... Порою, мнѣ чудится благовѣстъ... Я не знаю что это такое — горный обвалъ или журчанье потока, хрустальная музыка ледяныхъ капель или просто игра обостреннаго слуха?.. Но порой чудится звонъ

далекихъ колоколовъ, создающій фантастическую иллюзію, погружающій сознаніе въ область несказанныхъ миражей... Донъ-донъ-донъ!.. Огненный ликъ улыбается прощальной улыбкой и готовъ скатиться за лиловыя горы... Въ вечерѣющемъ небѣ вспыхиваютъ ясныя горныя звѣзды... Таинственная мелодія звучитъ все рѣже, все глуше...

„Вечерній звонъ,
Вечерній звонъ,
Какъ много думъ
Наводитъ онъ..."

Сейчасъ, на третьемъ году войны, я почувствовалъ впервые необъяснимое утомленіе, не столько, впрочемъ, физическаго, сколько моральнаго свойства. Безсонныя ночи, напряженные дни, нервная тревога тридцати безконечныхъ и страшныхъ мѣсяцевъ не проходятъ безслѣдно... Чувства требуютъ отдыха... Душа жаждетъ покоя!..

Ко всему этому, я сталъ обнаруживать въ себѣ признаки какого-то страннаго охлажденія къ тому ремеслу, которому посвятилъ себя съ юныхъ лѣтъ. Оно рисовалось мнѣ въ нѣсколько иныхъ формахъ. Подойдя теперь къ нему совершенно вплотную, я обманулся во многомъ.

И точно, если въ ремеслѣ кроваваго бога войны раньше, можетъ быть, наблюдалась доля извѣстной романтики, сейчасъ не оста-

лось и тѣни. Романтика осталась только въ воображеніи восторженныхъ юношей да на пергаментѣ старинныхъ гравюръ, запечатлѣвшихъ батальные эпизоды и подвиги отдѣльныхъ, воспѣтыхъ, можетъ быть, съ излишней щедростью героевъ.

Взамѣнъ романтики—сѣрая, скучная проза.

Вмѣсто эффектныхъ кавалерійскихъ атакъ, мгновенныхъ и сокрушительныхъ, какъ ударъ молніи — безконечное сидѣнье въ зловонныхъ траншеяхъ. Вмѣсто героическихъ подвиговъ — война на истощеніе силъ, со всѣми сопутствующими ей спутниками: холодомъ, голодомъ, пожарами и дымомъ развалинъ, сыпнякомъ и жгучей тоской по прекрасному...

Сейчасъ, въ этой позиціонной войнѣ, не можетъ быть ничего, напоминающаго конную атаку Домбровскаго подъ Соммой-Сіеррой, ни дерзкаго броска ротмистра Бехтольсгейма въ бою подъ Кустоццей, ни подвига самого Бонапарта на Аркольскомъ мосту.

Зейдлицъ и Цитенъ, безсмертные гренадеры и маршалы великаго корсиканца — Ланнъ, Ней, Мюратъ, партизаны отечественной войны— Сеславинъ, Фигнеръ и Дороховъ, кавказскіе орлы — Слѣпцовъ, Баклановъ, герои севастопольской обороны и другихъ историческихъ битвъ и кампаній — французъ Камброннъ, американецъ Морганъ, русскій маіоръ Горталовъ — все это легендарныя фигуры прошлаго, которое не повторится.

Дерзость, отвага, личный примѣръ, подвиги мужества, чести, великодушія, съ обмѣномъ рыцарскими любезностями на поляхъ брани — «Messieurs les Anglais, tirez les premiers!» — уступили мѣсто единоборству машинъ, бездушной техникѣ, безстрастнымъ законамъ экономики, химіи и механики...

Кто близко соприкоснулся съ оборотной стороной батальной медали, кто слышалъ раздирающіе сердце стоны тяжело раненыхъ, хрипѣніе умирающихъ и заживо погребенныхъ, кто видѣлъ сотни, тысячи, гекатомбы молодыхъ человѣческихъ тѣлъ, смрадныхъ, истерзанныхъ и распухшихъ, въ различныхъ позахъ устилающихъ поля битвы, вперившихъ невидящіе глаза въ ликующее ясное небо, или частоколъ, выстроенныхъ въ шеренги, безвременныхъ могильныхъ крестовъ, кто наблюдалъ, наряду съ этимъ, упадокъ общественнаго одушевленія, равнодушіе и вакханалію сытаго, празднаго, распутнаго тыла — тотъ не могъ не ощущать всѣми нервами ужасовъ современной войны...

Современная война хороша, можетъ быть, издали или въ воображеніи. На близкой дистанціи, она представляетъ чрезвычайно однообразное, смертельно-скучное и порою совершенно невыносимое зрѣлище...

Здѣсь, на тихой карпатской позиціи, въ уединеніи съ величавой природой, впервые въ моемъ сознаніи закопошились новыя мысли. Впервые я усомнился въ правотѣ того дѣла

во имя котораго уже принесено, съ обѣихъ сторонъ, сколько неисчислимыхъ жертвъ.

Во имя чего, ради какихъ интересовъ, изъ какихъ, можетъ быть, высшихъ, но не понятныхъ для огромнаго большинства людей соображеній?

Для того, чтобы утопивъ землю въ слезахъ и въ крови, перекроить карту Европы на новый ладъ и создать новый поводъ для будущихъ, еще болѣе гибельныхъ столкновеній.

Безсмысленность рѣшенія международныхъ тяжбъ при помощи разрывныхъ пуль, отравленныхъ газовъ и тяжелыхъ орудій, становилась для меня, очевидной. Затраченные мильярды и мильоны человѣческихъ жизней, къ сожалѣнію, самыхъ сильныхъ, самыхъ отборныхъ, являлись безцѣльными и преступными.

О, прогрессъ, культура, цивилизація, какова ваша цѣнность, если отъ зари христіанства, пройдя черезъ двадцать столѣтій, наряду съ великими завоеваніями мысли и духа, не нашли ничего лучшаго, какъ принести съ собой новые усовершенствованные методы въ техникѣ человѣческаго взаимоистребленія!..

Здѣсь, въ эти ясные, свѣтлые, успокоительные часы, я впервые почувствовалъ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣрности того пути, на который не столько, можетъ быть, по влече-

нію, сколько по семейнымъ традиціямъ, сталъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Оглянувшись на этотъ путь, я не имѣю, въ сущности, права быть имъ недовольнымъ.

Я продѣлалъ его легко, безъ особыхъ усилій, въ благопріятно сложившейся обстановкѣ. Военная служба выковала характеръ, дисциплинировала умъ, подчинила чувства разсудку. Эта служба развернула въ моей жизни рядъ прекрасныхъ страницъ. Наконецъ, съ точки зрѣнія служебной карьеры, открываетъ передо мной безграничный просторъ.

Мнѣ тридцать девять лѣтъ. Я сохранилъ силы и свѣжесть, возможныя лишь на военной службѣ. Состою пять лѣтъ въ чинѣ полковника генеральнаго штаба, имѣю значительный опытъ, высшія боевыя отличія, представленъ къ производству въ чинъ генерала. Впереди меня ожидаетъ командованіе кавалерійской дивизіей, можетъ быть корпусомъ или арміей.

Но на военную службу, какъ и на всякую службу вообще, я ставлю, кажется, крестъ. Вторая половина моей жизненной дороги сложится инымъ образомъ. Къ счастью, я не обладаю чрезмѣрно развитымъ честолюбіемъ.

Съ окончаніемъ войны, если судьбѣ будетъ угодно сохранить меня невредимымъ, я намѣренъ взять полугодовой отпускъ и подать въ отставку. Я поселюсь въ своей усадьбѣ и буду жить для своихъ близкихъ и для себя,

отдаваясь своимъ страстямъ — охотѣ и путешествіямъ.

Кромѣ того, я сдѣлаю попытку заняться литературнымъ трудомъ. Я напишу книгу о великой войнѣ, простую правдивую книгу, но не въ формѣ историческаго или военно-научнаго повѣствованія, а въ видѣ небольшихъ бытовыхъ очерковъ. Въ ней будетъ изложено все, что я видѣлъ собственными глазами, что перечувствовалъ собственнымъ сердцемъ, на страдномъ пути отъ береговъ Балтійскаго моря до снѣжныхъ вершинъ Карпатъ...

А сейчасъ — командую пятнадцатый мѣсяцъ драгунскимъ полкомъ и хотѣлъ бы закончить войну на этой должности. Она меня удовлетворяетъ въ несравненно большей степени, нежели штабная работа.

О, какое это великое наслажденіе стоять во главѣ тридцати шести смѣлыхъ, рѣшительныхъ, достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ офицеровъ и тысячи такихъ же отборныхъ солдатъ, изъ различныхъ губерній обширнаго царства россійскаго — вологодскихъ, рязанскихъ, саратовскихъ, каменецъ-подольскихъ, повинующихся малѣйшему слову, знаку или намеку, съ пламеннымъ сердцемъ исполняющихъ мою волю!..

За эти пятнадцать мѣсяцевъ, я сроднился съ полкомъ, какъ только можно сродниться въ тревожной боевой обстановкѣ, передъ лицомъ ежеминутно вѣющей смерти, на переходахъ по всему фронту, среди блестящихъ

удачъ и горечи пораженій. Мнѣ тяжело будетъ разстаться. По этой причинѣ, я уже дважды отказался отъ предлагаемыхъ назначеній и, съ нѣкоторымъ волненіемъ, ожидаю третьяго предложенія, на которое долженъ буду отвѣтить согласіемъ...

Я вспоминаю, какъ совсѣмъ недавно, какихъ-нибудь двѣ недѣли тому назадъ, съ нами прощался командиръ нашего, 2-го кавалерійскаго корпуса, великій князь Михаилъ.

Онъ получилъ почетное назначеніе на должность генералъ-инспектора кавалеріи.

Вблизи полуразрушенной Надворной, у деревни Красна, на фонѣ голубѣющихъ Карпатъ, великій князь сдѣлалъ намъ прощальный смотръ.

На сѣромъ текинскомъ жеребцѣ, въ сѣрой черкескѣ и папахѣ, въ сопровожденіи небольшого штаба, великій князь объѣзжалъ кавалерійскую бригаду, построенную на залитой яркимъ солнцемъ снѣговой полянѣ:

— Здорово, Архангелогородскіе драгуны!

— Здорово, Иркутскіе гусары!

Я стоялъ передъ бригадой и короткимъ галопомъ скакалъ на своей «Лиліанъ Грей». Подъ звуки трубачей мы проходили церемоніальнымъ маршемъ, салютовали и отвѣчали на привѣтствіе по правиламъ кавалерійскаго устава. Пестрѣли бѣло-красные флюгера на пикахъ, неслось серебряное ржаніе коней, сверкали

снѣговые хлопья изъ-подъ копытъ драгунскихъ и гусарскихъ эскадроновъ.

Вечеромъ, въ деревнѣ Майданъ Гурный, мы чествовали великаго князя прощальнымъ ужиномъ.

Было просто и весело. Гремѣла музыка. Офицеры пѣли, разсказывали, декламировали. Въ особенности отличался одинъ прапорщикъ, бывшій артистъ опереточной сцены, съ большимъ искусствомъ передававшій модныя военныя пѣсенки, высмѣивавшія стараго Франца Іосифа и нѣмецкаго кайзера:

„Будемъ мы,
Тра-та-та,
Воевать,
Тра-та-та,
А на прочее намъ наплевать!“

Великій князь смѣялся отъ всей души. Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ вспоминалъ наши юные годы. Великій князь остался тѣмъ же простымъ, скромнымъ, довѣрчивымъ человѣкомъ. Но съ внѣшней стороны сильно измѣнился.

Онъ постарѣлъ, намѣтились морщины, волосы замѣтно порѣдѣли, отъ прежняго румянца не осталось слѣда. И тѣмъ не менѣе, онъ все-таки напоминалъ мнѣ того красиваго юношу, какимъ я зналъ его когда-то по совмѣстной службѣ въ кирасирскомъ полку.

Великій князь былъ боленъ серьезною желудочною болѣзнью. Онъ часто уѣзжалъ съ

фронта въ орловское имѣніе Брасово. А сейчасъ покидалъ насъ совсѣмъ:

— Вы не повѣрите, какъ жалко уѣзжать!.. Какъ будто разстаюсь на вѣки!

Предчувствія его не обманули.

Это была послѣдняя встрѣча съ великимъ княземъ, милымъ, славнымъ моимъ сослуживцемъ и командиромъ, о которомъ храню свѣтлую память.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, это были послѣдніе дни, проведенные мною, подъ одной кровлей, въ дружной бригадной семьѣ...

И былъ такой день, яркій, свѣтлый, безтрепетный день, когда мнѣ подали телеграмму.

Я стою у базальтовой скалы, по которой стекаютъ хрустальныя капли, гляжу на застывшій ручей и на сверкающій снѣгъ, съ оттисками чьихъ-то слѣдовъ.

По моему мнѣнію, это выдра, маленькая, бойкая выдра, та самая, которая каждую ночь подходитъ къ домику лѣсника и, покружившись съ какими-то таинственными цѣлями, сбѣгаетъ обратно къ ручью и исчезаетъ въ одномъ и томъ же сѣверномъ направленіи. Все это можно прочесть по слѣдамъ, какъ по слѣдамъ же я открываю ночные визиты зайчишекъ, быстролетный бѣгъ козъ, рандеву дикихъ свиней...

Полковой адъютантъ передалъ телеграмму. Я вскрылъ и прочелъ офиціальныя строки:

„Не встрѣчается ли препятствій къ назначенію васъ военнымъ представителемъ въ главную квартиру главнокомандующаго итальянскимъ фронтомъ?“

Генералъ Головинъ.

Этотъ запросъ былъ для меня неожиданнымъ. Однако, мнѣ было извѣстно, что отдѣльные офицеры генеральнаго штаба получаютъ командировки въ союзныя арміи. Это производилось не столько по военнымъ, сколько по политическимъ соображеніямъ.

Два чувства боролись въ моей груди.

Поѣздка на итальянскій театръ, въ штабъ генерала Кадорны, новое путешествіе, новыя впечатлѣнія, само собой разумѣется, отвѣчали моимъ желаніямъ. Я сознавалъ, что такъ или иначе, въ самомъ ближайшемъ будущемъ, мнѣ придется разстаться съ полкомъ, какъ бы я не упорствовалъ. Нужно воспользоваться, на этотъ разъ, соблазнительнымъ предложеніемъ, которое достается на долю не каждаго.

Послѣ короткаго размышленія, я отвѣтилъ согласіемъ.

Въ волненіи протекло нѣсколько дней. Сознаніе рисовало заманчивыя картины. Я имѣлъ шансы получить предлагаемую командировку.

Мною было упущено только одно обстоятельство.

Будучи первымъ кандидатомъ по фронту, я могъ не оказаться таковымъ же по Ставкѣ,

въ которой не было, кстати, прочно налаженныхъ связей.

Такъ оно и случилось. Назначеніе мое не состоялось.

Вмѣсто предполагавшейся Италіи, я получилъ приказаніе ѣхать въ Прилуки и занять должность начальника штаба второй кавалерійской дивизіи, съ правами бригаднаго генерала...

Двадцать пятаго февраля, послѣ сердечныхъ проводовъ, я разстался съ полкомъ и съ горной позиціей.

Оглянувшись въ послѣдній разъ, я увидѣлъ охотничій домикъ и стоявшую возлѣ него группу людей... Я увидѣлъ подымавшійся къ небу вертикальными струйками дымъ драгунскихъ костровъ и зазубрины снѣгового хребта, за которымъ, какъ фантастическій призракъ, какъ влекущее марево, лежалъ загадочный Кересмежъ...

2

ПОДЪ СТУКЪ КОЛЕСЪ

Я не историкъ, не публицистъ и не научный изслѣдователь событій, отыскивающій причинную связь между звеньями одной и той же цѣпи, разлагающій каждое явленіе на составныя части, подвергающій ихъ критическому анализу и, въ совокупности всѣхъ трудовъ, представляющій обществу точный, ясный, непогрѣшимый выводъ.

Я неизвѣстный, маленькій человѣкъ, впервые выступающій на литературномъ поприщѣ, выросшій въ спеціальной военной средѣ, сроднившійся съ нею всѣмъ существомъ, не свободный, конечно, отъ многихъ ея условностей и предразсудковъ, но въ то же время, въ силу ряда причинъ, съ неизмѣннымъ интересомъ, и даже съ долею нѣкотораго сочувствія, слѣдившій за развитіемъ русской общественной мысли.

Такимъ образомъ, съ политической точки зрѣнія, я бы счелъ себя примыкающимъ къ умѣренно-прогрессивному лагерю, стремивше-

муся вполнѣ законными мѣрами, въ соотвѣтствіи съ имѣвшимися возможностями, направить страну на путь широкихъ, разумныхъ, необходимыхъ реформъ.

Въ борьбѣ самодержавія съ этой общественностью, симпатіи, естественно, лежали на сторонѣ послѣдней, но симпатіи тайныя, въ силу служебнаго положенія не могущія быть проявленными открыто, увеличивавшіяся по мѣрѣ злосчастныхъ ошибокъ престола и власти.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранилась, однако, вѣрность монархическимъ принципамъ и идеѣ, какъ сохранительницѣ лучшихъ традицій русскаго прошлаго, какъ эмблемѣ государственнаго могущества, сковавшаго въ нерасторжимое цѣлое великую страну.

Апокалипсическія событія грядущихъ дней не поколебали моего символа вѣры, но дали лишнее доказательство, что безъ единой національной, честной и сильной власти, соотвѣтствующей политической зрѣлости страны, великое государство не выйдетъ изъ того состоянія соціальнаго, экономическаго и политическаго распада, въ который повергъ его помутившійся разумъ народа, роковыя ошибки престола и вихрь не въ мѣру затянувшейся, неудачной войны.

Само собой разумѣется, что эти событія обрѣли во мнѣ не столько апологета, сколько идейнаго и физическаго противника и одну изъ безчисленныхъ жертвъ.

Но кромѣ того, на мою долю выпала роль наблюдателя, по прихоти своевольной судьбы соприкоснувшагося достаточно близко съ отдѣльными актами великой русской трагедіи.

Все пережитое я пытаюсь передать на страницахъ моей маленькой повѣсти, подъ условіемъ, что личныя впечатлѣнія, штрихи и отрывочныя замѣтки не будутъ восприняты, какъ вполнѣ объективный и полный, претендующій на абсолютную точность, въ особенности, въ своихъ поверхностныхъ заключеніяхъ, трудъ.

Съ своей стороны, я буду какъ можно болѣе искреннимъ.

Я продолжаю повѣсть съ того прочно сохранившагося въ памяти дня, когда автомобиль санитарной летучки доставилъ меня изъ Пнюва въ маленькую, грязную, забитую повозками тыла, расположенную у подножія горъ — Коломыю.

Само собой разумѣется, что прямой путь изъ Коломыи въ Прилуки лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги на Петроградъ.

Но если принять во вниманіе поверстный срокъ и любезность непосредственнаго начальника, предложившаго кратковременный отпускъ для устройства домашнихъ дѣлъ, станетъ понятнымъ, почему невѣдомыя Прилуки отошли временно на задній планъ, уступивъ мѣсто хорошо знакомой невской столицѣ...

Февраль на исходѣ.

По этому случаю, какъ первый вздохъ, какъ ласкающее предчувствіе, наблюдается вѣяніе южной весны. На поляхъ еще лежитъ снѣгъ, но какой жалкій, въ бурыхъ проплѣшинахъ, съ островами жирнаго чернозема!.. Потоки червоннаго золота льются съ яснаго неба... И дымится земля, и щекочетъ весенними ароматами...

Весна съ одной стороны, а съ другой, стукъ вагонныхъ колесъ, мягкое покачиваніе рессоръ, уютъ комфортабельнаго купэ и сознаніе быть предоставленнымъ всецѣло себѣ на протяженіи нѣсколькихъ дней—все это располагаетъ къ легкимъ, радужнымъ размышленіямъ.

— Трахъ-тахъ-тахъ!.. Трахъ-тахъ-тахъ! — звенитъ металлическая симфонія, съ своимъ нѣсколько однообразнымъ, убаюкивающимъ ритмомъ.

А передъ глазами еще стоятъ снѣговыя вершины и зазубрины голубого хребта, ущелья и кручи, занесенныя пушистымъ ковромъ, задумчивое безмолвіе лѣса, горный ручей и хижина лѣсника, возлѣ которой виднѣются нѣсколько крошечныхъ точекъ.

— Не поминайте лихомъ, друзья!

Я покинулъ васъ навсегда, со всѣми планами и надеждами, о которыхъ бывало, въ минуты досуга, такъ горячо велась бесѣда за кружкой наполовину остывшаго чая.

— Прощайте!

Въ памяти стоятъ слова напутственныхъ пожеланій, послѣдняя бесѣда съ начальникомъ, передавшимъ, подъ строгимъ секретомъ, неожиданное извѣстіе. Безъ сомнѣнія, оно будетъ встрѣчено мною съ удовлетвореніемъ. Въ ближайшемъ будущемъ, по представленію Ставки, состоится мое назначеніе командиромъ Гвардейскаго полка, по всей вѣроятности — лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я началъ въ этомъ полку военную службу!.. Этимъ же полкомъ я закончу свою боевую карьеру!.. Подобное совпаденіе слѣдуетъ признать исключительнымъ!..

Между тѣмъ, промелькнулъ тарнопольскій вокзалъ, наполненный офицерами всѣхъ родовъ войскъ, какъ всегда шумный, какъ всегда залитый электрическими огнями, создающими особое настроеніе.

Въ окна глядитъ вечерѣющая волынская равнина.

— Трахъ-тахъ-тахъ! — выстукиваетъ валторна колесъ, мелькаютъ столбы, проносятся встрѣчные поѣзда, бѣгутъ въ тактъ знакомыя рифмы:

„Съ сѣвера болота и лѣса,
Съ юга степи, съ запада Карпаты,
Тусклая надъ моремъ полоса,
Балтики зловѣщіе закаты...
А съ востока — дали, дали, дали,
Вѣтеръ, солнце, пѣсни, облака,
Золото и сосны на Уралѣ
И руды желѣзная рѣка...“

Я нахожу особое развлеченіе въ бесѣдѣ съ дорожными спутниками.

Сначала, уже немолодой инженеръ путей сообщенія передаетъ свои наблюденія надъ галиційскими желѣзными дорогами, посвящаетъ въ детали желѣзнодорожнаго дѣла, изъ коихъ до сихъ поръ держу въ памяти одну характерную мелочь.

Спрашивается, по какой причинѣ на русскихъ дорогахъ отдавалось предпочтеніе деревяннымъ шпаламъ передъ металлическими?

По словамъ инженера, это объясняется не богатствомъ лѣсного матеріала, а главнымъ образомъ тѣмъ, что деревянныя шпалы способствуютъ лучшему сохраненію дорого стоящаго подвижного состава...

Знакомство съ артельщиками, перевозящими подъ охраной конвоя денежные пакеты, даетъ поводъ къ бесѣдѣ на новыя темы.

Вспоминаются эпизоды изъ прежняго, разбойныя нападенія «эксовъ» и революціонеровъ различныхъ мастей, во имя борьбы съ самодержавнымъ режимомъ, пополнявшихъ подобнымъ образомъ свои тощіе кошельки. Вспоминается, между прочимъ, извѣстное въ свое время ограбленіе кіевскаго государственнаго банка, на Липкахъ, передаваемое мнѣ, какъ свидѣтельство очевидцевъ. Одинъ изъ артельщиковъ при этомъ былъ даже раненъ...

Незамѣтно протекаетъ волынская ночь.

А утромъ — Кіевъ въ пышномъ зимнемъ уборѣ, мать городовъ русскихъ, съ золочеными

маковками раскинутыхъ на семи днѣпровскихъ холмахъ церквей, съ сѣдоусымъ Днѣпромъ, съ Купеческимъ садомъ въ серебряной розсыпи и тяжелыхъ снѣговыхъ гроздьяхъ, съ бойкимъ Крещатикомъ, съ Семадени и съ Франсуа, съ веселой кіевскою толпой, съ розощекими кіевлянками, съ суетой столичнаго тыла.

О, милый, столь любезный моему сердцу градъ, въ которомъ и юность, и зрѣлость, и золотые дѣтскіе годы отмѣчены неувядаемыми слѣдами!..

Наступитъ часъ и я вновь возвращусь подъ твои изливающія нѣгу покровы и снова моя нога, въ поискахъ ласковаго пріюта, будетъ попирать твои гостепріимныя стогна!..

Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ морознѣе и тоскливѣе...

Уже нѣтъ ничего, напоминающаго вчерашнее вѣяніе галиційской весны... Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ!.. Запорошенные лѣса и синеватый иней обледенѣлыхъ полей... Нахохлившіяся вороны, проволока телеграфныхъ столбовъ, станціонныя зданія, прикурнувшія сиротливо въ сумракѣ зимняго вечера...

Могилевъ — съ комендантомъ и рослыми жандармами на перронѣ... Ставка — головной мозгъ тысячеверстнаго фронта, стратегическій центръ, отъ котораго разбѣгается цѣлая сѣть микроскопическихъ нервныхъ сосудовъ, къ

Балтійскому морю, къ болотамъ Полѣсья, къ горнымъ вершинамъ Карпатъ...

Высшіе полководцы, представители союзныхъ державъ, царская свита и Его Величество — Императоръ...

— Трахъ-тахъ-тахъ!.. Трахъ-тахъ-тахъ! — звенитъ металлическая симфонія... И снова падаетъ ночь, вторая ночь, въ теченіе которой удается задремать лишь на разсвѣтѣ.

Причина заключается въ капитанѣ Бобковѣ, капитанѣ туркестанскихъ стрѣлковъ, героѣ съ тремя раненіями и георгіевскимъ крестомъ на груди.

Ахъ, совершенно непередаваема эта стрѣлковая одиссея, насыщенная тихими окопными ужасами, газами ядовитыхъ снарядовъ, смрадомъ гніющихъ на проволокѣ человѣческихъ тѣлъ!.. Человѣческой доблестью, человѣческой низостью, отвагой и малодушіемъ, дерзкимъ вызовомъ Року и слѣпою покорностью, съ пьянымъ лозунгомъ въ періоды кратковременныхъ тыловыхъ развлеченій:

— Хоть часъ да мой!..

Принадлежность къ одному и тому же военному цеху придаетъ нашей бесѣдѣ спеціальный характеръ. Изъ-подъ спуда извлекается старый багажъ, историческіе примѣры, героическія эпохи, начиная отъ сотворенія міра до нынѣшнихъ дней.

Дѣло, конечно, не въ томъ, въ какой мѣрѣ та или иная боевая эпоха лишена налета романтики или, наоборотъ, насыщена ею. Дѣло

въ томъ, что не право, а мечъ является, повидимому, высшимъ арбитромъ, призваннымъ разрѣшать тяжбы между народами на нашей, трижды грѣшной землѣ. И это значеніе онъ сохранитъ еще на тысячелѣтія...

Отъ сѣдой древности, отъ разрушенныхъ царствъ, со временъ какого-нибудь вавилонскаго Гаммураби, этого Карла Великаго далекой, покрытой пылью и прахомъ эпохи, отъ ассирійцевъ и финикіянъ, отъ персидскаго Ксеркса, мидянъ и парфянъ — въ классическій міръ, къ великому царю македонянъ, съ гоплитами и македонской фалангой, къ нумидійскимъ всадникамъ, къ Карфагену, къ Ганнибалу и Каннамъ, къ желѣзнымъ легіонамъ Юлія Цезаря.. Отъ печенѣговъ и скифовъ, вандаловъ и готовъ—къ гуннамъ Атиллы и Каталаунскимъ полямъ, къ норманамъ, тевтонамъ и франкамъ, къ Ронсевалю, къ Роланду, къ Карлу Мартелу, въ такое же кровавое средневѣковье...

Отъ походовъ великолѣпнаго рыцарства—къ сарацинамъ и маврамъ, къ татарамъ Батыя и монголамъ Тимура, къ оттоманамъ, венграмъ и византійцамъ... Отъ чешскихъ дружинъ Яна Жижки и кантональныхъ «баталій» Арнольда Винкельрида—къ кондотьерамъ Сфорцы и Малатесты, къ ландскнехтамъ Валленштейна и Тилли, къ Густаву Адольфу, къ Тюренну и Евгенію Савойскому, къ Оливеру Кромвелю, къ Карлу XII, къ прусскому Фридриху, къ русской Екатеринѣ, къ великой эпохѣ Наполеона...

А потомъ, столѣтіе новѣйшей исторіи — гуманитарныхъ наукъ, великихъ открытій и великихъ человѣческихъ кровопусканій...

Да, мечъ, тяжелый желѣзный мечъ, является, къ сожалѣнію, верховнымъ судіей, и до конца міра, пока на землѣ остается два человѣческихъ существа, ему, по всей вѣроятности, принадлежитъ рѣшающее значеніе!

Въ концѣ концовъ, не есть ли это законъ, вытекающій изъ основного закона борьбы за существованіе, который неизмѣнно наблюдается въ природѣ, въ каждомъ органическомъ атомѣ?

Не есть ли это роковая необходимость или стихійное бѣдствіе, не подвластное укрощенію человѣкомъ, подобно потопу, вулканическимъ катаклизмамъ, голоду, моровому повѣтрію, уносящимъ мильоны живыхъ и здоровыхъ существъ, въ видѣ необходимой поправки къ другому закону, вызывавшему, въ свое время, опасенія Мальтуса?...

Если сравнить прошлое съ настоящимъ, трудно опредѣлить какому времени слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

Основываясь на исторіи и военной наукѣ, можно отмѣтить, что древніе и средніе вѣка заняты сплошь ремесломъ массоваго человѣкоубійства. Это взаимоистребленіе на поляхъ брани, когда противники сходились на длину меча или какой-нибудь «сариссы», отличалось

особымъ кровопролитіемъ. Процентъ павшихъ въ рукопашномъ бою поражаетъ своею относительною величиной, плѣнные истреблялись, мирное населеніе уничтожалось, не исключая женщинъ и грудныхъ младенцевъ. Болѣзни и моръ довершали работу оружія.

Въ связи съ новѣйшею эрою въ исторіи человѣчества, въ кровавыхъ тяжбахъ между народами наблюдаются, правда, нѣкоторые антракты. Однако, эти антракты компенсируются, въ пользу бога войны, такими неисчислимыми жертвами, при очередныхъ взрывахъ, съ которыми трудно сравнить даже всю эпоху Крестовыхъ походовъ или Тридцатилѣтней войны.

Статистики успѣли привести рядъ интересныхъ цыфръ.

Такъ, одинъ день битвы на Марнѣ повлекъ за собой расходъ чугуна и стали, равный выпущенному въ теченіе всей франко-прусской войны 1870 года.

Въ бояхъ подъ Верденомъ сгорѣло, какъ ворохъ соломы, двадцать восемь германскихъ дивизій.

Въ мартовскихъ бояхъ на Соммѣ, цѣною уничтоженія шестидесяти четырехъ дивизій, нѣмцы растреплютъ союзныя арміи французовъ и англичанъ, и поставятъ Антанту на край гибели.

Послѣ битвы «за гавани», послѣдуетъ еще болѣе грандіозная «битва за Парижъ», въ которой приметъ участіе 152 германскихъ диви-

зіи. Наконецъ, послѣдуетъ «битва за миръ», въ которую будетъ брошено все.

Въ заключительныхъ бояхъ, рѣшившихъ судьбу великой кампаніи, германскія арміи потеряютъ 700.000 ранеными и убитыми, 360.000 плѣнными, 6000 орудій, 38.000 пулеметовъ.

Соединенные Штаты Америки, въ послѣдніе мѣсяцы войны, расходуютъ на свою армію одинъ мильонъ долларовъ въ минуту.

Общая сумма военныхъ издержекъ сражавшихся государствъ составитъ примѣрно 70 мильярдовъ англійскихъ фунтовъ.

Если разложить эту сумму серебряными рублями, они образуютъ гигантскую ленту, которою можно опоясать земной шаръ тысячу разъ.

Количество убитыхъ бойцовъ, поставленныхъ въ затылокъ другъ другу, составитъ цѣпь, длиною въ 7000 километровъ, почти равную протяженію великаго сибирскаго пути, отъ Петербурга до Владивостока.

Если убитыхъ построить въ густыя колонны, по восемь человѣкъ въ шеренгѣ, и пропустить церемоніальнымъ маршемъ, подобный парадъ займетъ десять сутокъ.

Не подтверждаютъ-ли эти цыфры ту мысль, что культура и цивилизація не внесли серьезнаго измѣненія въ неумолимый законъ, согласно котораго, извѣстная часть человѣчества, въ извѣстные сроки, вычеркивается однимъ ударомъ изъ списка живыхъ существъ?..

Никакимъ Гомерамъ не описать кровавый хаосъ, именуемый великой войной, не воспѣть битвъ, равныхъ коимъ не было на землѣ отъ сотворенія міра!..

Бесѣда переходитъ снова на актуальныя темы.

Само собой разумѣется, капитанъ Бобковъ, какъ истинный патріотъ, вѣритъ въ близкую побѣду надъ упорнымъ противникомъ. Цѣною страшнаго напряженія, мильонами раненыхъ и убитыхъ, потрясеніемъ всего организма, заплатила Россія за свою темноту и техническую отсталость. Но побѣда — не за горами!..

Побѣда смоетъ позоръ пораженій, дастъ странѣ увѣренность въ своей силѣ, укрѣпитъ зашатавшійся тронъ, проложитъ новые пути къ могуществу, величію, славѣ!.. Императоръ, съ высоты престола, передаетъ народу часть правъ и, безъ сомнѣнія, переходитъ въ исторію — Великимъ!..

Такъ говоритъ капитанъ Бобковъ.

А мнѣ вспоминаются, въ эту минуту, слова плѣненнаго подъ Трембовлей прусскаго маіора:

— Съ цѣлымъ міромъ воевать невозможно!.. Мы будемъ, вѣроятно, раздавлены!.. Но Николай II никогда не будетъ Великимъ!..

Эти слова сидятъ въ мозгу, точно гвоздь.

Часто они приходятъ на умъ и не понять ихъ символическаго значенія...

Россія надорвалась, это вѣрно, но не сломанъ позвоночный хребетъ, не затронуто сердце... Еще послѣднее, небольшое усиліе, мѣсяцъ, другой, можетъ быть, третій — и побѣда, рѣшительная и окончательная, обезпечена...

Развѣ до нѣкоторой степени не справедлива старая истина, что «Россія проигрывала сраженія, но выигрывала кампаніи»?

Только бы продержаться!..

Только бы не сдать въ послѣдній моментъ!..

Тѣмъ болѣе, что союзники не ставятъ активныхъ задачъ. Наше состояніе имъ извѣстно. Весь цвѣтъ русскаго войска, весь кадръ, гвардейскія части, все лучшее и отборное, уложено въ первый же годъ войны. Задача теперь заключается въ томъ, чтобы стоять на занятой линіи, приковать къ ней порѣдѣвшія массы противника, лишить его возможности переброски силъ на западный фронтъ, на которомъ рѣшится судьба великой европейской трагедіи...

Все это было такъ просто и ясно, что не вызывало никакого сомнѣнія, и картина грядущей побѣды рисовалась съ полной опредѣленностью.

Но слова маіора смущали и волновали.

Образъ царя, маленькаго, незамѣтнаго человѣка, съ застѣнчивою улыбкой, съ неувѣ-

ренными движеніями, тихаго, скромнаго, лишеннаго природой всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ чертъ вѣнценосца и самодержавнаго владыки, въ самомъ дѣлѣ не укладывался въ сознаніи рядомъ съ эпитетомъ — Великій...

Въ окно глядитъ бѣлое зимнее утро.

Морозъ становится все сильнѣе и стужа проникаетъ въ вагонъ. У царскосельскаго вокзала послѣдняя остановка. Пассажиры наполняютъ проходы, обмѣниваются рукопожатіями, прощальными пожеланіями:

— Всякихъ благъ!

— Иванъ Петровичъ, совѣтую остановиться въ «Асторіи»!

— Милости просимъ!..

— Не забудьте, Караванная № 12!..

— Весьма пріятно! — бросаетъ на прощанье капитанъ туркестанскихъ стрѣлковъ. — Значитъ — побѣда, а конституція — дѣло девятое!..

Поѣздъ подпрыгиваетъ на стрѣлкахъ.

Въ мглистомъ петербургскомъ туманѣ плывутъ семафоры, станціонныя будки, контуры сѣрыхъ зданій.

На дебаркадерѣ пустынно.

— Носильщикъ!

Студентъ въ синей фуражкѣ, съ красной повязкой на рукавѣ, подходитъ къ дверямъ вагона и произноситъ съ явно подчеркнутымъ торжествомъ:

— Ни носильщиковъ, ни извозчиковъ!.. Въ Петроградѣ — революція!

— То есть какъ?

— Ниспроверженіе существующаго строя! — съ улыбкой объясняетъ студентъ. — Господинъ полковникъ, рекомендую снять шашку!.. Военные подвергаются эксцессамъ!..

3

„ВЕЛИКАЯ — БЕЗКРОВНАЯ"

Эти слова, при всей своей неожиданности, не произвели на меня особаго впечатлѣнія. Я отнесся къ извѣстію почти равнодушно и поймалъ себя тотчасъ на мысли:

— Революція!.. Чорта съ два!.. Армія въ полномъ порядкѣ!.. Мало-ли что можетъ прійти на умъ въ петроградскомъ болотѣ!.. Забастовка какихъ нибудь мастеровыхъ — это еще не революція!

Да и большинство пассажировъ отнеслось къ словамъ студента безъ видимаго волненія, недоумѣвающе переглянулись, пожали плечами, кое-кто сдержанно улыбнулся. Только одна, сравнительно уже немолодая дама, въ каракулевомъ сакѣ, съ красивыми, строгими чертами, слегка поблѣднѣвшаго отъ утомительной ночи лица, кинулась обратно въ вагонъ, упала на ближайшій диванъ и истерически зарыдала:

— Я не хочу!.. Не надо!.. Назадъ, назадъ!

Съ группою офицеровъ, я направился къ коменданту.

Упитанный прапорщикъ, въ щегольскомъ френчѣ, съ выпущеннымъ поверхъ крахмальнымъ воротничкомъ, какой нибудь помощникъ присяжнаго повѣреннаго или секретарь благотворительнаго дамскаго комитета, и стоящіе рядомъ съ нимъ, два усатыхъ жандарма, кстати обезоруженные, что невольно бросалось въ глаза, проявляли непозволительную растерянность.

Прапорщикъ не принималъ ни вещей, ни оружія, которое нѣкоторые изъ офицеровъ пытались ему вручить на сохраненіе, слезливо моргалъ глазами изъ подъ стеколъ пенснэ и убѣдительно упрашивалъ покинуть комендантскую комнату, въ которую по его словамъ «уже залетаютъ пули».

Загородный проспектъ былъ заполненъ толпой.

Это было море головъ, надъ которыми, точно кровавыя пятна, рѣяли красные флаги. Раздавалось пѣніе марсельезы. Съ рыканьемъ пролетали автомобили, съ какими-то статскими лицами, съ молодыми дѣвушками, съ женщинами, съ красными лоскутами въ рукахъ.

Въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, въ сѣрыхъ папахахъ, сдвинутыхъ на затылокъ, съ пулеметными лентами, перехваченными крестъ на крестъ, съ винтовками за плечами, безпорядочными, нестройными толпами, подъ предводительствомъ какихъ-то чумазыхъ, взлохма-

ченныхъ, размахивавшихъ офицерскими шашками оголтѣлыхъ солдатъ, проходили воинскія команды. Въ густой толпѣ продвигалась процессія, съ алыми знаменами, съ яркими золочеными лозунгами на полотнищахъ. Доносились слова новаго гимна:

„Вставай, проклятьемъ заклейменный!"

Подобная же толпа заполняла окрестныя улицы и широкимъ потокомъ присоединялась къ шествію...

Все это было до того противно и мерзко, въ особенности, видъ распущеннаго солдатскаго сброда, съ наглыми лицами, съ вызывающими движеніями, все это находилось въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ порядкомъ на фронтѣ, гдѣ царитъ смерть и желѣзный законъ дисциплины, что въ груди закипала жестокая злоба.

Не удивленіе и не возмущеніе, а именно злоба проникала насквозь и готова была прорваться наружу. И хотѣлось, чтобы произошло то, что могло бы, при другихъ обстоятельствахъ, произойти каждый часъ, каждый мигъ, и послужить грознымъ сигналомъ.

Хотѣлось, чтобы изъ перваго же попавшагося переулка, какой нибудь смѣльчакъ въ офицерскихъ погонахъ, какой нибудь поручикъ или капитанъ, кто угодно, вынесся на галопѣ съ парой пушчонокъ, снялся бы съ передковъ

и, на свой рискъ, на свой страхъ, далъ бы два залпа картечью.

Неизвѣстно, что осталось бы отъ всей революціи?..

Но ни поручиковъ, ни капитановъ, ни полковниковъ такихъ не было. А былъ ясный, морозный, солнечный день и упругій снѣгъ, мягко поскрипывавшій подъ ногами... Были запруженныя толпой улицы невской столицы, красные флаги и бродившіе по всѣмъ направленіямъ солдаты петроградскаго гарнизона...

Никѣмъ не задерживаемый, но встрѣчаемый иной разъ враждебными взорами, пріостанавливаясь на перекресткахъ и, съ болью, ядомъ и горечью, наблюдая революціонное зрѣлище, я дошелъ безпрепятственно до одной изъ ротъ Измайловскаго полка.

Старикъ-швейцаръ, бывшій семеновскій унтеръ, Карлъ Ивановичъ, снялъ галунную шапку:

— Съ пріѣздомъ, баринъ!.. Что дѣлается-то у насъ, не приведи Господи!.. Народъ совсѣмъ съума посходилъ!

На лѣстницѣ встрѣтилась квартирантка:

— Съ пріѣздомъ, полковникъ!.. Позвольте пожать вашу руку!.. Дождались, наконецъ!.. Но вы, кажется, недовольны?

Дверь открыла мнѣ Лялька.

Отъ изумленія, она сдѣлала большіе глаза, вскрикнула и, какъ всегда, съ обычной за-

стѣнчивостью, прикоснулась ко мнѣ губами. Мой пріѣздъ ее чрезвычайно обрадовалъ и одновременно успокоилъ.

Вскорѣ въ квартирѣ раздался звонокъ.

Сосѣдъ, дѣлопроизводитель Измайловскаго полка, счелъ долгомъ подѣлиться только что полученными свѣдѣніями.

Министры, за исключеніемъ безслѣдно скрывшагося Протопопова, арестованы. Арестованъ и командующій войсками, старый, горбоносый, глубокомысленный педагогъ, генералъ Хабаловъ.

Государственная Дума, въ составѣ Временнаго Комитета, приняла полноту власти. Но одновременно образовался какой-то совѣтъ «рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ».

Въ городѣ безпорядки.

Толпа громитъ окружной судъ на Литейномъ проспектѣ. Изъ Литовскаго замка освобождаютъ уголовныхъ преступниковъ. Полиція разбѣжалась. Въ городѣ происходятъ убійства. Очень тревожно въ Кронштадтѣ, въ которомъ безчинствуютъ матросы.

Съ фронта, для подавленія безпорядковъ, двигаются войска. Настроеніе глухое, смутное, обостренное. Можно ожидать всего.

— Господи Іисусе, что же это такое!

И взволнованный дѣлопроизводитель усиленно засморкался...

«Великая — безкровная», какъ, впрочемъ, каждая революція, съ первыхъ шаговъ уже обагрилась человѣческой кровью.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, былъ растерзанъ, на глазахъ своей жены, командиръ эскадрона николаевскаго кавалерійскаго училища, Павлоградскаго гусарскаго полка, подполковникъ Георгій Левенецъ. Я близко зналъ его съ дѣтскихъ лѣтъ, мы были однокашниками по кадетскому корпусу и впослѣдствіе встрѣчались неоднократно.

Бѣдный Жора, талантливый спортсменъ и скакунъ, славный, сердечный, доброжелательный малый, отъ головы до кончика ногъ преданный своему дѣлу!..

Уже насчитывались десятки жертвъ среди офицеровъ петроградскаго гарнизона и столичной полиціи.

Въ Царскомъ Селѣ былъ поднятъ на штыки третьяго гвардейскаго Стрѣлковаго полка, полковникъ Григорій Шестериковъ, мой одноклассникъ по тому же кадетскому корпусу, награжденный, въ свое время, за выдающіеся успѣхи, тремя золотыми продольными фельдфебельскими нашивками. Это былъ твердый, рѣшительный офицеръ, имѣвшій мужество заявить своему батальону, что не нарушитъ царской присяги...

Въ Обводномъ каналѣ, толпа утопила начальника одного изъ артиллерійскихъ заводовъ, генерала Борделіуса. На Литейномъ мосту убитъ

извѣстный профессоръ, членъ французской академіи наукъ, генералъ Забудскій.

Въ Кронштадтѣ, сталъ жертвой звѣрской расправы извѣстный портъ-артурскій герой, главный командиръ и военный губернаторъ Кронштадта, доблестный адмиралъ Виренъ...

Движеніе ширилось, разросталось.

Это уже не походило на уличное выступленіе кучки несчастныхъ, сбитыхъ съ толку, рабочихъ. Это былъ бунтъ, умѣло подготовленный, тонко разсчитанный, удачно пріуроченный въ отношеніи времени и точки своего приложенія. А можетъ быть, впрочемъ, просто стихійный взрывъ, стремительно выросшій отъ поджога маленькой спичкой въ бурное пламя?..

На другой день, я направился въ Таврическій дворецъ.

Ни трамваевъ, ни извощиковъ, конечно, не было, и все разстояніе, въ нѣсколько верстъ, пришлось сдѣлать пѣшкомъ, проходить по растревоженнымъ, какъ гигантскій муравейникъ, площадямъ и проспектамъ мечущагося въ какомъ-то горяченномъ бреду города, наблюдать тѣ же возбужденныя толпы столичнаго люда, массы разнузданной черни, вышедшихъ изъ повиновенія и окончательно распоясавшихся солдатъ.

Въ Таврическомъ дворцѣ, революціонный пульсъ ощущался съ особою силой.

Весь районъ былъ заполненъ солдатами запасныхъ частей — волынцами, московцами, лейбъ-гренадерами. Къ подъѣзду дворца ежеминутно подлетали автомобили. Незнакомые люди, въ котелкахъ, въ кепкахъ, въ мерлушковыхъ шапкахъ кавказскаго типа, выходили къ солдатамъ, произносили какія-то рѣчи.

Въ самомъ дворцѣ шныряли и бѣгали по всѣмъ направленіямъ люди — депутаты, офицеры, солдаты. Какія-то барышни раздавали бутерброды и разливали чай. Въ толпѣ выдѣлялась грузная, характерная фигура предсѣдателя Думы—Родзянко. Неподалеку стоялъ и что-то, съ убѣжденіемъ и пафосомъ, говорилъ сереброусый и среброустый депутатъ Милюковъ. Промчался полковникъ генеральнаго штаба, депутатъ Борисъ Энгельгардтъ, назначенный на должность революціоннаго коменданта. Быстрой походкой прошелъ человѣкъ съ темнымъ ежикомъ на головѣ, съ блѣднымъ, бритымъ, утомленнымъ лицомъ провинціальнаго женъпремье. Это былъ — Керенскій...

Въ одной изъ залъ находились арестованные министры.

Сквозь застекленную дверь можно было видѣть массивную фигуру Хвостова, высокаго, сѣдого, съ черными щетинистыми бровями, бывшаго министра юстиціи Щегловитова, совсѣмъ дряхлаго, всего только нѣсколько дней тому назадъ назначеннаго премьера — князя Голицына, наконецъ, военнаго министра, мрачнаго метафизика-канцеляриста — генерала Бѣляева,

въ пенснэ, съ испуганнымъ, унылымъ лицомъ, какъ нельзя больше оправдывавшаго въ эти минуты присвоенную ему кличку — «Мертвой Головы»...

Гулъ голосовъ на мгновенье стихъ.

Въ сопровожденіи гвардейцевъ Литовскаго полка, въ раздавшейся толпѣ, подталкиваемый подъ задъ прикладами, прошелъ плотный старикъ, безъ фуражки, съ совершенно круглой, лысой, сверкавшей, какъ бильярдный шаръ головой, въ шинели съ красными генеральскими лацканами, съ сорванными погонами. Лицо его выражало недоумѣніе и растерянность.

Еще недавно, этотъ ловкій, умный, весьма обаятельный въ обращеніи человѣкъ, обласканный царскими милостями, занималъ постъ военнаго министра. Женщины и привычки стараго бонвивана его погубили. Смѣшно сказать, но въ связи съ военными неудачами, общественное мнѣніе обвинило его даже въ измѣнѣ. Все это, конечно, вздоръ. Однако, преступная небрежность въ подготовкѣ военнаго аппарата и въ снабженіи арміи не можетъ быть отрицаема.

Въ эту минуту я пожалѣлъ не его, а тотъ мундиръ, который шельмовался подобнымъ образомъ.

Это былъ генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ...

Въ зданіи Арміи и Флота, на Литейномъ проспектѣ, въ три часа дня былъ назначенъ «офицерскій митингъ».

Въ залѣ было полно. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись знакомыя лица. Неподалеку отъ входныхъ дверей, въ ветхомъ, замызганномъ пальтишкѣ, съ предусмотрительно срѣзанными съ погонъ царскими вензелями, стоялъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Его лицо смышленнаго мужичка, хозяина чайной или плутоватаго цѣловальника, выражало живѣйшее любопытство. Въ острыхъ щелочкахъ глазъ скользила хитренькая улыбка.

Рядомъ стоялъ бывшій варшавскій генералъ-губернаторъ, неудачный главнокомандующій сѣверо-западнымъ фронтомъ въ первый періодъ войны, генеральнаго штаба генералъ Жилинскій, болѣзненный, изможденный, съ желтымъ геморроидальнымъ лицомъ, съ повисшими книзу усами, настоящій «Живой Трупъ», какъ его называли въ столичныхъ кругахъ.

Тутъ же находился финляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ отъ кавалеріи Бекманъ, маленькій, серьозный, сосредоточенный. Я зналъ его еще со временъ моего дѣтства, когда Бекманъ командовалъ въ Ахтыркѣ драгунскимъ полкомъ.

Въ желтыхъ лампасахъ забайкальскаго казачьяго войска, съ желтыми лацканами шинели, стоялъ бывшій командующій I арміей, генералъ отъ кавалеріи Павелъ Карловичъ Рен-

ненкампфъ. Онъ находился подъ слѣдствіемъ за неудачно проведенную операцію въ періодъ лодзинскихъ боевъ, былъ лишенъ придворнаго званія и окончательно растерялъ свои лавры знаменитаго полководца. Его лицо Тараса Бульбы, съ сѣдыми подусниками и широкимъ лоснящимся носомъ, выглядѣло мрачнымъ и недовольнымъ.

Я замѣтилъ въ толпѣ и высокую, кривошеею фигуру бывшаго военнаго министра, генерала отъ инфантеріи Поливанова, главнаго интенданта Шуваева, начальника генеральнаго штаба Аверьянова, и цѣлый рядъ прочихъ, менѣе значительныхъ лицъ...

Но вотъ, молодой щеголеватый полковникъ, въ погонахъ главнаго артиллерійскаго управленія, золотыхъ съ бѣлыми кантами, легкимъ прыжкомъ вскочилъ на столъ, и, потрясая какой-то бумажкой, огласилъ заблаговременно составленную резолюцію. Въ этой резолюціи, отъ имени офицеровъ столичнаго гарнизона и офицеровъ прибывшихъ съ фронта, привѣтствовался переворотъ и выражалась готовность поддержать силой Временный Комитетъ Государственной Думы. Никакихъ преній, никакого голосованія, за недостаткомъ якобы времени, не производилось.

Я вспоминаю, какъ на смѣну полковнику, на столъ взобрался пожилой штабсъ-капитанъ армейской пѣхоты, съ измятымъ, бородатымъ лицомъ, въ грязной солдатской шинели.

— Господа офицеры!—выкрикнулъ штабсъ-капитанъ охрипшимъ голосомъ.—Я старый соціалъ-демократъ! Но въ эту минуту я призываю всѣхъ къ единенію!.. Да здравствуетъ армія!

Это звучало патріотически и вызвало шумныя одобренія.

Потомъ на тотъ же столъ вскочилъ молодой прапорщикъ:

— Господа офицеры!.. Я старый соціалъ-революціонеръ!.. Да здравствуетъ революція!

Кто-то крикнулъ, кто-то зашикалъ. Ораторъ поспѣшно соскочилъ и смѣшался въ толпѣ полушубковъ, бекешей, походныхъ шинелей.

Было необычайнымъ наблюдать выступленія офицеровъ въ роли ораторовъ, слышать ихъ рѣчи, признанія въ какой-то партійной принадлежности. Было удивительнымъ видѣть старыхъ заслуженныхъ генералъ-адъютантовъ на этомъ оригинальномъ собраніи. Подобное чувство раздѣлялось, видимо, многими, выражалось въ недоумѣвающихъ взглядахъ, въ любопытныхъ улыбкахъ, въ бросаемыхъ замѣчаніяхъ.

Потомъ, офицеры подходили по очереди къ столамъ, за которыми сидѣли молодые поручики въ модныхъ англійскихъ френчахъ, при аксельбантахъ, съ тщательно завитыми усиками и напомаженными проборами. Офицеры показывали удостовѣреніе или отпускной билетъ и получали записку на право ношенія оружія.

Настроеніе было неопредѣленное, отчасти подавленное, у отдѣльныхъ офицеровъ, наоборотъ, даже приподнятое. Боевой капитанъ, съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ шинели, въ которомъ я тотчасъ призналъ моего вчерашняго спутника, туркестанскаго капитана Бобкова, громко, во всеуслышаніе, бросалъ:

— Завтра мы покажемъ всей этой сволочи!.. Пусть только придетъ гвардія съ фронта!..

По слухамъ, какія-то войска, въ самомъ дѣлѣ двигались на Петроградъ.

Для обороны столицы были приняты извѣстныя мѣры. Депутатъ Гучковъ, принявшій на себя обязанности военнаго министра, метался по всѣмъ вокзаламъ и, какъ утверждали, лично разставлялъ пушки. Вечеромъ, его автомобиль подвергся загадочному обстрѣлу. Сидѣвшій рядомъ съ нимъ адъютантъ, молодой князь Вяземскій, былъ тяжело раненъ въ животъ и вскорѣ скончался...

Между тѣмъ, въ рядахъ гарнизона, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, стало наблюдаться нѣкоторое смущеніе и даже тревога. Десять юнкерскихъ училищъ и подавляющее большинство офицерскаго состава было настроено отнюдь не революціонно. Преображенцы и Семеновцы занимали выжидательную позицію.

Съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что разраставшееся движеніе захватило въ

свою орбиту не только уличныя массы, но и другіе круги населенія — мелкую торгово-промышленную буржуазію, представителей свободныхъ профессій, часть либеральствующаго чиновничества и даже военныхъ, по преимуществу, изъ центральныхъ учрежденій военнаго министерства. Я бы отмѣтилъ здѣсь вліяніе нѣкотораго гипноза, увлекающаго, въ этихъ случаяхъ, человѣческую натуру на путь протеста противъ существующей власти, и сочувствія тѣмъ, новымъ, широковѣщательнымъ, плѣняющимъ воображеніе лозунгамъ, которые несла на своихъ знаменахъ возбужденная, торжествующая толпа...

Въ этомъ лихорадочномъ настроеніи, полномъ предположеній, противорѣчивыхъ слуховъ, догадокъ протекъ еще день. Газеты не выходили. Обыватель получалъ свѣдѣнія изъ официіальныхъ летучекъ и листковъ, разбрасываемыхъ автомобилями.

На слѣдующій день, 2 марта, пронеслись слухи объ отреченіи государя.

Еще черезъ день, слухи стали совершившимся фактомъ. Двинутые на столицу войска получили приказаніе возвратиться. Настроеніе офицерскаго состава упало. Наблюдалось не столько сожалѣніе, сколько тревога за будущее.

Въ самомъ дѣлѣ, какое, въ сущности, сожалѣніе могъ возбуждать, въ идейномъ смыслѣ, слабый, безвольный царь, окружившій себя близорукою камарильей и мужикомъ-про-

ходимцемъ, съ какимъ-то непонятнымъ упрямствомъ, до послѣдней минуты, цѣплявшійся за свои самодержавныя прерогативы, въ критическій часъ не сумѣвшій защитить ихъ мужественною рукою?

А между тѣмъ, по моему мнѣнію, это было возможно.

Вопросъ только въ томъ, надолго-ли удержался бы зашатавшійся окончательно тронъ и не отразилось бы подавленіе революціи отрицательнымъ образомъ на будущихъ судьбахъ страны.

Впрочемъ, едва ли эти самыя судьбы оказались бы ужаснѣе тѣхъ, которыя выпали вскорѣ на долю Россіи...

Интересно отмѣтить подробность, при какихъ условіяхъ образовалась первоначальная власть, въ лицѣ Комитета.

Всего три дня тому назадъ, 27 февраля, въ связи съ роспускомъ по высочайшему повелѣнію Государственной Думы, послѣдняя выдѣлила изъ своего состава такъ называемый Временный Комитетъ, состоявшій изъ двѣнадцати лицъ — бывшаго президіума и нѣсколькихъ дополнительныхъ членовъ.

Комитетъ не ставилъ себѣ широкихъ задачъ и имѣлъ цѣлью исключительно поддержаніе связи съ правительствомъ.

Однако, при вспыхнувшихъ безпорядкахъ въ столицѣ, эта связь тотчасъ прекратилась.

Премьеръ-министръ князь Голицынъ, военный министръ генералъ Бѣляевъ, командующій войсками генералъ Хабаловъ, не подавали ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Члены Временнаго Комитета, при этихъ условіяхъ, обратились къ своему предсѣдателю, съ предложеніемъ принять власть въ свои руки.

Усматривая въ этомъ актъ революціоннаго характера, Родзянко категорически отказался.

Между тѣмъ, безпорядки и волненія разростались. Поджоги, безчинства черни, убійства и самосуды стали принимать угрожающія формы. Временный Комитетъ, засѣдая въ кабинетѣ предсѣдателя, продолжалъ настаивать на своемъ предложеніи. Вѣрные правительству части тщетно пытались получить какія либо указанія отъ высшихъ военныхъ властей. Все растерялось и разбѣжалось.

Командующій запасными частями лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, полковникъ Мещериновъ, собщилъ вечеромъ по телефону предсѣдателю прогрессивнаго блока, депутату Шидловскому, что полкъ передаетъ себя въ распоряженіе Временнаго Комитета.

Это извѣстіе послужило, кажется, рѣшительнымъ толчкомъ въ вполнѣ естественныхъ колебаніяхъ Родзянки, побудивъ его уступить настойчивымъ просьбамъ Комитета:

— Я принимаю власть! — произнесъ Родзянко. — Прошу васъ, господа, безпрекословно

мнѣ повиноваться!.. Александръ Федоровичъ! — добавилъ Родзянко, обращаясь къ Керенскому. — Это, въ особенности, относится къ вамъ!..

Можно еще отмѣтить, что подпольная организація, первоначальная ячейка будущаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, ютившаяся гдѣ-то въ районѣ Финляндскаго вокзала, на другой день была водворена, при содѣйствіи Керенскаго, въ зданіе Таврическаго дворца.

Улица и тюрьма вошли въ храмъ...

Съ отреченіемъ государя наступило, какъ будто, нѣкоторое успокоеніе, въ томъ смыслѣ, что исчезъ призракъ ожидавшагося междоусобія и борьбы низложенной власти съ новымъ правительствомъ.

Одновременно началась травля царской семьи. Пошлыя инсинуаціи, обвиненія государя и государыни въ измѣнѣ, въ порочной жизни, вплоть до обнаженія альковныхъ тайнъ, безсмысленная, глупая ложь, не сходили съ столбцовъ вновь появившихся газетъ. Въ этомъ отношеніи пальму первенства заслужилъ несомнѣнно шебуевскій «Пулеметъ», циничный листокъ, пользовавшійся извѣстнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, и серьезные органы печати не щадили красокъ по адресу павшей династіи.

Наблюдались позорныя сцены.

На Невскомъ проспектѣ, молодой прапорщикъ, стоя на табуретѣ, размахивалъ каррикатурнымъ изображеніемъ бывшаго императора:

— Николай Кровавый!.. Три цѣлковыхъ!.. Кто больше?

Аукціонъ этотъ не имѣлъ, впрочемъ, успѣха. Проходившая публика, съ брезгливостью, отворачивалась.

Съ вывѣски одной изъ аптекъ, кучка мастеровыхъ срывала позолоченные гербы. Проходившій въ военной формѣ французъ, въ расшитой галуномъ кепи, поднялъ за крыло валявшагося на панели императорскаго орла, швырнулъ высоко на воздухъ и закричалъ:

— Вивъ ля Репюбликъ!

Тяжело, больно и оскорбительно было наблюдать эти гнусныя сцены, которыя жгли точно ударъ хлыстомъ по лицу, которыя свидѣтельствовали о забвеніи русскими людьми всякихъ границъ національнаго достоинства, чести, великодушія.

Къ свѣдѣніямъ объ отреченіи государя и наслѣдника престола, я отнесся съ неоправдываемымъ спокойствіемъ:

— Вмѣсто императора Николая II будетъ царь Михаилъ II!

Свѣдѣнія объ отреченіи великаго князя, въ свою очередь, не вызвали во мнѣ особой тревоги:

— Учредительное Собраніе изберетъ форму правленія!.. По всей вѣроятности это будетъ конституціонная монархія!

Лялька, моя чуткая Лялька, не раздѣляла моего оптимизма:

— Милый, этимъ не кончится!

Она опускала глаза, но тотчасъ, какъ бы опасаясь моихъ укоровъ въ душевной слабости, принимала бодрый, вполнѣ рѣшительный видъ, прижималась ко мнѣ и смѣялась...

4

ПРИЛУКИ

При всѣхъ недостаткахъ, природа наградила меня, можетъ быть, съ излишнею щедростью, этимъ голубенькимъ оптимизмомъ, при наличіи котораго душевные скорпіоны, муки, терзанія и даже удары переносятся съ относительной легкостью и, взамѣнъ ихъ, снова и снова расцвѣтаютъ иллюзіи съ призрачными цвѣтами.

Жизнь принесла не мало разочарованій. Не разъ и не два она заставила усомниться въ чистотѣ человѣческихъ отношеній, въ искренности друзей, въ незыблемости, казалось, прочно сложившихся идеаловъ. Но эти разочарованія и эти сомнѣнія не носили трагическій отпечатокъ и горькій осадокъ ихъ, разбавляемый новыми чувствами и впечатлѣніями, разсѣивался съ завидною быстротой.

Я хочу этимъ выразить, что даже столь драматическія событія, которыя разыгрались на моихъ глазахъ въ Петроградѣ, кореннымъ образомъ расходившіяся съ моими взглядами,

съ военной этикой и установившимися традиціями, уничтожившіе однимъ взмахомъ всѣ тѣ святыни, которымъ я поклонялся, не уничтожили со мнѣ вѣры въ русскихъ людей и въ свѣтлое будущее Россіи...

Да, конечно, очень часто впослѣдствіе или вотъ, какъ сейчасъ, сидя снова въ желѣзнодорожномъ вагонѣ и направляясь къ новому мѣсту служенія, я предаюсь меланхолическимъ думамъ и размышляю о происшедшемъ.

Какъ могло случиться, что трехвѣковой царскій престолъ, съ великимъ историческимъ прошлымъ, преодолѣвшій всѣ испытанія, выпавшія на его долю, казалось вросшій на вѣчные времена въ русскую землю, оплотъ и святилище огромнаго большинства русскихъ людей — въ одинъ часъ, въ одинъ мигъ, словно карточный домикъ подъ порывомъ случайнаго вѣтра, рухнулъ и уничтоженъ русскими же руками?

Какъ могло произойти то невѣроятное, на первый взглядъ, явленіе, что не подпольные заговорщики, сѣятели политической смуты, не изувѣры и бунтари революціоннаго и соціалистическаго толка, а цвѣтъ русской интеллигенціи, культурные представители буржуазіи, аристократіи и даже члены царскаго дома, стали идейными вдохновителями государственнаго переворота, направленнаго противъ самодержавной власти?

Наконецъ, какъ случилось, что всѣ бывшіе вѣрные слуги режима, патріоты и убѣжденные

монархисты, высшіе военачальники — великій князь Николай Николаевичъ, генералъ-адъютанты Алексѣевъ, Рузскій, Брусиловъ, Сахаровъ, Эвертъ, главнокомандующіе фронтами и арміями, взнесенные на эти ступени и щедро обласканные тою же царскою властью, могли возстать противъ этой власти и потребовать отреченія государя?

Если прибавить къ этому, что рѣшительно никто, за исключеніемъ развѣ единичныхъ лицъ, не пытался стать на защиту несчастнаго монарха, что все ближайшее окруженіе, въ лицѣ, казалось, наиболѣе преданныхъ, испытанныхъ слугъ—дворцоваго коменданта свиты Его Величества генерала Воейкова, генералъ-адъютанта адмирала Нилова, флигель-адъютантовъ Нарышкина, Мордвинова и другихъ, императорскаго конвоя и прочихъ, наиболѣе близкихъ къ престолу частей, стремительно разбѣжались въ самый отвѣтственный часъ, картина трагическаго крушенія становится потрясающей.

Да, старый «Люцернскій Левъ», сохраняющій въ поколѣніяхъ память о героической стражѣ Тюльерійскаго дворца, можетъ, въ данномъ случаѣ, сдѣлать только недоумѣвающую гримасу!..

Дѣло, конечно, не въ томъ, что фактическими исполнителями февральскаго бунта, рѣшившаго участь режима, стали запасные солдаты столичнаго гарнизона, мастеровые и петроградская чернь. Почва для этаго выступленія

была психологически подготовлена другими и ими же былъ данъ первый сигналъ.

Драматизмъ положенія заключается въ томъ, что не столько самодержавный режимъ и монархическая идея, отнюдь нѣтъ, сколько неудачный выразитель ихъ, въ лицѣ императора Николая II, въ концѣ концовъ, отшатнулъ отъ себя тѣ національно настроенные, монархическіе и даже консервативные круги, у которыхъ преданность вѣнценосцу не заслоняла чувства любви къ Россіи.

И я прихожу къ краткому заключенію:

Пробилъ двѣнадцатый часъ!.. Мѣра терпѣнія преисполнилась!.. Безсильная, бездарная, близорукая власть, въ интересахъ страны, не могла, очевидно, больше существовать!

Вопросъ теперь въ томъ, насколько новая власть окажется совершеннѣе и могучѣе той, на головѣ которой держался до сихъ поръ тяжелый вѣнецъ Мономаха?..

Подобныя размышленія занимали меня всю дорогу, вплоть до того момента, когда простившись съ вагономъ и пересѣвъ въ широкія штабныя сани, я не очутился на прилукскомъ большакѣ, утопавшемъ въ мокромъ, грязномъ снѣгу.

Прилуки, какъ слѣдовало ожидать, не уѣздный городокъ родной полтавской губерніи, а небольшое мѣстечко въ десяти верстахъ отъ

Минска—главной квартиры сѣверо-западнаго фронта.

Штабъ второй кавалерійской дивизіи помѣщался въ роскошномъ замкѣ минскаго помѣщика графа Адама Чапскаго. Начальникомъ дивизіи состоялъ генералъ-лейтенантъ князь Юрій Ивановичъ Трубецкой.

Кто изъ петербуржцевъ, а особенно изъ военныхъ, не помнитъ эту сухощавую, маленькую фигурку, въ синей черкескѣ императорскаго конвоя, въ бородкѣ французскаго короля Генриха IV, съ рыжеватыми, чуть приподнятыми кверху усами, честнаго русскаго патріота и безсмѣннаго члена Яхтклуба?

Князь Трубецкой называлъ себя «опальнымъ княземъ».

Я не знаю въ чемъ выражалась эта опала. Смутно, впрочемъ, припоминается, что послѣ смерти въ Ливадіи дворцоваго коменданта, генералъ-адъютанта Дедюлина, и послѣдовавшихъ придворныхъ интригъ, командиръ императорскаго конвоя князь Трубецкой не получилъ освободившейся должности, на которую крѣпко разсчитывалъ и которую даже временно исполнялъ.

Это объяснялось тѣмъ, что съ одной стороны, министръ Двора, баронъ Фредериксъ, проводилъ въ дворцовые коменданты своего зятя, генерала Воейкова. Съ другой стороны тѣмъ, что князь Трубецкой, третировавшій Распутина подобно многимъ другимъ близкимъ къ императору, лицамъ, какъ напримѣръ—генералъ

князь Орловъ, Джунковскій, Комаровъ, флигель-адъютантъ полковникъ Дрентельнъ, мало по малу, утрачивалъ расположеніе царской четы.

Бывшій конногвардеецъ, именитый, богатый, онъ имѣлъ данныя сдѣлать большую карьеру. Но при дворѣ больше не состоялъ, а съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты лишился даже свитскаго званія...

Война застала князя въ должности начальника второй кавалерійской дивизіи или, какъ ее называли -- «лейбъ-дивизіи», по той причинѣ, что всѣ четыре полка были шефскими и носили царскіе вензеля.

Князь Трубецкой, говоря откровенно, не былъ звонкимъ военачальникомъ и не обнаруживалъ большихъ боевыхъ дарованій. По складу натуры, это былъ мягкій, деликатный, изнѣженный сибаритъ, предпочитавшій послѣобѣденную партію въ бриджъ всякимъ тактическимъ и стратегическимъ комбинаціямъ въ открытомъ полѣ. Князь пользовался, однако, въ дивизіи общей любовью и уваженіемъ. Подкупала его выдержка, спокойствіе, широкая барская манера. Офицеры прозвали его въ шутку — «Юріемъ Гордымъ».

Съ именемъ князя Юрія Трубецкого у меня связаны довольно острыя воспоминанія, относящіяся къ первому періоду «великой-безкровной» и, въ частности, къ тѣмъ днямъ, когда по особому назначенію, два полка дивизіи Павлоградскіе гусары и казаки, были вызваны въ

Петроградъ, для подавленія безпорядковъ. Съ отреченіемъ государя, полки эти были тотчасъ возвращены обратно.

Штабъ дивизіи, какъ сказано выше, помѣщался во дворцѣ графа Чапскаго, вмѣстѣ съ которымъ проживали два его сына-пажа и три молоденькія «грабянки». Дивизія, составлявшая личный резервъ главнокомандующаго, генерала Гурко, какъ надежная кавалерійская часть, еще не затронутая революціонной заразой, стояла сосредоточенно, въ окрестныхъ деревняхъ.

Моя встрѣча съ княземъ носила сердечный характеръ. Первая фраза, обращенная съ улыбкой ко мнѣ, была выражена въ такой формѣ:

— Юрій Ивановичъ, очень радъ вашему назначенію!.. Мы вѣдь съ вами двойные тезки!

Нужно ли упоминать, что сердечныя отношенія съ княземъ, установившіяся съ первыхъ же дней, не прерывались вплоть до его ухода. Работа протекала въ условіяхъ самой широкой самостоятельности, облегчаемая вдобавокъ давнишнимъ знакомствомъ со всѣмъ команднымъ составомъ дивизіи.

Командиры бригадъ — генералы Павлищевъ и Юрьевъ, командиры полковъ — полковники Протопоповъ, Мухановъ, графъ Толь и Упорниковъ, командиры конно-артиллерійскаго дивизіона и батарей — полковникъ Бурковъ, Пассекъ, Бабанинъ, даже младшіе офицеры — все это были мои старые знакомые и друзья, многіе еще съ того времени, когда въ чинѣ

молодого капитана генеральнаго штаба я отбывалъ въ одномъ изъ полковъ дивизіи цензовое командованіе эскадрономъ.

Революціонная пропаганда не преминула вскорѣ перекинуться на дивизію и, въ связи съ знаменитымъ «Приказомъ № 1», учрежденіемъ полковыхъ комитетовъ, усиленной агитаціей спеціальныхъ агентовъ, въ короткій срокъ затуманила солдатскія головы.

Началось съ того, что солдаты потребовали снятія съ погонъ вензелей, тѣхъ императорскихъ вензелей, которыми еще такъ недавно гордились.

Потомъ, заставили командировъ полковъ и офицеровъ, съ красными бутоньерками въ петлицахъ, принять участіе въ праздновaніи дня 1 мая. Одинъ изъ офицеровъ, молодой горячій уланъ, баронъ Эльсенъ, растоптавшій бутоньерку ногами, едва не былъ растерзанъ на части.

Потомъ, солдаты вспомнили восточно-прусскій походъ 1914 года и потребовали выдачи денежныхъ суммъ за «крупу», которую, объѣдаясь когда-то прусскою индюшатиной, выплескивали вмѣстѣ со щами изъ походныхъ кухонь на землю.

Наконецъ, дѣло дошло до неисполненія приказаній.

— Первый эскадронъ уланъ не вышелъ на боевую стрѣльбу! — доносилъ полковникъ Мухановъ.

— Второй эскадронъ драгунъ не вышелъ на конное ученье! — доносилъ полковникъ Протопоповъ.

— Третій эскадронъ гусаръ отказался нести службу на станціи! — доносилъ полковникъ графъ Толь.

Подобныя донесенія командиры полковъ направляли въ штабъ дивизіи почти ежедневно. При этомъ, нужно замѣтить, что въ основу неисполненія приказаній, солдаты клали нѣкоторый, съ ихъ точки зрѣнія, заслуживающій даже одобренія мотивъ.

Такъ напримѣръ, отказъ отъ боевой стрѣльбы объяснялся необходимостью беречь патроны. Отказъ отъ выхода на конное ученье объяснялся требованіемъ сбереженія конскаго состава. Ясно, что подобными уловками прикрывалась апатія, лѣнь, общая распущенность и упадокъ воинской дисциплины.

Главное вниманіе солдаты обратили все-таки на денежный ящикъ...

Въ то же самое время, въ Минскѣ, рядомъ со штабомъ главнокомандующаго, извѣстный впослѣдствіе большевицкій комиссаръ Позернъ, устраивалъ на площади митинги и открыто призывалъ солдатъ къ бунту.

Главнокомандующій, генералъ Гурко, угрожая отставкой, требовалъ отъ Временнаго Правительства принятія рѣшительныхъ мѣръ.

Правительство продолжало свою самоубійственную политику. Катастрофа надвигалась неотвратимо. Это хорошо видѣли тѣ, на которыхъ правительство, еще болѣе бездарное нежели царское, смотрѣло, какъ на опасныхъ, неисправимыхъ реакціонеровъ.

Безумное заблужденіе!

Я готовъ свидѣтельствовать честью, что вслѣдъ за отреченіемъ государя, освобожденный имъ отъ данной присяги на вѣрность, уже далеко не составлявшій прочную однородную касту, офицерскій составъ не держалъ въ умѣ никакихъ мыслей о какомъ либо контръ-переворотѣ, съ цѣлью реставраціи, и готовъ былъ служить Временному Правительству не за страхъ, а за совѣсть.

Это не было, къ сожалѣнію, понято.

Офицерскій составъ — основаніе всякой вооруженной силы, продолжалъ служить мишенью для очередной травли, оскорбительныхъ выпадовъ, незаслуженныхъ обвиненій.

Армія стала на путь разложенія.

Революція углублялась.

Нужно было имѣть крѣпкіе нервы и волю, чтобы не упасть духомъ, не потерять мужества и нести свой тяжелый крестъ до конца.

Въ эти безотрадные, невыразимо скорбные дни, князь Юрій Ивановичъ Трубецкой держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Только въ интимной бесѣдѣ звучала порой

горечь безсилія, разочарованіе въ русскомъ солдатѣ, опасеніе за печальный исходъ войны.

По личному приказанію главнокомандующаго, приходилось выполнять невѣроятныя задачи. Благодаря такту и выдержкѣ, князь выполнялъ ихъ удачно...

Я не могу не вспомнить, при этомъ случаѣ, поѣздки въ Казачій полкъ, еще какой нибудь мѣсяцъ тому назадъ носившій вензеля цесаревича.

Въ день Благовѣщенія, сдѣлавъ верхомъ, по невылазной весенней распутицѣ, двадцать пять верстъ, князь прибылъ въ полкъ въ тотъ моментъ, когда съ минуты на минуту готова была пролиться кровь. Командиръ полка, полковникъ Упорниковъ, и всѣ офицеры были арестованы казаками. У каждой избы стоялъ часовой съ вынутой шашкой. Офицерамъ были предъявлены чудовищныя обвиненія.

Бунтъ былъ поднятъ пріѣзжимъ агитаторомъ, субъектомъ совершенно дегенеративнаго вида, просидѣвшимъ войну въ психіатрической лечебницѣ.

Въ залѣ сельской школы собралась возбужденная толпа казаковъ, двѣ-три сотни потерявшихъ человѣческій образъ людей, требовавшихъ немедленной расправы. Злоба, наглость, животная трусость—все прорвалось наружу. Толпа угрожала, подступала съ криками къ князю, въ своей обычной черкескѣ, съ бѣ-

лымъ крестомъ на груди, спокойно стоявшемъ въ кругу обезумѣвшихъ казаковъ.

— Станичники, успокойтесь!

Только два слова, произнесенныя твердымъ, властнымъ голосомъ. Эти слова произвели впечатлѣніе. Послѣ получасовой бесѣды, волненіе улеглось, офицеры были освобождены, агитаторъ исчезъ.

Въ видѣ компенсаціи, казаки упросили князя дать разрѣшеніе на уширеніе казачьихъ лампасъ на полъ вершка — и весь инцидентъ былъ этимъ исчерпанъ...

Въ маѣ князь покинулъ дивизію.

Онъ попалъ въ число генераловъ, подлежавшихъ, въ революціонныхъ условіяхъ, исключенію со службы, не столько, можетъ быть, въ порядкѣ боевой аттестаціи, сколько за принадлежность къ старой русской родовитой семьѣ.

Когда я доложилъ телеграмму, князь усмѣхнулся и произнесъ:

— Усѣкновеніе младенцевъ!.. Это гучковскія штучки!

Вторую кавалерійскую дивизію принялъ бывшій командиръ лейбъ-уланъ, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ.

Я хорошо его зналъ, еще какъ кавалергардскаго офицера, какъ толковаго, дѣятельнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма пріятнаго человѣка. Смѣлый охотникъ, увлекавшійся на досугѣ об-

лавами на крупнаго звѣря, главнымъ образомъ, на медвѣдя, достаточно энергичный и рѣшительный офицеръ, онъ время отъ времени подвергался припадкамъ необъяснимой душевной прострацiи, и въ эти перiоды былъ склоненъ, какъ утверждали, къ опрометчивымъ дѣйствiямъ.

Однако, за время совмѣстной службы, я не обнаружилъ въ моемъ начальникѣ ничего, что могло бы его выдѣлить изъ среды вполнѣ нормальныхъ людей. Служебныя отношенiя не оставляли желать ничего лучшаго. Это были даже не отношенiя подчиненнаго и начальника, а совмѣстная, дружная, дѣятельная работа по сохраненiю послѣднихъ остатковъ дисциплины въ частяхъ, по успокоенiю солдатскихъ массъ и подбодренiю офицерскаго состава.

Къ этому времени, полки дивизiи были сосредоточены на желѣзнодорожныхъ узлахъ —въ Гомелѣ, Минскѣ, Смоленскѣ и Лунинцѣ, для поддержанiя порядка на станцiяхъ и въ окрестныхъ районахъ.

Дѣятельность начальника штаба, въ этотъ перiодъ, заключалась, главнымъ образомъ, въ безпрерывныхъ поѣздкахъ по отдѣльнымъ частямъ, улаживанiи различныхъ недоразумѣнiй между солдатами и офицерскимъ составомъ, въ борьбѣ съ полковыми комитетами, находившихся подъ влiянiемъ безсовѣстныхъ демагоговъ.

Это была каторжная работа, трепавшая нервы до послѣдней возможности! Сколько разъ,

въ минуты душевной слабости, обуреваемый тягостными предчувствіями, я давалъ себѣ слово порвать съ этою дѣятельностью, плюнуть на все и уйти.

Только долгъ офицера, сознающаго необходимость оставаться на посту до послѣдней минуты, заставлялъ измѣнять принятому рѣшенію и продолжать мученическую, въ полномъ значеніи слова, работу.

Противникъ на фронтѣ отошелъ на задній планъ. Все вниманіе поглощалось противникомъ въ собственныхъ рядахъ, сплошь и рядомъ, незримымъ, тайнымъ, подстерегающимъ изъ-за угла, сѣящимъ недовѣріе, смуту, злобу, ожесточеніе, ненависть.

О, будь прокляты люди, создавшіе изъ доблестной русской арміи тупое, дикое, презрѣнное стадо!

Моя дѣятельность пріобрѣла вскорѣ своеобразныя формы, о которыхъ считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ.

Однажды, глубокой ночью, меня разбудилъ телефонъ.

Начальникъ штаба главнокомандующаго, по личному приказанію генерала Гурко, предложилъ мнѣ немедленно выѣхать въ Гомель.

Дѣло въ томъ, что направлявшійся изъ Петрограда на фронтъ, эшелонъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, съ знаменитой третьей ротой «товарища Ленина», не пожелалъ ѣхать

черезъ Лунинецъ, а потребовалъ направленія его черезъ Кіевъ. Необходимо, во что бы то ни стало, вплоть до примѣненія силы, заставить эшелонъ подчиниться распоряженію.

Черезъ часъ, сидя въ вагонѣ, прицѣпленномъ къ дежурному паровозу, я мчался въ Гомель.

Я умышленно перегналъ эшелонъ и къ разсвѣту, прибывъ на станцію, приступилъ къ выполненію плана. Прежде всего, приказалъ къ прибытію эшелона приготовить обѣдъ. Затѣмъ, вызвавъ начальника гарнизона, освѣдомился о настроеніи подчиненныхъ ему людей, приказалъ выстроить на вокзалѣ учебную роту, а командиру драгунскаго полка, ко времени прибытія эшелона, произвести въ непосредственной близости, полковое ученье.

На вопросъ, можно ли разсчитывать на примѣненіе, въ крайнемъ случаѣ, огнестрѣльнаго оружія, и начальникъ гарнизона и командиръ полка меланхолически развели руками.

Кромѣ того, я вызвалъ предсѣдателя мѣстнаго совдепа, токаря по металлу, объяснилъ обстановку, предложилъ оказать содѣйствіе. Польщенный вниманіемъ, токарь изъявилъ полное согласіе.

Но вотъ подошелъ эшелонъ.

Батальонъ рослыхъ гвардейцевъ, въ порядкѣ революціонной свободы вываливщій изъ вагоновъ въ разстегнутыхъ гимнастеркахъ, безъ поясныхъ ремней, босикомъ, устремился немедленно къ котламъ съ дымящейся кашей

и щами. Начальникъ эшелона, молодой прапорщикъ, робкимъ голосомъ доложилъ, что батальонъ желаетъ ѣхать на Кіевъ.

Черезъ полчаса начался первый актъ.

Предсѣдатель совдепа взобрался на табуретъ и выступилъ съ вполнѣ разумной, горячей, дѣлавшей честь его искренности, рѣчью. Солдаты слушали съ любопытствомъ, видимо соглашались, но неожиданно, изъ заднихъ рядовъ, раздался голосъ:

— На Кіевъ, товарищи?

— На Кіевъ! — загудѣла толпа.

Вопросъ, клонившійся къ благополучному завершенію, былъ тотчасъ сорванъ. Тщетно предсѣдатель совдепа, надрываясь до хрипоты, пытался образумить людей, наконецъ, даже угрожалъ революціонной расправой. Его больше не слушали, смѣялись, дразнили, стягивали съ трибуны. Обругавъ солдатъ послѣдними словами, токарь слѣзъ съ табурета и скрылся.

Моя попытка въ свою очередь потерпѣла неудачу.

Нужно сказать, что маневрированіе драгунъ и стоящая на перронѣ вооруженная учебная рота произвели всетаки извѣстное впечатлѣніе. Солдаты насторожились, неожиданно подтянулись, съ вниманіемъ отнеслись къ моимъ словамъ, уже кое-гдѣ послышались отдѣльные возгласы:

— Да мы что!.. Мы согласны!.. Какъ начальство прикажетъ!

Но вотъ, изъ заднихъ рядовъ снова раздался голосъ:

— На Кіевъ, товарищи?

— На Кіевъ! — загудѣла тысяча голосовъ...

До поздняго вечера эшелонъ болтался на станціи. Комендантъ, начальникъ службы движенія, молодой прапорщикъ пытались меня убѣдить въ безцѣльности дальнѣйшаго упорства. Я самъ усталъ и готовъ былъ уже сознаться въ безсиліи, и даже вытащилъ бланкъ телеграммы, чтобы донести штабу фронта. Въ умѣ неожиданно мелькнула новая мысль, послѣднее средство, послѣ котораго оставалось сложить оружіе.

Я вызвалъ делегатовъ и заявилъ, что разрѣшенія не даю, что отступать отъ приказанія главнокомандующаго не смѣю, что если эшелонъ направится самовольно на Кіевъ и у Финляндскаго полка, находящагося въ окопахъ, по этой причинѣ, не окажется хлѣба — вина за это упадетъ на эшелонъ и, смѣю думать, ему не поздоровится отъ своихъ же финляндскихъ солдатъ.

Делегаты удалились. Черезъ четверть часа неожиданно заявили, что эшелонъ подчиняется моему приказанію. Еще черезъ четверть часа, съ чувствомъ огромнаго облегченія я наблюдалъ, какъ воинскій поѣздъ увозилъ эшелонъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, съ третьей ротой «товарища Ленина», въ указанномъ ему направленіи...

Сколько усилій, напряженія, времени отнимала такая работа по «уговариванію» солдатъ русской революціонной арміи и не становилась-ли побѣда на фронтѣ, при этихъ условіяхъ, совершенно проблематичной?..

Перваго іюня я получилъ новое назначеніе.

Я былъ назначенъ начальникомъ штаба гвардейскаго кавалерійскаго корпуса. Я принялъ это извѣстіе съ полнымъ удовлетвореніемъ. По многимъ причинамъ оно отвѣчало моимъ желаніямъ.

Во первыхъ, это было очень лестное назначеніе. Быть начальникомъ штаба корпуса, составленнаго изъ двѣнадцати полковъ гвардейской конницы, являлось тѣмъ идеаломъ, о которомъ можно было только мечтать. Этотъ корпусъ — цвѣтъ русской вооруженной силы, наиболѣе блестящая ея единица, съ лучшимъ команднымъ, строевымъ и конскимъ составомъ.

Но самое главное заключалось въ томъ, что я ѣхалъ снова на юго-западный фронтъ, на которомъ провелъ два лучшихъ боевыхъ года, на которомъ революціонный распадъ еще не отразился въ такой губительной степени. Въ этомъ отношеніи, если перейти на языкъ математики, можно установить формулу:

— Глубина революціонной заразы въ войскахъ является величиной обратно пропор-

ціональной удаленію этихъ войскъ отъ столицы!..

И вотъ, я снова въ желѣзнодорожномъ вагонѣ.

Моей спутницей является красивая женщина среднихъ лѣтъ, въ костюмѣ сестры милосердія. Она работаетъ въ какой-то общинѣ, но сейчасъ покидаетъ эту работу. Въ ея словахъ звучитъ горечь и разочарованіе. Всѣ усилія, всѣ заботы затрачены безполезно:

— Я ненавижу теперь солдата! — говоритъ моя спутница.

Изъ дальнѣйшей бесѣды удается узнать, что она является супругой моего бывшаго главнокомандующаго, генерала Гурко. Тѣ униженія и оскорбленія, которыя пришлось вынести этому твердому, стойкому, не склонному идти на компромиссы военачальнику, одному изъ тѣхъ полководцевъ, которыми русская армія вправѣ гордиться, отразились на психикѣ этой женщины, черезъ какой нибудь годъ трагически погибшей на англо-французскомъ фронтѣ...

Потомъ моимъ спутникомъ сталъ молодой инженеръ, просвѣтившій меня по части, такъ называемыхъ, «товарныхъ недѣль». Оказывается, что незадолго до печальной памяти февральскихъ дней, по указаніямъ изъ центра, товарные составы задерживались на извѣстныхъ узловыхъ пунктахъ.

Съ какой цѣлью?..

Можетъ быть, для ремонта или разгрузки?..

Ничего подобнаго!

Никакого ремонта не требовалось.

По словамъ инженера, это производилось изъ тонкаго политическаго разсчета. Эта мѣра имѣла цѣлью уменьшить притокъ съѣстныхъ припасовъ къ столицамъ, создать недовольство, вызвать толпу на улицу и, инсценировавъ «революцію», имѣть поводъ для заключенія сепаратнаго мира.

Таковъ якобы былъ планъ правыхъ круговъ, преслѣдовавшій двѣ цѣли, однимъ ударомъ убивавшій двухъ зайцевъ: прекратить войну съ монархическою Германіей и пресѣчь «крамолу» на улицахъ Петрограда.

Не знаю, насколько все это правдоподобно, равно, какъ и указаніе инженера на то, что ежедневные доклады начальниковъ частей петроградскаго гарнизона о ненадежности войскъ умышленно клались подъ сукно, а также о причастности къ перевороту представителей союзныхъ державъ, главнымъ образомъ, англійскаго посла, сэра Джорджа Бьюкенена.

Впослѣдствіе, мнѣ приходилось неоднократно выслушивать подтвержденіе этихъ словъ. Но въ эту минуту я не придавалъ имъ никакого значенія.

Впрочемъ, кто знаетъ тайные мотивы и побужденія, которыми руководствовалась иностранная дипломатія въ послѣдній періодъ императорскаго режима?..

5

«ГВАРДКАВЪ»

Гвардейскій кавалерійскій корпусъ, по сокращенной терминологіи — «Гвардкавъ», стоявшій на крайнемъ флангѣ южнаго фронта, въ составѣ XI арміи генерала Эрдели, не принималъ активнаго участія въ знаменитомъ «іюльскомъ» наступленіи, когда боевой порывъ самыхъ свободныхъ войскъ въ мірѣ, завершился оглушительной катастрофой подъ Биткувомъ и Манаювомъ.

Дѣйствія корпуса свелись къ артиллерійской атакѣ. Другими словами, тридцать шесть легкихъ пушекъ «Леконара», то есть, лейбъ-гвардіи Конной артиллеріи, три дня подрядъ долбили западный берегъ Стохода, приковывая къ этому участку вниманіе нѣмцевъ. Одновременно производились поиски развѣдчиковъ и выступленія отдѣльныхъ ударныхъ группъ...

Въ общемъ развалѣ арміи, корпусъ имѣлъ право считаться одною изъ наиболѣе прочныхъ и надежныхъ частей.

Когда въ сосѣдней пѣхотной дивизіи, солдаты подымали на штыки своего начальника, генералъ-лейтенанта Гиршфельда, и заодно прибывшаго армейскаго комиссара Линде, въ гвардейскомъ кавалерійскомъ корпусѣ еще не наблюдалось даже ни одного случая самоуправства или неисполненія приказаній.

Когда въ той же пѣхотной дивизіи «товарищи» пригрозили открыть огонь по нашей батареѣ, стрѣлявшей въ противника, сотня атаманцевъ съ нагайками, высланная въ прикрытіе артиллеріи, очень быстро охладила ихъ пылъ.

Да, настроеніе въ конныхъ частяхъ ни въ какой степени нельзя было сравнивать съ таковымъ въ пѣхотныхъ дивизіяхъ, лишенныхъ крѣпкаго унтеръ-офицерскаго кадра, стараго опытнаго офицерскаго состава!

Однако, отдѣльныя лица были вполнѣ на высотѣ положенія. Я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое на меня произвелъ одинъ изъ молодыхъ командировъ полковъ, украшенный золотымъ оружіемъ и георгіевскимъ крестомъ. Къ сожалѣнію, въ памяти не сохранилась его фамилія, но ясно припоминается эпизодъ, свидѣтельствующій объ исключительной доблести.

Однажды, проходя по участку позиціи и, обнаруживъ, въ полосѣ между проволочнымъ загражденіемъ и брустверомъ, развѣвавшійся на шестѣ бѣлый флагъ, сработанный изъ обыкновенной солдатской «дачки», командиръ полка

обернулся къ сопровождавшему его ротному командиру съ приказаніемъ:

— Убрать!

Молодой прапорщикъ, въ смущеніи, сдѣлалъ ползкомъ нѣсколько шаговъ и, не выдержавъ свиста пролетавшихъ пуль, вернулся обратно.

И здѣсь, на глазахъ притаившихся въ окопахъ солдатъ, командиръ перекрестился, вскочилъ на брустверъ, спустился къ проволочному загражденію и сорвалъ древко съ полотнищемъ.

Я припоминаю, какъ этотъ мужественный герой, сидя въ своей убогой землянкѣ, со слезами на глазахъ, передавалъ мнѣ о томъ, въ какое жалкое, трусливое, подлое стадо превратила революція его солдатъ. А послѣдній приказъ по дивизіи требовалъ выдѣленія изъ рядовъ полка ста отборныхъ людей, для сформированія «ударнаго» батальона. Можно себѣ представить къ чему сводилась боеспособность полка, съ выдѣленіемъ этихъ людей?

Все это было, къ сожалѣнію, печальною истиной, по поводу которой можно было негодовать, терзаться и горѣть пламенной ненавистью къ разрушителямъ арміи, сознательно и несознательно творившимъ великое преступленіе.

Но остановить разрушеніе и вдохнуть въ армію прежній духъ, при создавшейся обстановкѣ, казалось, было уже невозможно...

Штабъ гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, занимавшаго позицію на Стоходѣ, по обѣ стороны желѣзнодорожнаго полотна на Ковель, имѣя въ ближнемъ тылу станцію Переспа, помѣщался въ усадьбѣ Пожарки.

Владѣлица этой усадьбы, нѣкая польская графиня, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, сбѣжала съ какимъ-то австрійскимъ полковникомъ, оставивъ въ нашемъ распоряженіи обширный барскій палацъ и старый запущенный паркъ, не лишенный поэтическаго очарованія.

Командиромъ корпуса, послѣ генерала Хана Нахичеванскаго, лично смѣлаго, но достаточно невѣжественнаго въ военномъ смыслѣ начальника, отрѣшеннаго отъ командованія съ первыхъ дней революціи, былъ назначенъ молодой генералъ-лейтенантъ Арсеньевъ.

Евгеній Константиновичъ Арсеньевъ, бывшій петергофскій уланъ, участникъ китайской и японской кампаній, считался блестящимъ строевымъ офицеромъ. Высокій, стройный блондинъ, съ привѣтливыми чертами лица, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, къ которымъ судьба отнеслась съ исключительной благосклонностью. Выдѣлившись изъ среды сверстниковъ боевыми заслугами, генералъ Арсеньевъ, въ короткій срокъ достигъ высокихъ военныхъ ступеней.

Война застала его въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта. Награжденный георгіевскимъ крестомъ, минуя командованіе

армейскимъ полкомъ, Арсеньевъ, въ изъятіе общаго правила, получилъ полкъ синихъ гатчинскихъ кирасиръ, послѣ непродолжительнаго командованія бригадой и первой гвардейской кавалерійской дивизіей, принялъ настоящую должность.

Я же сталъ начальникомъ его штаба вслѣдъ за самоубійствомъ моего предшественника, генерала барона Винекена, не выдержавшаго революціоннаго потрясенія и покончившаго съ собой въ припадкѣ черной меланхоліи.

Мои отношенія съ генераломъ Арсеньевымъ приняли, съ первыхъ шаговъ, безукоризненную форму. Несомнѣнно здѣсь играло роль и давнишнее знакомство. Съ другой стороны, натура моего молодого начальника располагала къ самой сердечной симпатіи.

Независимо этого, штабная работа облегчалась содѣйствіемъ цѣлаго ряда даровитыхъ помощниковъ, изъ которыхъ я долженъ назвать генеральнаго штаба подполковника Дурново, капитана Баторскаго и капитана Іордана, конногвардейца штабсъ-ротмистра барона Врангеля, конногренадера штабсъ-ротмистра Лайминга, гродненскаго гусара поручика Поклевскаго-Козеллъ и штабсъ-ротмистра барона Дервиза, лейбъ-драгуна поручика Феденко-Проценко и другихъ.

Наконецъ, весь командный составъ, начальники всѣхъ трехъ дивизій—генералы князь Эристовъ, Абалешевъ, Араповъ, командиры бригадъ и командиры полковъ—полковникъ князь

Леонидъ Елецкій, Аленичъ, князь Бековичъ-Черкасскій, Даниловъ, Навроцкій, Миклашевскій, князь Кантакузинъ, Гребенщиковъ, князь Эристовъ, Лазаревъ, Орловъ и Грековъ, командиръ лейбъ-гвардіи Конной артиллеріи полковникъ баронъ Веліо, даже главноуполномоченный отдѣла Краснаго Креста, бывшій курляндскій губернаторъ Набоковъ—всѣ эти лица были мнѣ близко знакомы и удѣльный вѣсъ каждаго не составлялъ для меня тайны.

Изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, въ особенности, мнѣ бы хотѣлось отмѣтить командировъ обоихъ уланскихъ полковъ—полковниковъ князя Эристова и Миклашевскаго.

Сравнительно прочное состояніе частей, при большомъ процентѣ старыхъ солдатъ, блестящемъ офицерскомъ составѣ и богато обезпеченной матеріальной части, выдѣляли гвардейскій кавалерійскій корпусъ изъ состава всей русской арміи.

Въ сущности, это не былъ корпусъ. Это была, въ свою очередь, маленькая армія, если принять во вниманіе, что кромѣ трехъ конныхъ дивизій и трехъ спѣшенныхъ стрѣлковыхъ полковъ, къ корпусу было придано огромное количество вспомогательныхъ единицъ—автомобильныхъ колоннъ, санитарнаго, дезинфекціоннаго, шоссейно-дорожнаго отрядовъ, гвардейскаго сапернаго батальона, инженернаго отдѣленія, радіо-телеграфной станціи, починочной мастерской, баннаго отряда и даже отдѣленія военно-экономическаго общества.

Все это усложняло управленіе корпусомъ, лишало его необходимой подвижности, крайне затрудняло расквартированіе. Благодаря боевой обстановкѣ, разложеніе корпуса шло медленнымъ темпомъ, части не выходили изъ подчиненія, строевой порядокъ почти не нарушался.

Это происходило, къ сожалѣнію, лишь до тѣхъ поръ, пока корпусъ не сняли съ позиціи, возложивъ ея оборону на 4-ый конный корпусъ генерала Гилленшмидта, подъ временнымъ командованіемъ генерала Краснова, и не отвели въ армейскій резервъ, въ районѣ станціи Шепетовка.

Кстати, нѣсколько словъ о Яковѣ Гилленшмидтѣ.

Многіе помнятъ, конечно, этого браваго, красиваго, стройнаго офицера еще по тому времени, когда затянутый въ капитанскій мундиръ гвардейскаго коннаго артиллериста, онъ съ достойнымъ успѣхомъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ, выступалъ на тысячныхъ гунтерахъ, на конкурахъ Михайловскаго манежа.

Отличившись на русско-японской войнѣ, въ хайченскомъ набѣгѣ, получивъ георгіевскій крестъ, свитское званіе, Гилленшмидтъ сталъ на путь блестящей карьеры, командуя послѣдовательно Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, кирасирами Его Величества, кавалерійской дивизіей, наконецъ, коннымъ корпусомъ,

сохранивъ до конца вѣрность монархическимъ принципамъ.

Послѣ отреченія государя, генералъ Гилленшмидтъ надѣлъ въ послѣдній разъ бережно хранившуюся, старую шинель съ царскими вензелями, собралъ офицеровъ своего штаба и обратился къ нимъ съ краткой, но выразительной рѣчью:

— Петербургскіе мастеровые устроили революцію!.. Императоръ отрекся!.. Да здравствуетъ Его Величество Государь Императоръ!

Эта рѣчь стала извѣстной корпусному комитету, поднялась травля и Гилленшмидтъ ушелъ...

Части гвардейскаго кавалерійскаго корпуса были сосредоточены на крупныхъ желѣзнодорожныхъ узлахъ—въ Ровно, Казатинѣ, Кіевѣ, Знаменкѣ, для поддержанія порядка на станціяхъ. Отдѣльные эскадроны и даже полки высылались во всѣ стороны, для усмиренія бунтующей революціонной солдатчины.

Между прочимъ, дивизіонъ лейбъ-уланъ принялъ участіе въ разгонѣ солдатскихъ бандъ, громившихъ Славуту. Къ сожалѣнію, дивизіонъ прибылъ поздно. Знаменитый замокъ уже горѣлъ, а его владѣлецъ, престарѣлый князь Сангушко, былъ убитъ вмѣстѣ съ своей племянницей и ксендзомъ.

Растлѣвающее вліяніе тыла не замедлило отразиться на корпусѣ самымъ отрицательнымъ образомъ...

Сколько воспоминаній, и свѣтлыхъ и мрачныхъ, воскрешающихъ яркія страницы прежней жизни и терзающихъ сердце картинами безславнаго заката старой императорской гвардіи!

Трудно передать все пережитое и совсѣмъ невозможно воплотить въ небольшомъ очеркѣ ту безконечную вереницу отдѣльныхъ сценъ, смѣну лицъ, настроеній, полный упадокъ духа и приливъ свѣжей энергіи, непрестанную борьбу съ злыми, темными, разрушительными силами, задавшимися цѣлью раздавить послѣдній осколокъ стараго русскаго войска.

Сколько исключительной доблести было проявлено офицерскимъ составомъ въ этой непосильной борьбѣ, сколько героическихъ подвиговъ, затмѣвающихъ, можетъ быть, все видѣнное на фронтѣ!..

Все наиболѣе стойкое, твердое, не склонное идти на уступки революціонной стихіи, мало по малу, было вынуждено оставлять свои полки, прикомандировываться къ авіаціоннымъ частямъ и покидать, вмѣстѣ съ тѣмъ, ряды гвардейскаго корпуса. Ставить препятствія этимъ уходамъ было нельзя. Можно было только наблюдать, съ глубокою грустью, какъ съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ полки, бригады, дивизіи.

Въ нѣкоторыхъ полкахъ, какъ напримѣръ въ лейбъ-Гусарскомъ—избранномъ полку русской конницы, въ которомъ проходили службу

едва-ли не всѣ русскіе императоры, насчитывалось не болѣе десяти человѣкъ.

Князь Леонидъ Елецкій, только что назначенный командиромъ кавалергардовъ, мой однокашникъ и другъ по николаевскому училищу, подъ давленіемъ солдатской массы, былъ вынужденъ оставить полкъ.

Высокія назначенія потеряли соблазнъ. Назначенный начальникомъ первой гвардейской кавалерійской дивизіи, будущій донской атаманъ, генералъ Африканъ Петровичъ Богаевскій, кажется, съ сожалѣніемъ разстался съ своей забайкальской дивизіей.

Въ средѣ высшихъ начальниковъ стали наблюдаться апатія и растерянность. Начальникъ второй гвардейской дивизіи, генералъ Абалешевъ, окончательно потерялъ «сердце» и упалъ духомъ. Не предчувствовалъ-ли, несчастный, свою трагическую кончину?

Нельзя было совершенно узнать командира одной изъ бригадъ, генерала Маслова. Въ запущенной, доходившей до пояса бородѣ, онъ напоминалъ какого-то схимника, и никто не призналъ бы въ немъ бывшаго щеголеватаго лейбъ-улана, безсмѣннаго дирижера на придворныхъ балахъ...

Крайне раздражала и требовала огромнаго расхода энергіи борьба съ агитаторами-солдатами. На каждомъ митингѣ приходилось брать слово, въ спокойной, сдержанной формѣ уличать во лжи предыдущихъ ораторовъ, путемъ цыфровыхъ данныхъ разбивать ихъ ар-

гументы, приводить соотвѣтствующіе примѣры, взывать къ патріотизму невѣжественныхъ людей, будить совѣсть, вносить необходимое успокоеніе.

Лично съ агитаторами приходилось вести, съ глазу на глазъ, продолжительныя бесѣды и, подъ предлогомъ соблазнительной служебной командировки или отпуска, удалять изъ частей. Между тѣмъ, руки чесались отъ желанія выхватить револьверъ и просверлить негодяю черепъ.

Упадокъ общаго настроенія, гнетущія сознаніе мысли, потеря вѣры въ благополучный исходъ войны — отражались на всемъ. Даже генералъ Арсеньевъ, общій любимецъ корпуса, хладнокровный, спокойный, не терявшій присущаго самообладанія въ острыя минуты боевыхъ напряженій, мало по малу, утрачивалъ душевное равновѣсіе и, въ интимной бесѣдѣ, сознавалъ безсиліе дальнѣйшей борьбы.

Нужно-ли говорить, что при такой обстановкѣ служба теряла свое значеніе и что пожалованный мнѣ, за выслугу лѣтъ, чинъ генерала не наполнилъ меня особымъ восторгомъ...

Въ концѣ августа, въ дни такъ называемаго «корниловскаго выступленія», когда 3-ій конный корпусъ генерала Крымова медленно приближался къ столицѣ, фронтъ неожиданно подтянулся.

Снова загорѣлась надежда. Войсковая масса притихла, въ ожиданіи результатовъ похода. Казалось, что злокачественная революціонная язва, свившая гнѣздо на тлетворныхъ берегахъ Невы, будетъ, наконецъ, вскрыта желѣзной рукой и вырвана изъ русскаго тѣла.

Это былъ послѣдній, можетъ быть, представившійся случай предотвратить надвигавшуюся анархію.

Нужно замѣтить еще разъ, что съ отреченіемъ государя, число сторонниковъ реставраціи значительно сократилось, вѣрнѣе, ихъ вовсе не стало. Было, правда, нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, не пожелавшихъ принимать новой присяги и вручившихъ рапорты объ отставкѣ. Временное Правительство, насколько извѣстно, не чинило препятствій и дало этимъ рапортамъ ходъ.

Въ своей же основной массѣ, офицерскій составъ честно протянулъ руку Временному Правительству, какъ единственной законной власти.

Не предугадывая ея дальнѣйшихъ формъ, не разбираясь по своей политической безграмотности въ ея оттѣнкахъ, офицерскій составъ, уже сильно разбавленный по своему классовому признаку другимъ элементомъ, состоявшій уже на девять десятыхъ изъ демократическихъ слоевъ населенія, считалъ новую власть національною русскою властью, которая, какъ говорилось въ ея обращеніи, «въ единеніи со всѣми живыми силами страны, направитъ армію

на путь долгожданной побѣды и заключенія славнаго мира».

Временное Правительство, становясь, между тѣмъ, все безсильнѣе и ничтожнѣе, безславно катилось къ гибели и увлекало за собою страну. Оно, мало по малу, отшатнуло отъ себя офицерскій составъ. Въ сознаніи послѣдняго, единственнымъ выходомъ изъ положенія представлялась военная диктатура, которая могла бы, опираясь на остатки вооруженной силы, возстановить авторитетъ власти и пресѣчь дальнѣйшее углубленіе революціи.

Имя такого диктатора, если и не произносилось вслухъ, зато было у всѣхъ на устахъ. Съ именемъ верховнаго главнокомандующаго, популярнаго генерала Лавра Георгіевича Корнилова, связывалась послѣдняя надежда...

Въ одинъ изъ этихъ послѣднихъ, роковыхъ дней, сдѣлавъ въ автомобилѣ около двухсотъ верстъ, я прибылъ въ ставку фронта — въ Бердичевъ.

На вокзалѣ повстрѣчался со старымъ пріятелемъ, генераломъ Константиномъ Константиновичемъ Мамантовымъ.

Какъ истинный спортсменъ, онъ только что совершилъ пробѣгъ изъ Житомира и вѣстовой-казакъ вываживалъ его запотѣвшую чистокровную англійскую лошадь.

Съ Мамантовымъ я не видѣлся больше двухъ лѣтъ, съ тѣхъ первыхъ дней войны,

когда онъ командовалъ въ нашей дивизіи шестымъ Донскимъ казачьимъ полкомъ. Онъ нисколько не измѣнился, такъ же юношески стройна была его фигура, такъ же свѣжо и красиво было лицо, и развѣ только въ пушистыхъ усахъ засеребрились кое-гдѣ предательскія нити...

На одной изъ улицъ встрѣтилъ бывшаго командующаго 2-ой арміей, своего давнишняго начальника, генерала отъ кавалеріи Сергѣя Михайловича Шейдемана, хорошо знавшаго меня еще со временъ моей юности. Онъ дружески обнялъ меня, расцѣловалъ и отъ души разсмѣялся, увидѣвъ на моихъ плечахъ генеральскіе погоны.

Да, время бѣжитъ съ удивительной быстротой.

Бѣдный старикъ!.. Черезъ какой нибудь годъ, онъ погибнетъ въ большевицкой тюрьмѣ... А Константинъ Константиновичъ Мамантовъ прогремитъ на добровольческомъ югѣ, въ качествѣ смѣлаго партизана и, заговоренный отъ вражеской пули, станетъ жертвою сыпняка...

Едва простившись и не успѣвъ даже подъѣхать къ зданію штаба, я сталъ свидѣтелемъ совершенно необычайной картины.

Оренбургскій казачій полкъ, съ шашками на голо, скакалъ наметомъ по главной улицѣ. Навстрѣчу ему, изъ ближайшаго переулка, выкатились три броневыя машины. Публика шарахнулась въ сторону. Казаки остановились, подумали и повернули назадъ.

А въ вестибюлѣ штаба, взорамъ представилась новая сцена.

Группа молодыхъ офицеровъ, потрясая обнаженными шашками и револьверами, кричала:

— Солдаты и офицеры, не предадимъ генерала Корнилова!

Въ другомъ углу, болѣе многочисленная группа солдатъ, размахивая винтовками, кричала въ свою очередь:

— Товарищи!.. Смерть измѣннику, генералу Корнилову!

Штабъ находился въ состояніи полной растерянности. Изъ комнаты въ комнату бѣгали офицеры, чиновники, писаря, взволнованные до предѣла, съ искаженными лицами, съ дрожавшими отъ испуга руками. Въ комнаты врывались вооруженныя банды солдатъ, кого-то арестовывали, куда-то уводили. По слухамъ, уже арестованъ главнокомандующій фронтомъ, генералъ Деникинъ, его молодой начальникъ штаба — генералъ Марковъ, командующій XI арміей — генералъ Эрдели, генералъ Орловъ, Эльснеръ и другіе.

По совѣту друзей, я не задерживался. Мнѣ удалось избѣгнуть ареста, проскочить черезъ одну изъ заставъ, перехватившихъ дороги изъ города, и къ вечеру прибыть въ штабъ гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, чтобы совершенно неожиданно очутиться на скамьѣ подсудимыхъ...

Въ тѣнистомъ паркѣ усадьбы, за нѣсколькими столами, съ зажженными лампами, сидѣла группа солдатъ. Шло экстренное засѣданіе корпуснаго комитета, подъ предсѣдательствомъ лейбъ-гусарскаго унтеръ-офицера Тарасова, достаточно толково, къ слову сказать, разбиравшагося въ своихъ высокихъ обязанностяхъ.

Настроеніе было крайне приподнятое.

Сотни солдатъ сгрудились у столовъ. Другіе, прибывъ по вызову, съ лошадьми, съ походными сумками, съ полнымъ вооруженіемъ, стояли подъ каштанами стараго парка. По адресу генерала Корнилова неслись угрожающіе выкрики:

— Измѣнникъ!.. Предатель!.. Смерть генералу Корнилову!

На повѣсткѣ стоялъ вопросъ:

«Арестовать-ли офицеровъ гвардейскаго корпуса за сочувствіе выступленію и за принадлежность къ офицерскому союзу?»

Начались пренія.

Много злобы, ненависти, грубой и беззастѣнчивой лжи пришлось выслушать отъ цѣлаго ряда доморощенныхъ демагоговъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и не замедлившихъ появиться изъ ближайшаго тыла. Бравыхъ кавалеристовъ «Гвардкава» трудно было узнать. Неудача корниловскаго выступленія рѣзко измѣнила настроеніе солдатскихъ массъ.

Большинствомъ голосовъ пренія были, наконецъ, прекращены. Офицерамъ не дали высказаться. Приступили къ выработкѣ резолю-

ціи. Положеніе, если можно такъ выразиться, спасъ унтеръ-офицеръ изъ охотниковъ, лейбъ-уланъ Нехорошевъ, маленькій московскій присяжный повѣренный, очень искусно сказавшій нѣсколько заключительныхъ словъ и повліявшій на смягченіе резолюціи.

Импровизированный судъ смѣнилъ гнѣвъ на милость и ограничился лишь выносомъ офицерскому составу «предупрежденія»...

Послѣдній этапъ связанъ съ перемѣщеніемъ корпуса въ еще болѣе глубокій тылъ, по сосѣдству съ Староконстантиновымъ, въ которомъ находился штабъ VII арміи, генерала Рерберга.

Части корпуса, по санитарнымъ условіямъ, были расквартированы въ широкомъ районѣ, а корпусный штабъ помѣщался въ Драчахъ, усадьбѣ польскаго пана Заблоцкаго.

Къ этому періоду относятся наиболѣе горькія воспоминанія.

Ни комфортабельная усадьба, ни изысканная любезность помѣщика, ни свѣжая дѣвичья прелесть его миловидныхъ племянницъ—панны Ирены и Гальжки, щебетавшихъ звонкими голосами шопеновскіе романсы или патріотическій гимнъ — «Еще Польска не сгинела!», не заглушили въ груди чувства невыразимой тоски, гнета, можетъ быть, даже отчаянія.

Все валилось изъ рукъ... Терялся проблескъ малѣйшей надежды... Катастрофа надвигалась неумолимо...

Однажды ко мнѣ явился командиръ Стрѣлковаго полка третьей гвардейской кавалерійской дивизіи, молодой уланскій полковникъ баронъ Притвицъ, остроумный, находчивый, не теряющій добраго настроенія офицеръ, переименованный друзьями, въ шутку, на демократическій ладъ — Притвичукомъ.

Баронъ, разстроенный совсѣмъ не на шутку, докладываетъ о серьезной вспышкѣ въ полку и умоляетъ прислать армейскаго комиссара.

Въ тотъ же день прибылъ Тихонъ Ивановичъ Макалышъ.

Это былъ пожилой человѣкъ, съ сѣдыми щетинистыми щеками и усами, одѣтый почему-то въ австрійскую куртку, съ огромнымъ маузеромъ на поясномъ ремнѣ. Въ дореволюціонное время, Тихонъ Ивановичъ занималъ скромную должность монтера въ севастопольскомъ адмиральскомъ дворцѣ. Въ настоящее время, за выдающіяся заслуги и за вполнѣ сознательное отношеніе къ завоеваніямъ революціи, состоялъ въ роли армейскаго комиссара.

Тихонъ Ивановичъ Макалышъ былъ принятъ въ штабѣ корпуса подобающимъ его высокому положенію образомъ, информированъ о создавшемся положеніи въ Стрѣлковомъ полку, приглашенъ къ обѣденному столу.

Въ его распоряженіе былъ отданъ одинъ изъ самыхъ исправныхъ Ролльсъ-Ройсовъ, на которомъ Тихонъ Ивановичъ, по окончаніи трапезы, отбылъ въ взбунтовавшійся полкъ.

Къ вечеру, Тихонъ Ивановичъ Макалышъ и полковникъ Притвицъ, оба ликующіе отъ одержанной ими побѣды, вернулись въ штабъ корпуса. Въ Стрѣлковомъ полку состоялось полное примиреніе между солдатами и офицерскимъ составомъ. Комиссаръ, на глазахъ у всего полка, облобызался съ командиромъ, солдаты покачали и подбросили обоихъ на воздухъ, инцидентъ былъ ликвидированъ самымъ благополучнымъ образомъ.

Въ ближайшіе дни, поощренный успѣхомъ, Тихонъ Ивановичъ предпринялъ поѣздку по остальнымъ частямъ корпуса, всюду внесъ необходимое успокоеніе, вездѣ былъ предметомъ дружныхъ, шумныхъ, неподдѣльныхъ овацій. А въ лейбъ-Гусарскомъ полку, терзая рыбу ножомъ и чокаясь съ офицерами полнымъ стаканомъ, до того былъ обласканъ, что застрялъ на трое сутокъ.

Къ сожалѣнію, черезъ какую нибудь недѣлю, авторитетъ комиссара поблекъ. Солдаты стали встрѣчать его обиднымъ хохотомъ, свистомъ, оскорбительными словами:

— Переодѣтый генералъ!

Настроеніе въ частяхъ вновь обострилось. Печальные инциденты слѣдовали одинъ за другимъ. Вмѣшательство комиссара подливало масло въ огонь.

И Тихонъ Ивановичъ уѣхалъ.

И разставаясь съ офицерами штаба, не выдержалъ, оросилъ щетинистыя щеки слезами и произнесъ:

— Спасибо, друзья!.. Вѣкъ буду помнить!

Потомъ, приподнявшись на сидѣньи автомобиля и погрозивъ кулакомъ въ пространство, добавилъ по неизвѣстному адресу:

— Скоты!

Черезъ мѣсяцъ отъ доблестнаго «Гвардкава» осталось одно только воспоминаніе...

Травился фуражъ, сжигался сѣмянной клеверъ, спускались пруды для ловли племенныхъ матокъ. По всѣмъ направленіямъ трещали выстрѣлы и, въ догонку стаямъ пролетныхъ гусей, свистѣли пули. Окрестные помѣщики забрасывали штабъ безконечными жалобами и пріѣзжалъ даже владѣлецъ сосѣдняго «Августина», претендентъ на корону польскаго короля, графъ Августъ Потоцкій.

Революція углублялась.

Въ борьбѣ Корнилова съ Керенскимъ, послѣдній одержалъ рѣшительную побѣду... Армію обезглавили... У офицерскаго состава вынули душу...

«Гвардкавъ» разсыпался съ молніеносной быстротой.

Но въ утѣшеніе нужно сказать, что развалъ произошелъ безъ пролитія крови, безъ насилій и тѣхъ обидъ, которыя выпали на долю офицерскаго состава въ другихъ частяхъ многострадальной императорской арміи.

Солдаты подѣлили между собою деньги и полковое имущество, распродали мужикамъ

лишнія вещи и попрощавшись, въ отдѣльныхъ случаяхъ, даже горячо съ своими офицерами, растеклись по домамъ — кто одиночнымъ порядкомъ, кто цѣлой компаніей, кто пѣшкомъ, кто по желѣзной дорогѣ, кто въ конномъ строѣ, цѣлыми эскадронами.

Въ частности, мой вѣстовой, Пугачовъ Василій, даже растрогалъ меня своею преданностью и безкорыстіемъ. И только послѣ строгаго приказа принялъ на память о совмѣстной службѣ въ «Гвардкавѣ» скромный денежный подарокъ и полосатую англійскую попону, изъ которой скроилъ себѣ великолѣпную тужурку...

6

ЗАГАДКА КРЫМОВА

Въ памятные осенніе дни семнадцатаго года, когда послѣ очередного іюльскаго выступленія большевиковъ было рѣшено, на основѣ переговоровъ Керенскаго съ Корниловымъ, занять Петроградъ войсками съ фронта, выборъ верховнаго главнокомандующаго остановился на генералѣ Крымовѣ.

Керенскій пытался было противодѣйствовать этому назначенію, но Корниловъ настоялъ на своемъ.

Я считаю долгомъ посвятить нѣсколько словъ этому главному дѣйствующему лицу неудавшагося корниловскаго похода, котораго зналъ очень близко еще со времени совмѣстныхъ академическихъ дней, съ которымъ неоднократно встрѣчался впослѣдствіи, который производилъ на меня впечатлѣніе человѣка, отмѣченнаго судьбой...

Штабсъ-капитанъ артиллеріи Александръ Михайловичъ Крымовъ окончилъ академію генеральнаго штаба въ 1902 году.

Крупный, представительный, рослый, онъ импонируетъ не только фигурой. Сильная, волевая натура, апломбъ, безапеляціонность сужденій, нѣсколько грубоватая, можетъ быть, самоувѣренность, какая-то особая скептически-насмѣшливая манера и многое изъ того, что не поддается точному опредѣленію, выдѣляютъ его изъ среды сверстниковъ.

Даже академическое начальство отмѣчаетъ его по своему и, не въ примѣръ прочимъ молодымъ слушателямъ, относится къ артиллерійскому штабсъ-капитану съ чувствомъ исключительнаго довѣрія и нѣкоторой завидной почтительности. Это не отношеніе профессора къ ученику, а нѣчто напоминающее отношеніе равнаго къ равному. Крымовъ серьезенъ, обладаетъ яснымъ и трезвымъ мышленіемъ, опредѣленность и логика звучатъ въ каждой фразѣ...

Крымовъ отличается на русско-японской войнѣ.

Стойкое упорство 4-го зарубаевскаго корпуса на ляоянскихъ позиціяхъ, отбившаго всѣ атаки и заваливщаго подступы японскими трупами, обязано твердости молодого капитана Крымова, временно исполнявшаго обязанности начальника штаба.

Генералъ Зарубаевъ, впослѣдствіе генералъ-адъютантъ и инспекторъ пѣхоты, имѣлъ видимо основанія, указывая на свой георгіевскій крестъ, говорить:

— Этотъ крестъ — это Крымову спасибо!

Одновременно, добродушный старикъ вспоминалъ, съ улыбкой, крутой нравъ своего ближайшаго помощника, не очень сдержаннаго на языкъ, не стѣснявшагося порой въ выраженіяхъ даже по адресу прямого начальника. Въ этихъ случаяхъ, генералъ Зарубаевъ посылалъ въ сосѣднюю комнату своего адъютанта съ просьбой, чтобы «капитанъ не такъ громко его ругалъ!»

По аналогіи мелькаетъ историческій эпизодъ.

Сравнивая въ этомъ случаѣ Крымова съ маршаломъ Неемъ и, съ большою натяжкой, сопоставляя старика Зарубаева Наполеону, можно провести параллель, когда послѣ Бородинскаго боя, императоръ французовъ предлагалъ «храбрѣйшему изъ храбрыхъ» умѣрить свой пылъ и неподходящія выраженія...

Съ окончаніемъ русско-японской войны, Крымовъ возвращается въ Петербургъ, читаетъ лекціи въ военныхъ училищахъ, завѣдуетъ практическими занятіями въ офицерской кавалерійской школѣ.

Крымовъ остроуменъ, насмѣшливъ. Однако, это не легкомысленный весельчакъ, балагуръ, зубоскалъ, склонный потѣшать окружающихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Это человѣкъ нѣсколько замкнутый, молчаливый, не способный кидать слова на

вѣтеръ, человѣкъ съ вѣсомъ, въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ. Шутка въ его устахъ пріобрѣтаетъ особую силу...

Вспоминается такой случай.

На красносельскомъ военномъ полѣ, полковникъ Крымовъ руководитъ тактическими занятіями офицеровъ.

Генералъ Брусиловъ — начальникъ школы, полковникъ Химецъ — его помощникъ. Временно исполнявшій обязанности послѣдняго, молодой, хлыщеватый полковникъ Божеряновъ, гарцуя на чистокровной лошади, подъѣзжаетъ къ Крымову и небрежнымъ тономъ, въ роли контролирующаго начальника, задаетъ вопросъ:

— Полковникъ, что вы здѣсь дѣлаете?

— Рѣшаемъ тактическія задачи! — отвѣчаетъ спокойно Крымовъ.

— Вздоръ! — усмѣхнувшись говоритъ Божеряновъ. — Предлагаю рѣшить кавалерійскую задачу!

Давъ шпоры, Божеряновъ скачетъ на стоящій передъ нимъ барьеръ. Офицеры, во главѣ съ Крымовымъ, несутся за нимъ.

Происходитъ изумительный случай. Лошадь, на всемъ скаку, останавливается передъ препятствіемъ и длинныя ноги полковника Божерянова, обтянутыя краснымъ сукномъ, мелькаютъ въ воздухѣ. Черезъ мгновенье, лошадь скачетъ по красносельскому полю, оглашая его радостнымъ ржаньемъ, а полковникъ, съ растеряннымъ видомъ, сидитъ на землѣ,

смахивая пыль съ своихъ циркулей, въ красныхъ гусарскихъ чакчирахъ.

— Это все, что вы имѣли намъ предъявить? — спокойно говоритъ Крымовъ. — Плохо рѣшаете вы кавалерійскія задачи!

И, при дружномъ хохотѣ офицеровъ, отъѣзжаетъ прочь.

Вскорѣ, Крымовъ принимаетъ въ командованіе Аргунскій полкъ забайкальскаго казачьяго войска и проводитъ два года въ глухомъ даурскомъ урочищѣ, на границѣ съ Монголіей.

Великая война застаетъ его въ должности генерала для порученій при командующемъ I арміей.

На Крымова возлагаются особыя функціи. Въ случаѣ осложненія на какомъ либо участкѣ фронта, туда командируется Крымовъ.

Вспоминается такой эпизодъ.

Шестая кавалерійская дивизія получила серьезную боевую задачу. Дивизія вела бой въ спѣшенномъ порядкѣ. Положеніе становилось опаснымъ. Отскочившіе сосѣди обнажили фланги и дивизіи угрожалъ обходъ. Пули залетали уже на позицію артиллеріи и батареи прекратили огонь. Начальникъ дивизіи, послѣ короткаго колебанія, отдалъ приказъ объ отходѣ.

Въ самый разгаръ напряженныхъ дѣйствій прибылъ генералъ Крымовъ. Оглядѣв-

шись, оцѣнивъ обстановку, онъ слѣзъ съ коня, легъ на траву, набросалъ на бланкѣ полевой книжки нѣсколько строкъ и молча протянулъ начальнику дивизіи:

«Отъ имени командующаго арміей, приказываю перейти въ наступленіе!»

— Слушаю, ваше превосходительство! — отвѣтилъ, взявъ почтительно подъ козырекъ, нѣсколько оторопѣвшій, значительно старшій въ чинѣ начальникъ дивизіи, неотразимый Нарциссъ тевтонскихъ кровей, генералъ-лейтенантъ Владимиръ Христофоровичъ Роопъ. Былъ отданъ новый приказъ... «Ордръ — контръ-ордръ», и въ результатѣ — блестящій успѣхъ... Противникъ не выдержалъ и отступилъ... Позиція была удержана...

Вь теченіе войны, Крымовъ успѣшно командуетъ Уссурійской конной бригадой, потомъ дивизіей, награждается георгіевскимъ оружіемъ и крестомъ, получаетъ въ командованіе 3 конный корпусъ. Значительно опередивъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, Крымовъ уже выдвигается на постъ командующаго арміей. За Крымовымъ устанавливается репутація твердаго, рѣшительнаго начальника.

Человѣкъ прогрессивнаго образа мыслей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, монархистъ по убѣжденіямъ, Крымовъ очень остро переживаетъ кризисъ клонящагося къ закату режима.

Кто наблюдалъ Крымова въ этотъ періодъ, тотъ не могъ не замѣтить происшедшей въ немъ перемѣны. Тревоги войны и политической

обстановки отразились на немъ чрезвычайно. Онъ осунулся, сдалъ, постарѣлъ сразу на нѣсколько лѣтъ и только отчасти напоминалъ того сильнаго, увѣреннаго въ себѣ, дышавшаго хладнокровіемъ и спокойствіемъ молодого полковника, какимъ былъ до войны.

Нервы его истощены. Были минуты, когда они не выдерживали. Были моменты, когда твердокаменный Крымовъ рыдалъ, какъ женщина.

Наступаетъ февральская революція и, наконецъ, одинъ изъ ея послѣднихъ этаповъ, въ которомъ Крымовъ нашелъ свою смерть.

Интересно приподнять край завѣсы и познакомиться, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ тою подготовительною работой, которая должна была содѣйствовать замысламъ Ставки.

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ подъ № 104, помѣщалось «Общество Бессарабской желѣзной дороги». Эта вывѣска прикрывала организацію, извѣстную подъ именемъ «Республиканскаго Центра». Одинъ изъ активныхъ членовъ организаціи декларировалъ политическую программу приблизительно въ такой формѣ:

— Если царскій режимъ былъ во многихъ отношеніяхъ неудобенъ, режимъ Временнаго Правительства становится нетерпимъ. Необходимо съ нимъ покончить!

Другими словами, «Республиканскій Центръ» былъ скрытой контръ-революціонной организаціей, далекой какъ отъ уклона влѣво, такъ, впрочемъ, и отъ возстановленія монархіи, задавшійся цѣлью включить разбушевавшееся революціонное море въ рамки обыкновенной буржуазной республики.

Происходили періодическія засѣданія и доклады. Шла разработка плановъ, привлеченіе новыхъ членовъ, установленіе связи, обсужденіе финансовыхъ мѣропріятій. И, само собой разумѣется, безграничное словоизверженіе, за которымъ укрывалось безсиліе всей затѣи.

Обращалъ вниманіе бравый поручикъ въ черкескѣ, съ лихо закрученными усами, при арсеналѣ оружія, съ безчисленнымъ количествомъ всякихъ нагрудныхъ значковъ, орденовъ, нарукавныхъ нашивокъ. Его рѣчи производили сильное впечатлѣніе. Поручикъ щеголялъ передъ статскою, по преимуществу, публикой своимъ мужествомъ и съ похвальной рѣшимостью заявлялъ, что съ помощью одной сотни наведетъ порядокъ на весь Петроградъ:

— Клянусь своей головой!.. Мои восемнадцать раненій!.. Моя служба въ отрядѣ Мищенки!.. Я владѣю шашкой, какъ Толстой владѣлъ перомъ!

Таковы были реплики воинственнаго поручика, извѣстнаго впослѣдствіе подъ именемъ князя Авалова-Бермондта...

Однако, дальше красивыхъ фразъ организація не пошла. Съ корниловскимъ выступле-

ніемъ, организація стушевалась и не подавала признаковъ жизни. Никакой поддержки движенію она не оказала.

Можно себѣ представить какую поддержку получилъ бы Корниловъ, если бы вмѣсто тайныхъ организацій, вродѣ пресловутаго «Центра», въ столицѣ нашлось нѣсколько ударныхъ батальоновъ, на чемъ настаивалъ, между прочимъ, молодой штабсъ-капитанъ, въ формѣ саперного офицера.

Мнѣніе штабсъ-капитана не было принято во вниманіе. Да и самъ штабсъ-капитанъ заставилъ говорить о себѣ много позднѣе, когда предводительствуя красною арміей, разгромилъ въ 1918 году Кіевъ.

Это былъ—Муравьевъ, покончившій впослѣдствіе самоубійствомъ на чешскомъ фронтѣ, когда, послѣ перехода къ лѣвымъ эсерамъ, фактъ его измѣны былъ установленъ большевиками.

Крымовскій корпусъ заключалъ въ себѣ три дивизіи—«дикую», Уссурійскую и четвертую Донскую. Всѣ эти части, въ особенности, составленная изъ кавказскихъ горцевъ «дикая» дивизія, считались вполнѣ надежными для выполненія хирургической операціи надъ большевиками.

Въ Проскуровѣ, во время посадки, не обошлось безъ инцидента.

Мѣстный совдепъ устроилъ обструкцію. Предсѣдатель совдепа, въ вызывающей формѣ,

вмѣшался въ распоряженія. Крымовъ молча слушалъ направленную къ нему, истеричную рѣчь предсѣдателя:

— Это все?.. Теперь я скажу нѣсколько словъ!—спокойно заключилъ Крымовъ и такъ же спокойно вытянулъ изъ за голенища нагайку.

Впечатлѣніе было огромное.

Предсѣдатель бухнулся въ ноги и, при хохотѣ казаковъ, сталъ умолять о пощадѣ. Совдепъ разбѣжался. Посадка протекла въ полномъ порядкѣ...

Конный корпусъ началъ движеніе на Петроградъ.

Движенію корпуса чинились всевозможныя затрудненія, въ особенности пресловутымъ «Викжелемъ» и распоряженіями командующаго сѣвернымъ фронтомъ, генерала Черемисова. Эшелоны умышленно задерживались въ пути. Провіантъ и фуражъ не доставлялись. Агитаторы вели бѣшеную пропаганду, и четвертая Донская дивизія уже обнаруживала извѣстную неустойчивость.

За ужиномъ на станціи Луга, Крымовъ сидѣлъ въ обществѣ офицеровъ своего походнаго штаба. Крымовъ былъ въ мрачномъ, подавленномъ настроеніи. На вопросъ одного изъ подчиненныхъ отвѣтилъ:

— Что будетъ завтра — не знаю!.. Знаю только, что браунингъ при мнѣ!

Эта фраза наводитъ на размышленія.

Не предчувствовалъ ли Крымовъ грядущую неудачу?...

Не сознавалъ-ли, что не сила противниковъ, а собственная слабость приведетъ къ катастрофѣ?..

Не ощутилъ-ли всю тяжесть отвѣтственности передъ страной и исторіей, наложенную на него въ эти роковыя минуты?..

Движеніе на Петроградъ было пріостановлено.

Изъ столицы прибыли депутаціи. Во главѣ многихъ изъ нихъ стояли старые офицеры. Такъ напримѣръ, мусульманскую депутацію возглавлялъ хорошо многимъ извѣстный, офицеръ съ прекрасной боевой репутаціей, бывшій елисаветградскій гусаръ, полковникъ Султанъ Гирей.

Начались переговоры и митинги, окончательно сорвавшіе успѣхъ дѣла. Въ частяхъ началось колебаніе. Прибывшій отъ Керенскаго, генеральнаго штаба полковникъ Самаринъ, убѣдилъ Крымова въ необходимости переговоровъ съ Керенскимъ, для координаціи дѣйствій.

Крымовъ прибылъ въ столицу. Произошла непродолжительная бесѣда. Вмѣсто «координаціи дѣйствій», Крымовъ попалъ въ западню.

Предпріятіе рухнуло въ одно мгновеніе. Операція, которая, при успѣхѣ, такъ или иначе отразилась бы на всемъ теченіи послѣдующихъ событій, потерпѣла полную неудачу.

Въ тотъ же день Крымовъ покончилъ съ собой.

Во всей этой исторіи и, въ частности, въ крымовской смерти, много неяснаго, загадочнаго, недоговореннаго.

Убійство или самоубійство?

Я не свидѣтель крымовской смерти и, съ понятною осторожностью, отношусь ко всѣмъ слухамъ и версіямъ.

Зная Крымова, могу допустить, что утратившій прежнее самообладаніе, онъ былъ въ состояніи, при встрѣчѣ съ Керенскимъ, котораго искренно презиралъ, и послѣдовавшихъ съ нимъ объясненій, въ минуту гнѣва, нанести ему оскорбленіе и даже оскорбленіе дѣйствіемъ. При этой попыткѣ, быть можетъ, Крымовъ заплатилъ собственной жизнью.

Одно время, мѣстомъ дѣйствія упорно называлась почему-то квартира на Захарьевской улицѣ, а имя Савинкова фигурировало въ качествѣ убійцы.

Все это, конечно, бездоказательныя предположенія.

Въ одинаковой степени, Крымовъ могъ покончить съ собой.

Кто зналъ Крымова, тотъ едва-ли заподозрилъ бы въ немъ будущаго самоубійцу. Это не неврастеникъ, не идеалистъ и не слабонервный романтикъ, кончающій съ собой въ минуту аффекта. Крымовъ — человѣкъ силы, воли, мужества, активной борьбы.

Однако, безвыходность обстановки, крушеніе вѣры въ благопріятный исходъ возложенной на него военно-политической задачи

огромной важности и значенія, непереносимый стыдъ за то неловкое положеніе, въ которое онъ, Крымовъ, попалъ какъ заяцъ, благодаря предательскимъ сѣтямъ своихъ ничтожныхъ враговъ, въ связи съ наблюдавшимся уже въ немъ нѣкоторомъ душевномъ распадѣ, весьма возможно заставили его прибѣгнуть къ содѣйствію того самаго браунинга, о которомъ онъ намекалъ наканунѣ своимъ приближеннымъ.

Крымовъ погибъ и хоронили его съ необъяснимой, какой-то воровскою поспѣшностью...

7

ОКТЯБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ

Революція углублялась и Временное Правительство умирало, быстрою, вѣрною смертью...

О дальнѣйшемъ сопротивленіи германскимъ арміямъ, о продолженіи войны, о какой либо государственной работѣ, широкихъ планахъ, разумныхъ демократическихъ реформахъ, направленныхъ ко благу народа и цѣнныхъ по практическимъ результатамъ, не могло быть рѣчи.

Временное Правительство, въ лицѣ соціалистическихъ министровъ, еще продолжало безсильными руками цѣпляться за власть, производило въ составѣ кабинета какія-то перетасовки, пыталось потоками фразъ отдалить часъ неизбѣжной развязки. Торжествовала демагогія и жалкая утопія озлобленныхъ фантастовъ, угаръ невѣжественныхъ массъ, разсчетъ предателей Россіи.

Въ арміи, во флотѣ, балтійскомъ и черноморскомъ, разложеніе частей и судовыхъ

командъ дошло до предѣла. Каждый день приносилъ извѣстія о безсудныхъ расправахъ надъ беззащитнымъ офицерскимъ составомъ— истинныхъ мученикахъ безумнаго русскаго чертопляса.

Въ Выборгѣ убитъ командиръ 42 корпуса, генералъ отъ кавалеріи Владимиръ Алоизіевичъ Орановскій, звѣрски убиты генеральнаго штаба генералы Степановъ, Васильевъ и драгунскій полковникъ Карповичъ.

Въ Лугѣ, въ конскомъ запасѣ, убитъ бывшій командиръ кавалергардовъ, генералъ графъ Менгденъ, конногренадеръ полковникъ Эгерштромъ, молодой лейбъ-гусарскій штабсъротмистръ графъ Клейнмихель.

И сотни, можетъ быть, тысячи другихъ, мнѣ неизвѣстныхъ, на всѣхъ пунктахъ тысячеверстнаго фронта и тыла, уже потрясенныхъ до основанія, уже опоенныхъ ядомъ классовой ненависти и злобы.

Ликъ большевизма ширился и росъ...

О, какъ помню я эти ненастные, мокрые и тоскливые, притихшіе, словно кроликъ передъ разверстой глоткой удава, дни рокового октября!

Ни мыслей, ни желаній!.. Всѣ жертвы и усилія затрачены безплодно!.. Война проиграна безсмысленно и нелѣпо!.. Апатія, уныніе, тоска глядѣли изъ петроградскаго тумана и слякоти скользкихъ булыжниковъ и торцовъ!.. Предчувствіе великой катастрофы сверлило грудь!

Ликъ большевизма, съ ощеренными клыками, съ всклокоченной гривой, дикій, звѣриный, пещерный, ширился и росъ...

Тогда, какъ муха, заметавшаяся въ паутинѣ «верховный вождь» и призрачный властитель, Керенскій, сознавъ, наконецъ, тщету дальнѣйшихъ словоизверженій, въ холодный, сѣрый день примчался въ 3-й конный корпусъ, стоявшій возлѣ Гатчины, подъ командой генерала Краснова.

Тотъ самый корпусъ, который съ Крымовымъ во главѣ, три мѣсяца тому назадъ, былъ двинутъ приказаніемъ Корнилова на Петроградъ. Тотъ самый корпусъ, который, не окажи Керенскій противодѣйствіе, предательство и трусость, быть можетъ, предотвратилъ дальнѣйшую безумную игру.

Былъ созванъ экстреннымъ порядкомъ корпусной комитетъ, и въ тѣсномъ помѣщеніи народный школы, Керенскій произнесъ свою послѣднюю рѣчь.

Онъ нервничалъ, былъ возбужденъ и блѣденъ, глядѣлъ усталыми, воспаленными глазами, но говорилъ съ подъемомъ, экзальтированно и горячо, бросая одновременно короткіе и рѣзкіе, какъ ударъ бича, отвѣты на вопросы съ мѣстъ.

И вотъ, послѣ фразы — «кучка безотвѣтственныхъ, безумныхъ и преступныхъ лицъ, пытаясь посягнуть на облеченную высокимъ

довѣріемъ народа власть Временнаго Правительства...», изъ заднихъ мѣстъ раздался медленный, тяжелый голосъ:

— Нѣтъ больше Временнаго Правительства!

Керенскій взметнулся, но тотчасъ овладѣлъ собой и выкрикнулъ среди насторожившагося въ гробовомъ молчаніи зала:

— Кто вамъ сказалъ?.. Я премьеръ-министръ!.. Я надѣюсь, что 3-ій корпусъ исполнитъ свой долгъ!

3-ій конный корпусъ исполнилъ свой долгъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки у Пулкова, Красновъ былъ арестованъ, а Керенскій исчезъ.

Временное Правительство прекратило существованіе...

Мнѣ повезло отчаяннѣйшимъ образомъ и часъ переворота засталъ меня въ вестибюлѣ гостинницы «Асторія».

У выходныхъ дверей уже стояла стража, рослые гвардейцы Кексгольмскаго полка. Ревѣли пролетавшіе автомобили. Доносились отдѣльные выстрѣлы — послѣднее сопротивленіе несчастныхъ юнкеровъ.

Мы сидѣли втроемъ—генералъ Бискупскій, бывшій гродненскій гусаръ полковникъ Househ Юматовъ и я, вспоминая, какъ двадцать лѣтъ назадъ, при нѣсколько иной обстановкѣ, всѣ трое одновременно командовали взводами въ

«славной гвардейской школѣ». И тотъ и другой были совершенно спокойны, курили сигары, пригубливали коньякъ и, съ любопытной улыбкой, созерцали неожиданное зрѣлище.

Въ вестибюлѣ слышался оживленный разговоръ публики, нервный смѣхъ, шутки, отдѣльныя восклицанія.

Я попрощался и вышелъ...

Кругомъ—пустынно, мертво. Только у Полицейскаго моста виднѣется толпа народа. Незнакомецъ, въ защитномъ френчѣ, въ распахнутомъ пальто съ погонами ветеринарнаго врача, бросается настрѣчу и возбужденнымъ голосомъ кричитъ:

— Назадъ!.. Здѣсь арестовываютъ офицеровъ!

По набережной Мойки бѣгутъ двѣ запыхавшіяся дамы:

— Скорѣй назадъ!.. У Маріинскаго дворца стрѣляютъ!

Черезъ полчаса, изъ оконъ комендантскаго управленія, наблюдаю вмѣстѣ съ писарями и офицерами, какъ по Садовой тянутся колонны—мужчины и женщины, съ винтовками, съ охотничьими дробовиками, съ чайниками, съ телѣжками, съ санитарными двуколками. И висятъ мокрые красные флаги. И зловѣще дрожатъ звуки революціоннаго гимна. И гудитъ нестройно марширующая толпа:

— Смерть Керенскому!

На улицахъ тоскливо... Моросить дождь... Газеты и зрѣлища прекратились... Все замерло...

Гудитъ фабричная труба... Трещитъ винтовочный огонь...

— Тра-та-та-та!..

Черезъ недѣлю, новой властью, не ожидавшей столь легкаго успѣха и растерявшейся въ первыя минуты, былъ взятъ опредѣленный курсъ.

Посыпались декреты.

Великая страна стала на путь національнаго самоубійства...

Керенскій исчезъ и на высокій постъ верховнаго главнокомандующаго вступилъ его начальникъ штаба, генералъ Духонинъ.

Армія агонизировала и доживала послѣдніе дни.

Отдѣльныя попытки пресѣчь вооруженной рукой дальнѣйшее углубленіе революціи и остановить распадъ страны не достигали цѣли, и боевые эшелоны, спѣшно перебрасываемые къ Петрограду съ южнаго фронта, уже на параллели Витебска и даже Гомеля, заражались общимъ настроеніемъ и превращались въ бушевавшую солдатчину.

Въ самой Ставкѣ, среди наиболѣе испытанной и вѣрной части, Георгіевскаго полка, подымалось глухое броженіе и недовольство.

Всѣ крупные военоначальники покинули ряды.

Алексѣевъ, Брусиловъ, Рузскій, Гурко, Эвертъ, главнокомандующіе фронтами и армія-

ми—были давно отстранены отъ занимаемыхъ постовъ. Корниловъ и Деникинъ, Эрдели, Глѣбъ Ванновскій, Лукомскій и Кисляковъ, Романовскій и Марковъ—находились въ заключеніи въ Быховской тюрьмѣ.

Часть генералитета, какъ Бончъ-Бруевичъ, Черемисовъ, Егорьевъ и Парскій, Новицкій, Незнамовъ, Снѣссаревъ, Балтійскій, Потаповъ, Павелъ Лебедевъ, даже бывшіе свитскіе генералы — Заіончковскій и Гуторъ, одни сознательно, другіе изъ «шкурныхъ» побужденій, усердно «выявляли» свою революціонную лойяльность...

Одинокій, съ горстью помощниковъ и подчиненныхъ, сознавая трагизмъ создавшагося положенія, Духонинъ, тѣмъ не менѣе, на предложеніе совнаркома сдать власть, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ.

О, честный, благородный, вѣрный своему солдатскому долгу человѣкъ!.. Какимъ мы знали тебя по академической скамьѣ, такимъ остался ты, какъ часовой на посту, до своего мученическаго конца!..

Въ началѣ ноября, въ Ставкѣ состоялось послѣднее засѣданіе, на которомъ, съ неотразимой убѣдительностью, была представлена участникамъ картина полнаго развала арміи.

На фронтѣ и въ тылу войска выходятъ окончательно изъ повиновенія. На всѣхъ дорогахъ тучи дезертировъ и самовольно расходящихся людей. Идетъ грабежъ и расхищеніе казеннаго имущества. Командный составъ тер-

роризованъ. Ужасы революціоннаго безумія охватываютъ все большіе и большіе районы.

Главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, генералъ Черемисовъ, требуетъ подчиненія Ставки себѣ. Длинный, лысый, нескладный, напоминающій верблюда, Бончъ-Бруевичъ, въ свое время протеже старика Драгомирова, перескочившій съ неслыханною легкостью и цинизмомъ въ станъ красныхъ побѣдителей, угрожаетъ революціонною расправой. Главнокомандующій румынскимъ фронтомъ, бывшій начальникъ академіи, генералъ Щербачовъ, на предложеніе Духонина занять постъ верховнаго главнокомандующаго, отвѣтилъ краткой телеграммой:

— Предпочитаю быть съ румынами!

Рѣчь уполномоченнаго по гражданской части, Вырубова, прозвучала на собраніи похоронною молитвой:

— Всѣ хирургическія операціи безцѣльны... Болѣзнь проникла глубоко!.. Уговаривать дальше нѣтъ силъ!.. Опереться не на кого!.. Гражданская война затянетъ смуту и вызоветъ излишнее кровопролитіе!..

Такъ говорилъ Вырубовъ, закончивъ рѣчь слѣдующими словами:

— Народъ, какъ маленькій ребенокъ, тянется къ огню... Массы идутъ за тѣми, кто больше обѣщаетъ... Дадимъ народу обжечься... Если мы дрянь, а не великій народъ, какъ мы это думали, то подъ тяжелыми ударами молота исторіи, отъ насъ останется мокрое мѣсто...

Если же мы нѣчто другое, во что я глубоко вѣрю, то подъ тѣмъ же молотомъ изъ насъ создастся крѣпкое ядро, можетъ быть, въ восемьдесятъ мильоновъ, можетъ быть, всего въ шестьдесятъ, можетъ быть безъ выходовъ въ море, но съ здоровымъ національнымъ эгоизмомъ... И съ этимъ ядромъ мы возстановимъ Россію!

Одновременно было получено извѣстіе что въ Могилевъ направленъ изъ Петрограда прапорщикъ Крыленко, а генералъ Духонинъ объявленъ «врагомъ народа»...

На слѣдующій день, изъ красной столицы прибылъ въ Ставку генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Одинцовъ.

Онъ прибылъ въ Могилевъ, командированный съ секретнымъ порученіемъ отъ совнаркома. Оппортунистъ, безпечный, легкомысленный сангвиникъ, живой и подвижный, не взирая на свою кругленькую фигурку, Сергѣй Ивановичъ Одинцовъ, однокурсникъ Духонина по академіи, былъ какъ нельзя болѣе подходящъ для этой роли.

Онъ принятъ былъ немедленно и, въ дружеской бесѣдѣ, на «ты», со свойственной ему легкостью вь мысляхъ, изложилъ обстановку и пытался убѣдить Духонина въ безцѣльности дальнѣйшаго упорства.

Онъ говорилъ что персонально Ленинъ противъ него, Духонина, «милѣйшаго Николая

Николаевича», не чувствуетъ ни малѣйшей вражды. Что соображенія внутренней политики вынуждаютъ къ отстраненію его съ поста верховнаго главнокомандующаго. Что личная безопасность и матеріальное обезпеченіе, въ видѣ достойно заслуженной пенсіи, вполнѣ гарантированы, а объявленіе «врагомъ народа» учинено изъ тѣхъ же политическихъ соображеній, въ угоду требованіямъ массъ. Принимать это близко къ сердцу не слѣдуетъ.

Онъ говорилъ, наконецъ, что «все образуется», что армія будетъ оздоровлена и поднята, въ ближайшее время, на необходимую высоту, что нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ побѣдоносномъ окончаніи войны:

— Нельзя идти наперекоръ и тормозить историческое теченіе событій!

Не думается, чтобы Одинцовъ сознательно вводилъ Духонина въ заблужденіе. Вѣрнѣй всего, какъ увлекающійся человѣкъ, онъ заблуждался самъ, не разбираясь глубоко въ дѣйствительности, принявъ за чистую монету всѣ обѣщанія, полученныя отъ ленинскихъ клевретовъ.

Казалось, убѣжденный этимъ разговоромъ, Духонинъ былъ готовъ склониться передъ требованіями новой власти. Но вслѣдъ за отъѣздомъ Одинцова, сталъ снова колебаться...

А вечеромъ, ведетъ по аппарату Юза разговоръ съ Кіевомъ, достойный быть запеча-

тлѣннымъ въ анналахъ великой русской смуты. Съ нимъ говоритъ Петлюра—военный министръ украинской Рады.

— Генералъ Духонинъ! — говорилъ Петлюра.—Вы высшій и послѣдній представитель законной русской власти!.. Я жду васъ въ Кіевѣ, гдѣ какъ верховный главнокомандующій вы станете во главѣ вооруженныхъ силъ!.. Моя программа — война до конца и вѣрность союзнымъ обязательствамъ!.. Я жду васъ, пріѣзжайте, захвативъ самое необходимое, и въ Кіевѣ вы организуете ставку изъ штаба юго-западнаго фронта!.. Пріѣзжайте, пока не поздно, пока есть еще возможность выѣхать изъ Могилева!

Столь неожиданное предложеніе Петлюры, казалось, создавало выходъ изъ трагической обстановки. Въ самомъ дѣлѣ, не суждено-ли тамъ, на югѣ, на берегахъ Днѣпра и въ древней русской колыбели, еще сравнительно только задѣтой общимъ шкваломъ, вторично заложить устои государственности и, возстановивъ армію, съ успѣхомъ продолжать борьбу на фронтѣ и съ петроградскою Коммуной?

Ближайшіе сподвижники Духонина не связанные исключительнымъ положеніемъ послѣдняго, руководствуясь реальными соображеніями, горячо ухватились за эту мысль. Послѣ непродолжительнаго обмѣна мнѣніями, Духонинъ согласился съ этимъ планомъ, сулившимъ самыя заманчивыя перспективы. По-

мимо политическихъ соображеній, до нѣкоторой степени и личныя чувства влекли его, какъ кіевлянина, въ днѣпровскую столицу, въ которой, кстати, проживала и его семья.

Событія, между тѣмъ, развивались съ головокружительной быстротой. Времени терять было нельзя и, съ разрѣшенія Духонина, исправлявшій должность начальника штаба, полковникъ Кусонскій, уже отдалъ необходимое распоряженіе о немедленной погрузкѣ эшелона.

Но на слѣдующій день, обстановка измѣнилась уже настолько, что выѣхать въ стоявшемъ подъ парами эшелонѣ было нельзя. Все находилось подъ контролемъ. Незримыя сѣти плелись кругомъ и самъ Духонинъ, фактически, былъ уже плѣнникомъ какихъ-то неизвѣстныхъ лицъ.

Настойчивые уговоры подчиненныхъ, убѣждавшихъ его, во имя спасенія родины и продолженія борьбы, уѣхать изъ Могилева какимъ бы то ни было путемъ, склоняютъ Духонина окончательно рѣшиться на этотъ шагъ. Медлить нельзя ни минуты...

Сорокасильный Бенцъ, съ потушенными огнями, уже готовъ къ отбытію. Три вооруженныхъ офицера, съ необходимыми вещами, деньгами, документами, уже сидятъ въ автомобилѣ, въ нервномъ ожиданіи, прислушиваясь къ малѣйшимъ звукамъ, доносящимся изъ скрытаго во мракѣ переулка.

Закутанная въ плащъ, подходитъ чья-то фигура.

Это — Духонинъ.

Короткая рѣчь, прощальное пожатіе руки и автомобиль скрывается во тьмѣ.

Духонинъ остается...

Разстрѣлянный большевиками чиновникъ Нейманъ, въ своемъ посмертномъ дневникѣ сообщаетъ.

Рано утромъ, двадцатаго ноября, къ могилевскому вокзалу подходитъ петроградскій поѣздъ, и прапорщикъ Крыленко, съ эскортомъ изъ трехсотъ матросовъ крейсера «Аврора», вступаетъ въ Могилевъ.

Черезъ часъ, онъ въ кабинетѣ верховнаго главнокомандующаго.

Прапорщикъ Крыленко, по революціонной кличкѣ—«Товарищъ Абрамъ», приземистый, коротконогій, сутулый, съ небритой рыжею щетиною на щекахъ, въ защитной курткѣ, съ небрежно надѣтымъ и неуклюже висящимъ боевымъ снаряженіемъ, ведетъ полушопотомъ бесѣду и отвозитъ Духонина въ свой вагонъ.

Въ двѣнадцать часовъ дня, верховный главнокомандующій и Крыленко сидятъ въ салонъ-вагонѣ и пьютъ кофе.

Перронъ наполненъ разношерстною публикой, толпою праздныхъ солдатъ, вихрастыми матросами съ «Авроры», хмѣльными, возбужденными.

Въ салонъ-вагонъ входятъ три матроса. У одного изъ нихъ плакатъ изъ синей оберточной бумаги, на которой выведено мѣломъ:

„Смерть врагу народа Духонину!"
Военно-революціонный судъ отряда моряковъ.

Крыленко вскакиваетъ съ мѣста:

— Товарищи!.. Оставьте!.. Генералъ Духонинъ не уйдетъ отъ справедливаго народнаго суда!

Одинъ изъ матросовъ неувѣренно подходитъ къ Духонину, трогаетъ за плечо и глухо бросаетъ:

— Пойдемъ!

Крыленко садится, склоняетъ голову на столъ, закрываетъ лицо руками.

На площадкѣ вагона происходитъ борьба.

Сильный физически человѣкъ, Духонинъ держится за поручни и не уступаетъ натиску трехъ палачей. Выстрѣлъ изъ нагана въ затылокъ сваливаетъ его съ ногъ.

Изувѣченное тѣло терзается толпой...

Жутко, мрачно, тоскливо въ красной столицѣ...

Все попряталось, все забилось по щелямъ, притихло и сникло — и не узнать блистательнаго града Санктъ Петербурга, съ шумными перспективами, съ залитыми огнями стеклами магазиновъ, ювелирныхъ дѣлъ мастеровъ, гастрономическихъ лавокъ, пассажей, ресторана-

новъ, отелей, съ зимней музыкой на каткахъ, съ румяными дѣвичьими щечками, съ монументальными «фараонами», въ башлыкахъ и въ наушникахъ, грѣющихся у дымныхъ костровъ, съ дворцовыми гренадерами въ мохнатыхъ шапкахъ, стоящими у чугунныхъ статуй, съ воронымъ рысакомъ въ щегольской одиночкѣ —пади, пади!, и золотой каской конногвардейца, утонувшей въ бобровомъ воротникѣ...

Только сѣрый камень дворцовъ да запорошенные первымъ снѣгомъ бульвары да могучая, пережившая на своемъ вѣку всякіе виды Нева, остались тѣ же, безъ измѣненія, что и годъ, десять, сто лѣтъ назадъ...

Падаетъ, кружится снѣгъ...

Бѣлыя хлопья замели улицы, сугробами выросли на обезлюженныхъ площадяхъ, навалили горы за городскими заставами... Не дымятъ и молчатъ фабричныя трубы... Остановилась столичная жизнь и мететъ бѣлый саванъ, погребая городъ, словно покойника:

— Быть Петербургу пусту!

Только рявкаютъ грузовыя машины, съ красными флагами, съ бандами вооруженныхъ людей... Боязливо жмутся прохожіе... Виснетъ тусклый желтый декабрь...

А вечеромъ, когда на Невскомъ проспектѣ зажигаются фонари, на углахъ виднѣются широкія, крѣпкія фигуры, съ оскаленными зу-

бами, блудливо шелеститъ шелкъ и слышенъ наглый хохотъ...

Порхаетъ, сыплетъ, кружится снѣгъ...

„Трахъ-тахъ-тахъ! и только эхо
Откликается въ домахъ,
Только вьюга долгимъ смѣхомъ
Заливается въ снѣгахъ...“

8

СОВѢТСКІЙ РАЙ

Неотвратимое произошло.

Двуглавый орелъ смѣнился пятиконечной звѣздой, а вмѣсто желтаго императорскаго штандарта заколыхались красные флаги.

Восемь мѣсяцевъ власти Временнаго Правительства оказались легкомысленнымъ карнаваломъ, съ блестящимъ фейерверкомъ рѣчей, съ цвѣтами маниловскаго прекраснодушія, съ огнями жалкихъ революціонныхъ утопій, съ серпантиномъ несбывшихся ожиданій.

Но облетѣли цвѣты...

Догорѣли огни...

Наступили скверные будни...

Крушеніе Временнаго Правительства не вызывало во мнѣ ни малѣйшаго сожалѣнія. Его попытки остановить анархію потоками безплодныхъ словоизверженій внушали отвращеніе. Его заслуги, вольныя и невольныя, въ дѣлѣ разрушенія арміи, предательство по отношенію къ Корнилову — вызывали презрѣніе и ненависть.

Наконецъ, фигуры — маленькаго присяжнаго повѣреннаго Керенскаго, этой неудавшейся смѣси россійскаго Мирабо съ Хлестаковымъ, вождей революціонной и соціалистической демократіи — «селянскаго министра» Чернова, кавказскихъ демагоговъ — Чхеидзе и Церетели, истеричныхъ, экзальтированныхъ, одурманенныхъ дѣвицъ — Марусей Спиридоновыхъ, блаженныхъ «бабушекъ революціи» Катеринъ Брешко-Брешковскихъ — прекраснодушныхъ русскихъ барынь-идеалистокъ, пытавшихся насадить на землѣ райскую жизнь, которая тотчасъ превращается въ адское пекло, безпочвенныхъ соціалистическихъ сектантовъ, политическихъ авантюристовъ съ фальшивымъ ореоломъ мучениковъ, пострадавшихъ отъ «гоненій царизма», интернаціональной мрази и доморощенныхъ пророковъ-марксистовъ и прочаго, еще болѣе мелкаго, жалкаго «гоцлибердановскаго» стада — символизировали такое политическое фиглярство, фанфаронство и ханжество, такое скудоуміе государственной мысли, партійную догму, безсиліе, ничтожество, преступное непротивленіе злу, запечатлѣнное однимъ мѣткимъ словомъ «керенщина», что даже приходъ къ власти новаго, на этотъ разъ, циммервальдскаго штурмана, съ его острожною кликой, не вызывалъ особой обиды:

— Чѣмъ хуже — тѣмъ лучше!

Таковъ былъ девизъ извѣстной части русскаго общества, въ особенности военныхъ круговъ, окончательно разочарованныхъ дву-

личной, лицемѣрной, совершенно импотентной дѣятельностью Временнаго Правительства. Мнѣ хорошо извѣстно, что необходимость смѣны политическихъ декорацій считалась многими даже желательной, какъ ускореніе процесса той болѣзни, послѣ которой наступитъ выздоровленіе страны отъ охватившаго ее тлетворнаго соціалистическаго недуга...

Въ началѣ декабря я очутился въ глухомъ захолустьи, затерянномъ среди лѣсовъ, болотъ, непроѣзжихъ далей Псковщины.

Хотѣлось отдохнуть, забыть политику, не видѣть грустную картину разложенія, не слышать бредъ разнузданной толпы... Подальше отъ людей, ничтожныхъ, злобныхъ, зараженныхъ ядомъ городовъ!.. Поближе къ деревенскому приволью, къ матери-природѣ!..

Однако, и въ деревнѣ стало неспокойно.

Крестьяне глухо волновались, косились на помѣщичьи усадьбы, произвели разгромъ зажиточныхъ имѣній, рубили лѣсъ, дѣлили скотъ, передрались между собой.

У власти стала голытьба и уголовный сбродъ...

Лечась отъ моральныхъ и физическихъ ранъ и тяжелыхъ переживаній, я провелъ скучную, печальную зиму. Ни общества, ни писемъ, ни газетъ, за исключеніемъ циничной «Правды», «Сѣверной Коммуны» и прочихъ бездарныхъ и кощунственныхъ листковъ.

Унылая, тревожная, томительная жизнь, среди сгущенной атмосферы всякихъ слуховъ, въ районѣ тамъ и сямъ шныряющихъ разбойныхъ бандъ... Война проиграна позорно и нелѣпо!.. Всѣ жертвы и трехлѣтній трудъ обречены на смарку!.. Ни признака просвѣта, а впереди — недоѣданье, голодъ, медленная смерть!..

Разгонъ Учредительнаго Собранія, произведенный при трагикомичной обстановкѣ матросомъ Желѣзнякомъ, угасилъ послѣднія надежды.

Убійство Духонина, звѣрская расправа съ Кокошкинымъ и Шингаревымъ, позорная [illegible]медія въ Брестъ-Литовскѣ, самоубійство бывшаго сослуживца, благороднѣйшаго Владимира Евстафьевича Скалона, одного изъ подневольныхъ участниковъ «похабнаго мира», возмутительный разстрѣлъ капитана перваго ранга Щастнаго, убійство, гдѣ-то на перегонѣ, около станціи Дно, бывшаго начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, генерала Янушкевича, трагическій выстрѣлъ донского атамана, генерала отъ кавалеріи Каледина, безсудныя расправы и казни, во флотѣ и въ арміи, въ тылу и на фронтѣ — наполняли сознаніе безъисходной скорбью и горечью...

— Свобода, сколько преступленій совершается твоимъ именемъ! — воскликнула когда-

то свободолюбивая госпожа Манонъ де Ролланъ, подставляя свою красивую головку подъ ножъ гильотины...

Въ серединѣ февраля, черезъ округу, въ дикомъ отступленьи, прокатился фронтъ, оставивъ на пути, совмѣстно съ цѣлыми полками дезертировъ, безчисленное множество оружія, повозокъ, лошадей, запасовъ и военныхъ матеріаловъ. За пять рублей крестьяне покупали коня съ сѣдломъ и сбруей. За три цѣлковыхъ любители пріобрѣтали пулеметъ. Сдиралась на подметки кожа и резина бросаемыхъ автомобилей. А горы сахара, муки, различныхъ крупъ, обильно поливаемыхъ дождями, валялись по мокрымъ, распустившимся дорогамъ.

Нѣмецкіе войска остановились въ сорока верстахъ, занявъ оккупаціонную зону.

Какъ тяжело, мучительно на сердцѣ!..

Съ тупымъ отчаяньемъ проводишь день за днемъ!..

Жизнь потеряла красоту и цѣнность!..

Пришла весна и принесла надежду. Зеленою бахромкой убрались березки. Снѣгъ таялъ на поляхъ. А на зарѣ тянули вальдшнепы и бормотали со всѣхъ сторонъ тетерева...

Когда лужскій военный комиссаръ объявилъ волость въ осадномъ положеніи и, подъ угрозою революціонныхъ каръ, приказалъ вѣр-

ноподаннымъ, въ двадцать четыре часа, сдать для учета огнестрѣльное оружіе, пришлось, скрѣпя сердце, снять съ гвоздя свой безкурковый зауэръ № 125025 и пойти въ совдепъ.

Былъ десятый часъ утра.

Совдепъ, помѣщавшійся въ двухъэтажномъ зданіи бывшей волостной школы, еще не приступалъ къ работѣ и, какъ подобаетъ всякому высокому, уважающему себя учрежденію, спалъ.

Напротивъ совдепа — москательная лавка и заѣзжій дворъ Василія Загуменнаго. Разстроенный хозяинъ то выглянетъ на улицу, то забѣжитъ во дворъ. Пестрый пѣтухъ копается въ навозѣ, выклевывая овсяныя зерна. На луговинѣ пасется гнѣдая кобыла, съ запавшими боками.

— Бѣда баринъ! — говоритъ Василій и ведетъ въ хату. — Бѣда!.. Пропадать!.. Опять энта гвардія прикатила!..

Черезъ окно, выходящее во дворъ, видна группа спѣшивающихся всадниковъ, въ защитныхъ солдатскихъ рубахахъ, со шпорами, при шашкахъ и винтовкахъ. Все рослый, бравый народъ, съ драгунской выправкою. Все будто по старому — и форма и сѣдловка. Не хватаетъ только погонъ на плечахъ да вмѣсто царской кокарды темное пятно на околышѣ.

Слышится обычная ругань, матерщина, прибаутки, смѣхъ. Лошадей завели подъ навѣсъ, отпустили подпруги, вынули желѣзо.

Стукъ въ дверь прекращаетъ дальнѣйшія наблюденія.

Въ хату ввалился коренастый дѣтина, съ буйною копной на головѣ, съ запахомъ виннаго перегара, въ поношенномъ френчѣ, при золотой шашкѣ, маузерѣ, съ букетомъ разноцвѣтныхъ ленточекъ на широкой груди:

— Балаховичъ!

Это было въ іюнѣ восемнадцатаго года и громкое имя мнѣ тогда ничего не сказало.

Однако, за кружкой чая разговорились. И поняли другъ друга съ полуслова. Шутка сказать — лейбъ-курляндскій уланъ и царской службы штабсъ-ротмистръ, а сейчасъ, мать ихъ въ прорву—товарищъ!..

Вскорѣ нашли общихъ знакомыхъ — начальника дивизіи, князя Юрія Гордаго, начальника штаба — Гатовскаго, разжалованнаго царемъ изъ полковниковъ въ рядовые за оскорбленіе дѣйствіемъ бригаднаго командира, князя Арсенія Карагеоргіевича.

Ясно—не самозванецъ!

Послѣ курляндскихъ уланъ, не поладивъ съ начальствомъ, мой собесѣдникъ перекинулся на сѣверный фронтъ, къ Радко Дмитріеву, подъ самую Ригу. Служилъ въ партизанскомъ отрядѣ капитана Пунина, подвизаясь въ тирульскомъ болотѣ. Потомъ, въ революціонномъ порядкѣ, вмѣсто Берлина, перекатилъ черезъ Псковъ и осѣлъ съ молодцами на самой демаркаціонной линіи, наблюдая за нѣмцами.

А сейчасъ—командиръ партизанскаго отряда «Имени товарища Троцкаго» и присланъ

въ волость для укрощенія бунтующихъ мужиковъ. Товарищъ Балаховичъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ, оправдывается и поноситъ совѣтскую власть:

— Черти полосатые!.. Посадили на собачій паекъ!.. Развѣдка — это только такъ, для блезиру!.. Усмиряй мужичье, не то на Волгу пошлемъ противъ чеховъ!.. Или на Донъ, противъ деникинскихъ бѣлогвардейцевъ!.. Какъ вамъ это пондравится?

Онъ совѣтуется со мной относительно предстоящаго похода, чтобы «мужичье ненарокомъ не взяло его въ переплетъ»... Вѣдь онъ же, ей Богу, единомышленникъ, бѣлогвардеецъ, контръ!..

Бывшій штабсъ-ротмистръ внимательно разглядываетъ зауэръ, вскидываетъ въ плечо, прицѣливается и ведетъ по воображаемой птицѣ:

— Важная флинта!.. Двойной чокъ!.. Три кольца да еще съ «геркулесомъ!..» Небось цѣлковыхъ двѣсти заплачено?

Штабсъ-ротмистръ обѣщаетъ содѣйствіе:

— Военкомъ Матюкевичъ — стервецъ, но человѣкъ интеллигентный и въ водкѣ толкъ понимаетъ!.. Не безпокойтесь!.. Въ два счета устрою!.. Какъ честный русскій офицеръ!

Черезъ недѣлю, получивъ росписку совдепа, но не получивъ обратно ружья, поѣхалъ въ Лугу, къ самому военкому.

Долго шатался по пыльнымъ улицамъ и проплеваннымъ комнатамъ и коридорамъ, встрѣчая на себѣ не слишкомъ сочувственные взгляды, пока рябой писаренокъ уѣзднаго подрайкома не объяснилъ дорогу:

— На петроградской сашe!.. А номера, стало быть, нѣту!.. Спросите, товарищъ, тамъ и укажутъ!

Пройдя версты полторы, по необъяснимой догадкѣ, остановился у нарядного одноэтажнаго домика. Подошелъ къ дверямъ, позвонилъ на удачу. Изъ окошка выглянула незнакомая личность, съ очками на носу, и пытливо уставилась, видимо что-то соображая:

— Вамъ кого?

— Военкома Матюкевича!

Личность нырнула обратно. Черезъ четверть часа дверь открылась. Въ передней стоялъ пулеметъ. Пахло сапожнымъ товаромъ. Личность, окинувъ поверхъ очковъ, еще разъ внимательнымъ взоромъ, повела за собой.

Пройдя рядъ нежилыхъ комнатъ, вошли въ кабинетъ. Бокомъ къ окну стоялъ письменный столъ моренаго дуба, съ двумя канделябрами, съ ворохомъ казенныхъ бумагъ, съ обоймой, съ разсыпанными револьверными гильзами, съ стаканомъ недопитаго чая. По одной стѣнѣ стояла кушетка съ подушкой и постельнымъ бѣльемъ, по другой — карточный столикъ съ остатками пищи.

Личность усѣлась за столъ, поправила на носу золотые очки и спросила:

— Что вамъ угодно, товарищъ?.. Я военкомъ Матюкевичъ!..

Думаю, что на моемъ лицѣ отразилось извѣстное изумленіе, ибо комиссаръ улыбнулся не безъ самодовольства, вытянулъ кожаный портсигаръ и, доставъ папиросу, предложилъ въ свою очередь мнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли я предполагать въ этомъ маленькомъ чернявомъ сморчкѣ, съ золотыми очками на лиловомъ носу, грознаго лужскаго военкома, подавлявшаго волость громовыми декретами?

Былъ онъ въ темномъ матерчатомъ френчѣ и въ крагахъ на короткихъ ногахъ. За поясным ремешкомъ поблескивалъ второпяхъ засунутый браунингъ. Видъ, въ общемъ, воинственный.

Изложилъ свою просьбу:

— Инвалидъ имперіалистической бойни!.. Проливаю не рабоче-крестьянскую, а тетеревиную кровь!.. Охота—единственная поддержка семьи!.. Прошу оказать революціонную справедливость!

Военкомъ передернулся:

— Какъ, вы не получили обратно охотничьяго ружья?.. Странно, весьма даже странно!.. Это Балаховичъ сперъ вашу флинту!.. Поѣзжайте отъ моего имени!.. Онъ стоитъ съ партизанскимъ отрядомъ въ усадьбѣ Думстрея!.. Я ему покажу!.. Этакая каналья!..

Военкомъ искренно волновался.

Онъ долго меня утѣшалъ. Потомъ, разговорился, вспоминалъ эмигрантскую жизнь при царскомъ режимѣ, въ Лозаннѣ, въ Женевѣ, въ Парижѣ... Вспоминалъ Монмартръ и Латинскій кварталъ... Ругалъ Троцкаго, съ благоговѣніемъ отзывался о Ленинѣ и былъ полонъ величайшаго энтузіазма...

Черезъ часъ кричалъ на меня:

— Вы саботажникъ! — визгливо кричалъ военкомъ, размахивая руками, поминутно вскакивая съ своего кресла и, какъ мячикъ, катаясь по комнатѣ. — Мало того, что мужиковъ подымаете, но еще изволите насмѣхаться!

Затѣмъ, успокоился:

— Монъ женераль, не будемъ ссориться!.. Я уважаю ваши воззрѣнія!.. Но позвольте замѣтить, что съ точки зрѣнія революціонной цѣлесообразности, это, экскюзе, совершеннѣйшее дерьмо!.. Вы должны послужить революціи!.. Вы—спецъ, человѣкъ интеллигентный, съ высшимъ образованіемъ!.. Не то что мы, хамы невѣжественные!.. Я дѣлаю васъ военрукомъ!.. Я пишу вамъ мандатъ!.. Монъ женераль, оставайтесь ужинать!.. Будетъ водченка!

И военкомъ выразительно щелкнулъ себя по бумажному воротничку...

Я съ трудомъ отвертѣлся и отъ ужина и отъ мандата. И провелъ вечеръ въ партизанскомъ отрядѣ «Имени товарища Троцкаго», въ бывшей усадьбѣ Думстрея.

Станиславъ Никодимовичъ Балаховичъ былъ сильно «на взводѣ», ругался послѣдними словами, билъ себя въ грудь и, какъ «честный русскій офицеръ», обѣщалъ повѣсить военкома на первой осинѣ.

За ужиномъ онъ нѣсколько отошелъ и вмѣстѣ съ своими помощниками, казачьимъ сотникомъ Перемыкинымъ, поручикомъ Звягинцевымъ и павлоградскимъ гусаромъ, корнетомъ Стуканцевымъ, жаловался на создавшееся положеніе.

Что дѣлать?.. Какъ быть?

Того и гляди, нѣмцы ударятъ отъ Пскова, а тутъ—усмиряй мужичье или сражайся съ Деникинымъ!.. Троцкій—шефъ, а въ карманахъ у молодцовъ и господъ офицеровъ до сихъ поръ царскіе вензеля лежатъ!.. А главное малѣйшая пустяковина — «к стенке!»...

Было смѣшно, было грустно.

Прозвучала заря. Эскадронъ построился къ перекличкѣ.

— На молитву, шапки долой!

Спѣли хоромъ молитву.

Поздно вечеромъ я уѣхалъ...

Только черезъ годъ мнѣ стало извѣстно что товарищъ Булакъ-Балаховичъ, со всѣмъ своимъ партизанскимъ отрядомъ «Имени товарища Троцкаго», перемахнулъ черезъ проволочныя рогатки и очутился во Псковѣ, сначала у нѣмцевъ, потомъ у эстонцевъ, потомъ у Юденича, совершая «геройскіе» подвиги.

Потомъ, произвелъ себя въ генералы и нанялся на службу полякамъ.

Сейчасъ, этотъ непревзойденный ландскнехтъ, по слухамъ, собирается идти на Москву.

Пожелайте ему всякой удачи.

Но держитесь отъ него на пушечный выстрѣлъ...

Въ серединѣ іюня, рядъ причинъ, заставилъ меня выѣхать на нѣсколько дней въ Петроградъ.

Эта поѣздка не входила въ мои расчеты, но до извѣстной степени удовлетворяла желаніе познакомиться съ той обстановкой, которую создала въ городѣ совѣтская власть.

Движеніе на желѣзныхъ дорогахъ было еще сравнительно сноснымъ. Существовало прежнее подраздѣленіе вагоновъ на классы. Мѣшочничество только еще развивалось и голодные горожане не затопили жаднымъ потокомъ окрестностей, въ погонѣ за лишнимъ фунтомъ муки или печенаго хлѣба...

Въ Лугѣ, въ мое купэ вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ военномъ френчѣ, въ фуражкѣ, въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ. Почтительно козырнувъ, сѣлъ противъ меня, вынулъ серебряный портсигаръ, попросилъ разрѣшенія закурить.

Вскорѣ мы разговорились.

Онъ оказался, какъ можно было предполагать, бывшимъ военнымъ, штабсъ-капита-

номъ одного изъ стрѣлковыхъ полковъ. Въ галицiйскихъ бояхъ былъ жестоко израненъ, съ раздробленiемъ черепной кости, очутился въ австрiйскомъ лазаретѣ, а по выздоровленiи, въ концентрацiонномъ лагерѣ для военноплѣнныхъ, близъ Линца.

Условiя пребыванiя въ лагерѣ, по его словамъ, были ужасны—голодъ, болѣзни, невыразимыя нравственныя страданiя. Четверо офицеровъ покончили съ собой, двое сошли съ ума. Мой собесѣдникъ просидѣлъ въ плѣну четырнадцать мѣсяцевъ, и въ январѣ восемнадцатаго года очутился въ Петроградѣ.

Онъ служитъ у большевиковъ.

Заинтересованный его разсказомъ, въ правдивости котораго не сомнѣваюсь, я воскрешаю этотъ разсказъ въ моей памяти...

— Я прибылъ въ Петроградъ! — говоритъ штабсъ-капитанъ. — Родныхъ и знакомыхъ не оказалось!.. Всѣ справки не привели ни къ чему!.. Къ физической работѣ я непригоденъ, а деньги на исходѣ!

Бывшiй штабсъ-капитанъ, на мгновенье, умолкъ, задумался, усмѣхнулся и продолжалъ свою повѣсть:

— Да, было тяжело!.. Пришлось, въ концѣ концовъ, войти въ сдѣлку съ совѣстью!.. По образованiю—я юристъ!.. Сейчасъ работаю въ юридической секцiи у товарища Урицкаго и имѣю ежедневный докладъ!

— Мнѣ удалось близко познакомиться съ этимъ новымъ для меня мiромъ, порой въ до-

статочно интимной обстановкѣ, и я попытаюсь передать вамъ мои наблюденія...

— Вотъ восемь-девять главныхъ фигуръ, на которыхъ, пожалуй, держится все — полубезумный, больной маніакъ Ленинъ-Ульяновъ, кровавый паяцъ Троцкій-Бронштейнъ, наглый, хищный, корыстолюбивый прелюбодѣй Зиновьевъ-Апфельбаумъ-Радомысльскій, трусливый оппортунистъ Каменевъ-Розенфельдъ, Свердловъ-Коганъ, Урицкій, Позернъ, садистъ Бокій, кавказскій бандитъ - экспропріаторъ Джугашвили-Сталинъ... Существуютъ еще сотни всякихъ псевдонимовъ и людей съ настоящей фамиліей, которыхъ никто раньше не зналъ, кромѣ департамента полиціи, о которыхъ никто ничего не слыхалъ, которые занимаютъ сейчасъ большіе посты...

— Но главное—въ этой девяткѣ... Все это люди огромной нервной энергіи и темперамента... Трудоспособность ихъ изумительна... Урицкій и Позернъ, которыхъ я знаю лучше другихъ, заняты круглые сутки... Доклады и совѣщанія, пріемы, участіе въ митингахъ, на парадахъ, безчисленныя рѣчи и выступленія — какъ могутъ нервы выдержать подобное напряженіе, мнѣ непонятно... Впрочемъ они уже утомлены, издерганы, а замѣнить ихъ нельзя!

Послѣ короткой паузы, въ чрезвычайно образной формѣ, собесѣдникъ передалъ мнѣ подробную характеристику большевицкихъ

вождей, очень тонкую и остроумную характеристику, свидѣтельствующую, съ одной стороны, о наблюдательности моего спутника, съ другой, о томъ довѣріи, которое онъ мнѣ оказалъ. Впрочемъ, нужно сказать, что въ купе сидѣло насъ только двое и бесѣда велась осторожно, едва-ли не шопотомъ.

Интереснѣе всего заключительныя слова.

— Я остаюсь при одномъ убѣжденіи! — сказалъ штабсъ-капитанъ.—Это люди незаурядные и многіе даже талантливые, таланты коихъ, къ прискорбію, направлены по неосуществимому, утопическому пути... Они уже разочарованы и, кажется, сознаютъ крушеніе своихъ идеаловъ!.

— Въ самомъ дѣлѣ, наблюдавшіе жизнь изъ подполья, на протяженіи многихъ лѣтъ оторванные отъ Россіи, они столкнулись съ неожиданною дѣйствительностью... Съ такой темнотой, невѣжествомъ, дикостью, съ такими необузданными инстинктами и требованіями массъ, что, весьма вѣроятно, предпочли бы отложить свои соціалистическіе опыты до болѣе благопріятнаго времени и даже, можетъ быть, сохранивъ награбленныя сокровища, повернуть колесо исторіи вспять...

— Но это невозможно, это теперь не въ ихъ власти и силѣ, и опытъ долженъ быть продѣланъ до конца!.. Они обречены на гибель, и единственное спасеніе ищутъ въ соціальной катастрофѣ въ міровомъ масштабѣ!..

— А въ общемъ! — такъ съ иронической улыбкой закончилъ штабсъ-капитанъ свою бе-

сѣду.—Это или великіе пророки или великіе преступники!.. Все будетъ зависѣть отъ окончательныхъ результатовъ!

Поѣздъ подходилъ къ станціи.

Сверкало іюльское солнце... На перронѣ шатались красноармейцы, суетились крестьяне и бабы, прогуливались молодые люди и дѣвушки въ лѣтнихъ одеждахъ... Изъ за станціонной ограды смѣялись гирлянды бѣлой сирени...

Я провелъ въ городѣ нѣсколько сутокъ, проживая на прежней квартирѣ, которую оберегалъ отъ всякихъ случайностей мой вѣрный слуга.

Онъ не носилъ больше гвардейскихъ погонъ и царской кокарды, взамѣнъ которой красовалась небольшая красная звѣздочка. А вмѣсто своихъ несложныхъ обязанностей вѣстового, вкушалъ корень премудрости и потѣлъ надъ «Балистикой». Ибо числился артиллерійскимъ курсантомъ, въ бывшемъ константиновскомъ училищѣ. Это давало ему одежду, сто рублей денегъ и полтора фунта чернаго хлѣба.

Гдѣ ты теперь, мой старый оруженосецъ и другъ, сохранившій вѣрность и преданность до конца, противопоставившій всѣмъ искушеніямъ здоровую мужицкую сметку и честность истиннаго солдата?..

Знаю, что недолго продолжалась твоя наука, что не удалось тебѣ отстоять порученное добро и, что въ одинъ, далеко не прекрасный

день, былъ ты, въ общемъ порядкѣ, не взирая на сопротивленіе, направленъ на чешскій фронтъ, препоясанный золотой шашкой твоего бывшаго барина.

Знаю, что судьба сохранила тебя отъ чешской пули и русскаго сыпняка, что судьба возвратила тебя вспять къ покинутымъ берегамъ и что вмѣсто юнкерской «учобы» занялся ты старымъ столярнымъ рукомесломъ.

Наконецъ, знаю, что сохранилъ ты обо мнѣ добрую память, и объятъ тревогою за меня, и болѣешь сердцемъ, прослышавъ про мою долю въ иноземномъ краю, и ожидаешь моего возвращенія...

Былъ еще одинъ преданный человѣкъ, старый швейцаръ Карлъ Ивановичъ, который, на свой страхъ, не заносилъ меня ни въ домовую книгу, не сообщалъ въ мѣстный райкомъ. Такимъ образомъ, пребываніе мое въ городѣ протекало въ условіяхъ конспиративныхъ, гарантирующихъ относительную свободу.

И я воспользовался этой свободой и тотчасъ предпринялъ нѣкоторые шаги...

Прежде всего я посѣтилъ моего стараго начальника.

Князь Юрій Ивановичъ Трубецкой, не взирая на начавшійся вслѣдъ за убійствомъ Володарскаго терроръ, продолжалъ, вмѣстѣ съ больною княгиней и двумя барышнями—дочерьми, проживать на своей петроградской квартирѣ,

по Почтамтской улицѣ, въ домѣ № 4. Какъ многіе простодушные русскіе люди, онъ еще не утратилъ надежды на то, что разумъ народа одержитъ верхъ, что пляска безумія прекратится и что паденіе кощунственной власти произойдетъ въ близкомъ будущемъ.

Увы, это были неосуществившіяся надежды!..

Вмѣсто обычной черкески, князь былъ въ сѣромъ статскомъ костюмѣ. Но такъ же тщательно была подстрижена маленькая бородка и такъ же топорщились кверху сѣдѣющіе усы.

Князь былъ растроганъ, облобызался, пригласилъ къ столу, извиняясь за скромный обѣдъ. Хлѣба не было и вмѣсто него подавались къ бульону ломтики швейцарскаго сыра. Князь и, въ особенности, княгиня, обѣ барышни и женихъ одной изъ княженъ, молодой графъ Бобринскій, находились въ грустномъ, подавленномъ настроеніи. Сумбурные большевицкіе дни не располагали къ веселью. Но чувствовалось, что произошло нѣчто особенное, пошатнувшее равновѣсіе всегда спокойнаго, всегда выдержаннаго и владѣвшаго собой князя.

Послѣ обѣда, князь отвелъ меня въ кабинетъ:

— Его Величество вчера убитъ вмѣстѣ съ семьей!.. Я получилъ свѣдѣнія изъ германскаго консульства!

И «опальный» князь отвернулся, чтобы скрыть слезы...

На другой день, по приказу Урицкаго, князь былъ арестованъ. Черезъ двѣ недѣли, внеся крупный денежный выкупъ, былъ выпущенъ на свободу и тотчасъ выѣхалъ на Украину...

Въ особнякѣ, по Греческому проспекту, меня встрѣтила молодая, разстроенная женщина съ заплаканными глазами. Это была супруга бывшаго командира гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, генерала Арсеньева.

Генералъ былъ арестованъ и уже нѣсколько дней находился въ заключеніи, въ Крестахъ.

Былъ арестованъ хорошо извѣстный мнѣ редакторъ «Огонька» — Бонди, къ которому я было направился на Офицерскую улицу. Случайность спасла меня отъ западни, въ которую я бы несомнѣнно попался, какъ попались другіе.

Съ тяжелымъ чувствомъ узналъ я о разстрѣлѣ моихъ достойныхъ начальниковъ — генерала Бориса Петровича Ванновскаго и Княжевича, моихъ офицеровъ-драгунъ—адъютанта Павлика Свистунова и ротмистра Алябьева, и многихъ другихъ, знакомыхъ, близкихъ, друзей...

Я велъ себя крайне неосторожно.

Само собой разумѣется, это была не бравада, а легкомысліе, излишнее любопытство, недооцѣнка той обстановки, въ которой находился каждый интеллигентъ, особенно офи-

церъ, въ отношеніи которыхъ совѣтская власть примѣняла рядъ жестокихъ репрессій...

Вспоминается одинъ эпизодъ.

На Забалканскомъ проспектѣ находилось совѣтское учрежденіе, вѣдавшее выдачей разрѣшеній на полученіе вкладовъ. Въ сберегательной кассѣ лежало у меня тридцать тысячъ рублей. Осенью мнѣ удалось дважды выудить по пять тысячъ, а въ настоящій пріѣздъ я явился за остальными.

Въ комнатѣ № 13 стучали машинки, сидѣли барышни и черноволосые молодые люди. За отдѣльнымъ столомъ, въ гимнастеркѣ, сидѣлъ комиссаръ – товарищъ Большаковъ, тупой, невѣжественный, но достаточно добродушный солдатъ. На этотъ разъ, онъ встрѣтилъ меня недружелюбно и отказалъ наотрѣзъ:

— Не могу, товарищъ!.. При всей солидарности, не могу!

И товарищъ Большаковъ недовѣрчивымъ взглядомъ косился на мой френчъ со слѣдами погонъ на плечахъ, на синія военныя брюки, на форменную фуражку:

— Богъ же васъ знаетъ, можетъ на контръ-революціонныя цѣли, а я отвѣчай!.. Читали послѣдній декретъ товарища Ленина?

Арсеналъ моихъ доводовъ не могъ его убѣдить. Всѣ разсужденія были безплодными. Товарищъ Большаковъ оставался несокрушимъ, какъ гранитная глыба, пока не пошелъ, впрочемъ, на нѣкоторую уступку:

— Вотъ ежели разрѣшитъ товарищъ Урицкій?.. Принесите свидѣтельство о благонадежности?

Человѣкъ осторожный и предусмотрительный едва ли послѣдовалъ этому дружескому совѣту. Благоразуміе удерживало и меня, тѣмъ болѣе, что нелегальное проживаніе въ городѣ, само по себѣ, представляло извѣстный рискъ. Но я нуждался въ деньгахъ и не могъ примириться съ потерею двадцати тысячъ рублей. И въ концѣ концовъ, я направился по указанному адресу, въ цѣляхъ, правда, лишь предварительной развѣдки.

Въ главномъ чекистскомъ застѣнкѣ, на Гороховой улицѣ, толпилось не мало народу. У дверей стояла вооруженная стража. Взадъ и впередъ бѣгали люди. Однихъ уводили, другихъ приводили. Я сѣлъ на подоконникъ и закурилъ папиросу.

Рядомъ, на табуретѣ, сидѣлъ человѣкъ. Бросалось въ глаза его худое страдальческое лицо съ острой бородкой. Затасканная куртка военнаго образца топорщилась на длинной фигурѣ. Голубые глаза глядѣли куда-то въ пространство безучастно и равнодушно. Его видъ возбуждалъ состраданіе и симпатію.

Дверь въ кабинетъ отворилась:

— Товарищъ Дзержинскій!

Сосѣдъ приподнялся и тяжелой походкой направился къ двери. Въ ту же минуту ко мнѣ подошелъ человѣкъ въ кожаной курткѣ:

— Вамъ что угодно, товарищъ?.. Товарищъ Урицкій занятъ!.. Уходите, немедленно уходите, иначе я васъ арестую!

Я соскочилъ съ подоконника и не заставилъ себя упрашивать...

Большевицкій терроръ еще не носилъ массоваго характера, хотя безсудныя казни, разстрѣлы, убійства были заурядным явленіемъ. Очень тяжело было это сознаніе абсолютной безпомощности, беззащитности, обреченности, въ случаѣ какого нибудь доноса или предательства. Вся обстановка наполняла душу невыразимымъ гнетомъ.

Это нельзя передать.

Это нужно было испытать самому, чтобы до конца дней проникнуться лютою ненавистью къ той окаянной власти, которая прикрывшись красивыми лозунгами, несла порабощенной странѣ ужасъ, хаосъ, разрушеніе, смерть.

Ея звѣрвая кровожадность, невѣжество, лживость, безпринципность и невѣроятный цинизмъ, въ соединеніи съ бездушной, безцвѣтной, безжизненной идеологіей какого-то коллективнаго охолощеннаго маніака, не имѣетъ, кажется, прецедентовъ въ исторіи...

Чтобы отвлечь себя отъ дневныхъ впечатлѣній, я бродилъ по вечерѣющимъ улицамъ, по бульварамъ и скверамъ, заплеваннымъ подсолнечной шелухой, съ грустью глядѣлъ на заколоченный Гостиный Дворъ, на старыя вы-

вѣски пустыхъ магазиновъ, сравнивая яркое прошлое съ гнусной дѣйствительностью...

Мимоходомъ зашелъ въ циркъ Чинизелли.

Программа была обычная—дресированныя лошади и собаки, гимнасты, музыкальные эксцентрики, клоуны, эквилибристы, даже чемпіонатъ международной борьбы, съ рѣшительной схваткой Георга Луриха и доктора Шварцера, извѣстнаго подъ именемъ Черной Маски.

За то совсѣмъ необычно было другое.

За десять рублей я сидѣлъ на балконѣ, наблюдая не столько цирковую программу, сколько толпу. Въ глаза кидались демократическія косоворотки, картузы, кепки, высокіе сапоги. Все это, развалившись, занимало кресла партера, въ которыхъ еще такъ недавно сидѣлъ на цирковыхъ премьерахъ цвѣтъ невской столицы—дамы высшаго общества, нарядныя демимонденки, офицеры гвардейскихъ полковъ, лицеисты, правовѣды, пажи.

Да не будутъ истолкованы мои слова, какъ жалобы рафинированнаго эстета, не выносящаго зрѣлища народной толпы. Но дѣло именно въ томъ, что это не былъ народъ, въ истинномъ значеніи слова. Въ огромномъ большинствѣ, это былъ полупьяный, праздный, темный столичный сбродъ, отбившаяся отъ своего прямого дѣла солдатчина, торжествующій хамъ, взбунтовавшійся рабъ, не сознающій жестокихъ послѣдствій своей «побѣды»...

Въ одной изъ ложъ бенуара, окруженная кавалерами въ матросскихъ курткахъ, съ спол-

зающими на лобъ вихрами, съ букетами въ рукахъ, съ циничными, наглыми, вызывающими улыбками, сидѣла жена хорошо извѣстнаго мнѣ гвардейскаго офицера, молодая красавица баронесса И.

Я не хочу бросать въ нее камень.

Но въ антрактахъ, не столько отъ возмущенія, о, нѣтъ, не отъ возмущенія, а просто изъ чувства нѣкоторой предосторожности, я избѣгалъ съ ней встрѣчаться.

Подавленный и разстроенный, въ ту же ночь и покидалъ Петроградъ, чтобы черезъ нѣсколько дней разстаться съ нимъ, можетъ быть, навсегда...

9

ИСХОДЪ ИЗЪ РАЯ

Девять мѣсяцевъ хмураго, мрачнаго, полуголоднаго существованія въ россійской соціалистической федеративной совѣтской республикѣ, въ утопическомъ царствѣ, въ фантастическомъ государствѣ, прикрывшемся какой-то абстрактной химической формулой РСФСР, взамѣнъ великаго имени — Россіи, способны отравить жизнь даже философу.

Когда же комиссаръ беретъ васъ опредѣленно на прицѣлъ и, предъявивъ обвиненіе въ организаціи крестьянскихъ выступленій, предлагаетъ одновременно должность «военрука», остается единственный выходъ:

Безъ долгихъ думъ и колебаній бѣжать изъ обѣтованнаго рая...

Такъ поступилъ и я, смѣнивъ свидѣтельство совдепа на паспортъ украинскаго гражданина и заручившись рядомъ цѣнныхъ наставленій. И въ тотъ же день, благословляемый доброжелательной фортуной, съ имуществомъ, вмѣщавшемся въ карманы темносиней пиджач-

ной тройки и маленькій походный чемоданъ, въ фуражкѣ желѣзнодорожнаго агента, съ спасительной эмблемой на челѣ, уже катилъ на югъ...

Отъѣздъ мой былъ внезапнымъ и поспѣшнымъ.

Еще вчера я продолжалъ влачить существованіе въ глухой усадьбѣ, безъ цѣли и безъ всякихъ плановъ, въ томительной, непередаваемой тоскѣ, съ единственной, весьма слабой надеждой, на измѣненіе политическихъ условій.

Среди всеобщаго разгрома, усадьба наша, какъ утлый островокъ въ волнахъ бушующаго океана, какимъ-то чудомъ еще сохранилась. Я это объясняю добрымъ отношеніемъ крестьянъ, сравнительной зажиточностью ихъ, а главное тѣмъ обстоятельствомъ, что нашъ хозяйскій инвентарь не представлялъ особаго соблазна. Хорошъ былъ только домъ да пятьдесятъ головъ высококачественнаго скота.

Хозяйство не лежало на моихъ плечахъ. Я исполнялъ домашнія работы, пилилъ дрова, чинилъ заборы, расчищалъ дорожки, а на досугѣ промышлялъ за зайцами и птицей, пока мое охотничье ружье не перешло, увы, въ чужую собственность.

Мое единственное развлеченіе, охота — прекратилась. Моя домашняя библіотека прочитана до послѣдняго тома. Мои ближайшіе сосѣди — давно покинули насиженныя гнѣзда

и разлетѣлись по неизвѣстнымъ направленіямъ.

И я одинъ, какъ бѣлая ворона, приковывающая вниманіе мѣстнаго совдепа и волостныхъ властей.

О, смутный, темный рокъ!..

Какими-то окольными путями — потайными записками, передаваемыми на ухо слухами, обрывками антибольшевицкихъ листковъ, доходятъ свѣдѣнія о борьбѣ на югѣ, о добровольческомъ движеніи, о возстаніи казаковъ на Дону, о гетманскомъ переворотѣ на Украинѣ.

Эти слухи терзаютъ сознаніе и съ каждымъ днемъ, все сильнѣй, все настойчивѣй, толкаютъ въ сторону активныхъ рѣшеній. Необходимо принять участіе въ этой борьбѣ, несущей Россіи освобожденіе отъ ненавистнаго ига. Нельзя уклониться отъ великой задачи, призывающей къ исполненію долга передъ родной страной.

Все маленькое, личное не должно-ли быть принесено въ жертву во имя національной идеи и борьбы съ преступною властью, продолжающей окровавленными руками сѣять смуту, разрушеніе, смерть?

Я утомленъ физически и морально. Но это не оправданіе. Всѣ чувства и помыслы мои прикованы къ югу, къ тѣмъ героическимъ людямъ, которые не склонили своей головы пе-

редъ шайкой интернаціональнаго сброда, а слабые количествомъ, но сильные духомъ бросили вызовъ Москвѣ.

И всетаки я колеблюсь...

Однако, когда уѣздный комиссаръ потребовалъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о привлеченіи меня на службу въ красную армію, я понялъ, что на этотъ разъ, мое пассивное сопротивленіе не будетъ имѣть шансовъ на успѣхъ.

Я очутился въ невыносимомъ положеніи.

Рѣшимость смѣнялась припадками малодушія. Желаніе отдать себя теченію событій замѣнялась вспышками упорства. Упадокъ воли сопровождался тотчасъ притокомъ какихъ-то свѣжихъ, властныхъ силъ.

— Что дѣлать?

Къ этой борьбѣ противоположныхъ чувствъ и настроеній примкнула одна маленькая женская сила, поколебавшая, однако, сразу равновѣсіе вѣсовъ. Одна изъ чашъ метнулась высоко на воздухъ, другая тотчасъ опустилась книзу.

— Уѣзжай!

— А ты?

— Я остаюсь!.. Ты знаешь, я не могу уѣхать!.. Милый, мы скоро встрѣтимся!

Я заглянулъ въ глаза. Въ нихъ была твердость и увѣренность. Въ нихъ была нѣжность, ласка, любовь. Я прочиталъ въ нихъ еще многое изъ того, что до сихъ поръ стоитъ передо мной, какъ яркій и неугасимый свѣточъ, на моемъ одинокомъ скитальческомъ пути.

— Мы скоро встрѣтимся!

Ахъ, Лялька, предчувствіе твое не оправдалось!.. Единственный, можетъ быть, разъ ты обманулась въ своихъ ожиданіяхъ!.. Порой мнѣ кажется, что ты сознательно ввела меня въ это трагическое заблужденіе, чтобы вдохнуть недостававшую мнѣ бодрость, чтобы отбросить раздиравшія меня колебанія...

— Прости, мой свѣтлый ангелъ!

И вотъ, я снова въ Петроградѣ—бѣглецъ, навастривающій лыжи, изыскивающій всѣ возможности, чтобы преодолѣть препятствія къ простору, къ истинной свободѣ, къ живительному солнцу юга, къ будущей борьбѣ съ преступнымъ интернаціоналомъ, вонзившимъ свои когти въ сердце измученной страны...

Сначала — Лиговка съ семиэтажной каменной громадой, фабрикой небезызвѣстнаго Санъ-Галли, одинъ изъ служащихъ котораго, инженеръ Веселовскій, исполняетъ обязанности консула «Державы Украинской»...

— Товарищъ, а гдѣ здѣсь пріймается заява?

— Нехай тобі бісъ!.. Здѣсь товарищівъ нэма!—спокойно отвѣчаетъ сторожъ, ражій дѣтина съ опущенными книзу хохлацкими усами, способный, кажется, однимъ дыханіемъ свалить слона.

Раздается одобрительный хохотъ.

Сконфуженный товарищъ ретируется...

Вокругъ меня толпится публика, по преимуществу интеллигентнаго обличья. Слышна малорусская рѣчь, смѣхъ, шутки, задушевная бесѣда людей, связанныхъ общностью интересовъ, чувствомъ принадлежности къ чему-то милому, родному, напоминающему золотое дѣтство.

Видна предупредительность, участіе и ласка, желаніе оказать услугу и съ нарочитой рѣзкостью отмежеваться отъ ненавистныхъ методовъ Сѣверной Коммуны...

За пять рублей, свидѣтельство уѣзднаго совдепа, на сѣромъ лоскутѣ бумаги, съ серпомъ и съ молотомъ, съ безграмотными подписями властей, смѣняется «посвидченнемъ» украинскаго гражданина.

Консулъ Веселовскій, сравнительно молодой, такъ называемой, пріятной наружности человѣкъ, дѣлится получасовою бесѣдой:

— Какъ гражданинъ Державы Украинской, съ сего числа вы находитесь подъ покровительствомъ ея законовъ!.. Переговоры нашего Шелухина съ Раковскимъ протекаютъ въ вполнѣ благопріятной атмосферѣ!.. Ареста можете не опасаться, сохрани Боже!.. Насчетъ револьвера, какъ вамъ сказать?.. Совѣтую не брать, чтобы не вышло случайныхъ непріятностей со стороны германскихъ оккупаціонныхъ властей!.. Для облегченія переѣзда черезъ Оршу, я дамъ цидулку для врученія моему агенту!

— Итакъ, всего найкращаго, пане отамане!—любезно заключаетъ консулъ свою рѣчь и дружески, отъ искренняго сердца, пожимаетъ руку новому гражданину Украинской Державы...

Дальнѣйшій путь лежитъ по Невскому проспекту.

Кассиръ въ окошечкѣ, на городской желѣзнодорожной станціи, меланхолически пожалъ плечами, блеснулъ зелеными стеклышками пенснэ и говоритъ:

— Билеты проданы!.. Всѣ до единаго на три мѣсяца впередъ!.. Удовлетворить ваше желаніе, гражданинъ, къ прискорбію нельзя!

Но я не отхожу отъ кассы и снова повторяю:

— Благоволите дать билетъ!.. Я долженъ выѣхать сегодня!..

Кассиръ пытливо смотритъ на меня, потомъ оглядывается и тихо произноситъ:

— Въ такомъ случаѣ, я попросилъ бы васъ зайти примѣрно черезъ часъ!.. Есть гражданинъ, который, можетъ быть, сегодня не уѣдетъ!.. Я предоставлю вамъ его билетъ!

Я поклонился и ушелъ...

Былъ ясный день... Сверкало солнце... Звучали городскіе шумы...

Въ голубоватой дымкѣ, блестѣла Адмиралтейская Игла. Здѣсь, въ этой части Невскаго проспекта, не наблюдалось оживленія. Молчали заколоченные магазины, бродили одинокіе прохожіе, а на углахъ стояли изможден-

ныя старухи, быть можетъ, дамы общества, предлагавшія какія-то издѣлія изъ патоки, муки и меда. Я обратилъ вниманіе на худощавую фигуру старика, въ шинели изъ военнаго сукна, продававшаго газеты.

Зато налѣво, по мѣрѣ приближенія къ николаевскому вокзалу, особенно на площади, среди которой стоитъ гранитный четыреугольный цоколь съ чугуннымъ всадникомъ на грузномъ, мощномъ, неподвижномъ, разставившемъ тяжелыя конечности конѣ - чудесномъ воплощеніи ушедшей въ тьму вѣковъ, великой императорской Россіи—здѣсь, въ этомъ прилегающемъ къ воровской Лиговкѣ районѣ, кишѣли толпы торгующаго и шатающагося люда.

Торговля производится съ лотковъ — мукою, черствымъ ситникомъ, ржанымъ хлѣбомъ, баранками, мелкою мануфактурой, предметами домашняго хозяйства, казенными солдатскими вещами. Все скудно, грязно и убого. Все сѣро, неприглядно, какъ неприглядень видъ торгующихъ и спорящихъ людей, площадныя ругательства, тяжелый вымученный хохотъ, тупая злоба, равнодушіе и смертная тоска, сковавшая человѣческія лица...

Судьба благопріятствуетъ.

Я снова подхожу къ окошечку кассира, который меня сразу узнаетъ и, съ многозначительной улыбкой, произноситъ:

— Какое удивительное счастье, гражданинъ!.. Это все равно, что выиграть двѣсти ты-

сячъ на коночный билетъ!.. Чрезвычайно радъ оказать вамъ любезность!..

Мы начинаемъ, кажется, другъ друга понимать.

Моя желѣзнодорожная фуражка, повидимому, не уберегаетъ меня отъ проницательности этого достойнаго человѣка, какъ въ свою очередь, кассиръ становится, въ моихъ глазахъ, однимъ изъ тѣхъ клевретовъ красной власти, который съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ея пышныхъ похоронъ.

Сборы мои непродолжительны и несложны.

Я провожу послѣдніе часы въ своей небольшой квартирѣ, въ которой каждая вещь, каждая мелочь связаны тѣсно съ воспоминаніями.

Подобно пчелѣ, собирающей медъ, съ дѣтскихъ лѣтъ имѣя пристрастіе къ книжнымъ сокровищамъ, настойчиво и терпѣливо, я копилъ книгу за книгой — поэзію, прозу, классиковъ и военныхъ писателей, знаменитыхъ изслѣдователей, романтиковъ и мастеровъ легкой оригинальной литературы. Въ концѣ концовъ, образовалась солидная библіотека, изъ нѣсколькихъ сотенъ тщательно переплетенныхъ, въ строгомъ порядкѣ разставленныхъ, томиковъ.

Особый шкафъ занимала дѣтская литература, пріобрѣтенная мною на остатки отъ ла-

комствъ, еще въ юные годы, любовно перечитанная по нѣсколько разъ до послѣдней строчки, со слѣдами карандашныхъ помѣтокъ, выведенныхъ дѣтской рукой. Тутъ же рядомъ помѣщалась библіотека покойнаго отца, съ цѣлымъ рядомъ старинныхъ изданій, съ его рукописными дневниками и тетрадкой стиховъ.

Старая бронза, ковры, вся обстановка, начиная отъ письменнаго стола и глубокихъ, обитыхъ кожею, креселъ, кончая стариннымъ оружіемъ, охотничьими трофеями, кирасирской каской и латами, располагала къ уюту, созерцательному покою и настроенію.

А со стѣнъ глядѣли безчисленныя картины, гравюры и фотографическія группы, въ особенности послѣднія, являвшіяся нагляднымъ отраженіемъ всей моей жизни.

Здѣсь были снимки дѣтскихъ и юнкерскихъ лѣтъ, полковые смотры и парады въ высочайшемъ присутствіи, маневры, парфорсныя охоты и скачки, группы изъ академической жизни, наконецъ, цѣлый рядъ боевыхъ сценъ, за время командованія мною драгунскимъ полкомъ.

Были фамильныя акварели и нѣсколько портретовъ высочайшихъ особъ, украшенныхъ личнымъ автографомъ и золотыми коронками. А центральное мѣсто занимала большая гравюра въ тяжелой орѣховой рамѣ, изображавшая «Атаку подъ Россбахомъ».

Вся обстановка, всѣ эти вещи и мелочи, собраны мною на протяженіи многихъ лѣтъ,

въ соотвѣтствіи съ моимъ вкусомъ, въ зависимости отъ матеріальныхъ достатковъ. Я привыкъ къ нимъ, какъ къ живымъ существамъ, которыя меня окружаютъ на протяженіи моей жизни, которыя вызываютъ въ моей душѣ трогательныя воспоминанія.

О, не есть-ли ошибка, эта привязанность?.. Не лучше ли, безъ всякаго сожалѣнія, съ корнемъ вырвать изъ сердца всякую нѣжность, всякую ласку и любовныя чувства ко всему въ мірѣ, нетолько къ не одушевленнымъ предметамъ, но и, въ особенности, къ живымъ существамъ?..

Время, однако, не ждетъ.

Башенные часы въ столовой, съ неумолимою точностью, отбиваютъ положенное число ударовъ. Въ послѣдній разъ присаживаюсь на минуту за письменный столъ и окидываю взоромъ стѣны своего кабинета.

Сердце сжимается отъ горечи и тайныхъ предчувствій.

— Прощайте, друзья, свидѣтели моей счастливой жизни и думъ!

Вѣрный слуга подаетъ плащъ и я цѣлую его на прощанье.

Швейцаръ Карлъ Ивановичъ, съ чемоданомъ въ рукѣ, сопровождаетъ меня на вокзалъ...

Я ѣхалъ съ истиннымъ комфортомъ.

Въ моемъ распоряженіи былъ корридоръ международнаго вагона, а чемоданъ служилъ прекраснымъ изголовьемъ. А главное, я сознавалъ, что съ поступательнымъ движеніемъ экспресса, я вырываюсь изъ тюрьмы на волю, на радостный, ликующій просторъ.

— Прощай, мой Петроградъ!.. До лучшихъ дней!.. Быть можетъ, навсегда!.. Прощай, совдепъ! — не безъ злорадства думалъ я, разглядывая бѣдныя поля, луга, лѣса, убогія чухонскія деревни.

Однако, къ утру настроеніе внезапно измѣнилось.

Пронесся слухъ, что въ Витебскѣ насъ ожидаетъ провѣрка документовъ и вещей. Пришлось принять предупредительныя мѣры, пожертвовать кой-чѣмъ изъ рыцарскихъ доспѣховъ и фунта на четыре облегчить свой чемоданъ. Но маленькій Смитъ-Вессонъ, мой неразлучный спутникъ на протяженіи военной службы, лежитъ по прежнему въ карманѣ...

Подъѣхавъ къ Витебску, мы тотчасъ же подверглись испытанію.

Международный нашъ вагонъ привлекъ особое вниманіе. И цѣлый взводъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ солдатъ, растрепанныхъ, лохматыхъ, прокисшихъ табакомъ и незнакомыхъ вовсе съ бритвою и мыломъ, подъ предводительствомъ чумазаго ефрейтора, поставивъ караулъ у выхода и входа, сталъ обходить купэ и требовать бумаги.

Попутно раскрывались вещи и хищные глаза скользили и вонзались внутрь. Не обошлось, само собой разумѣется, безъ грубыхъ сценъ, ругательствъ, грабежа, покорныхъ просьбъ и истерическаго плача. Мужчины сосредоточенно копались въ кошелькахъ.

Арестовали двухъ студентовъ, пробиравшихся къ Деникину на Донъ. Ссадили толстаго, больного астмой фабриканта. Затѣмъ — свистокъ и поѣздъ трогается дальше.

Мнѣ было крайне жаль арестованныхъ молодыхъ людей, съ такимъ довѣріемъ дѣлившихся со мною своими планами, съ такой горячностью мечтавшихъ присоединиться къ тѣмъ, кто несъ освобожденіе Россіи. Я былъ безсиленъ имъ помочь и на прощанье могъ только шепнуть нѣсколько словъ ободренія.

На полъ-дорогѣ—снова остановка, въ чистомъ полѣ.

Испуганная публика бросается къ окошкамъ. Стоимъ четверть часа. Проводникъ загадочно молчитъ.

Черезъ окно мы наблюдаемъ группу лицъ, въ фуражкахъ на бекрень, съ винтовками въ рукахъ, въ рубахахъ, кое-кто въ шинели, глядятъ недружелюбно, мрачно, изподлобья.

Въ служебное купэ, ободряя себя отборной руганью, влѣзаетъ неувѣренно солдатъ. Минуту шепчется съ проводникомъ. Мужчины снова вынимаютъ кошельки. Свистокъ — и поѣздъ двигается дальше...

Но вотъ и Орша...

Кругомъ чудовищная грязь, досчатые бараки безъ конца и бывшій лагерь для военноплѣнныхъ, обнесенный проволочнымъ загражденіемъ. И тысячи людей, съ семействами, съ домашнимъ скарбомъ—поляковъ, латышей, литовцевъ, собравшихся со всѣхъ концовъ республики совѣтовъ, томящихся, страдающихъ и тщетно ожидающихъ, по мѣсяцамъ, пропуска на родину.

Я тотчасъ предпринимаю необходимые шаги.

Ищу по всѣмъ угламъ «Украинское Бюро». Случайно узнаю, что положеніе серьезно измѣнилось. Прибывшій въ Кіевъ изъ Москвы, эсеръ Донсковъ, убилъ нѣмецкаго фельдмаршала, графа Эйхгорна, и Троцкій, по требованію нѣмцевъ, приказалъ закрыть границу.

Я подхожу къ рогаткѣ, вступаю въ разговоръ съ нѣмецкимъ лейтенантомъ, прошу поддержки и содѣйствія. Но лейтенантъ, при всемъ желаніи, лишенъ возможности помочь. На пропускѣ необходима совѣтская виза. Безъ этой визы, германское командованіе не пропускаетъ.

Тогда я захожу въ совдепъ, въ оршанскій совдепъ, за которымъ, какъ утверждаютъ знающіе люди, установилась вполнѣ порядочная репутація. Но черезъ пять минутъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, я принужденъ стремительно покинуть это учрежденіе и, не взирая на законный украинскій паспортъ, держаться

отъ совдепа, по нѣкоторымъ соображеніямъ, на значительной дистанціи.

Что дѣлать?.. Какъ перемахнуть черезъ рогатки?

И я болтаюсь по загаженнымъ панелямъ, выспрашиваю, наконецъ, кого нибудь изъ юркихъ представителей транспортной конторы Шмулевичъ и Ко, устраивающей, за плату отъ трехсотъ до тысячи рублей, нелегальный переходъ черезъ совѣтскую границу...

Счастливый случай оказываетъ незамѣнимую услугу.

Обдумывая планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, иду и балансирую по бревенчатымъ мосткамъ. На поворотѣ сталкиваюсь съ товарищемъ въ папахѣ, въ шинели безъ погонъ, съ объемистымъ портфелемъ подъ рукой. Летимъ одновременно въ грязь. Съ взаимнымъ извиненіемъ, приподымаемся, знакомимся — и тутъ я слышу невѣроятныя слова:

— Поручикъ Пожаръ!

Агентъ украинскаго консула на пропускномъ посту!..

Я стискиваю его буквально въ объятіяхъ и возношу одновременно горячую молитву моему Патрону. Потомъ, вручаю именной пакетъ, а черезъ пять минутъ, уже записанъ отъ руки въ общій бланкъ, снабженный подписями и большевицкою печатью, подъ дополнительнымъ № 88...

Черезъ часъ, сижу на дрожкахъ, у таможенной рогатки.

Послѣднее препятствіе – осмотръ вещей.

Я долго ожидаю, пока въ баракѣ происходитъ эта операція, пока совѣтскіе чиновники, красноармейцы и чекистскіе агенты, удовлетворенные щедрою наживой, не покидаютъ, одинъ за другимъ, зданіе таможни. Тогда я захожу въ полупустой баракъ, оглядываюсь, кидаю керенку солдату и вырываю чемоданъ.

Извощикъ мчитъ меня галопомъ по шоссе.

Я на свободѣ!..

Кругомъ нѣмецкіе жандармы, стальные шлемы, безкозырки, нѣмецкое походное сукно. Спокойный, методичный, тяжеловѣсный разговоръ. Нѣмецкій комендантъ выстраиваетъ и осматриваетъ пассажировъ. Подъ наблюденіемъ серьезныхъ шуцмановъ, въ порядкѣ, чинно, послѣ десятикратнаго штемпелеванія билетовъ, садимся въ скотный вагонъ и прибываемъ въ Гомель...

Въ Гомелѣ сажусь на пароходъ «Петръ Великій» и медленно спускаюсь по Днѣпру...

Я радуюсь, какъ маленькій ребенокъ... Гляжу на небо, воду, серебристый берегъ... И, тихо и беззвучно, смѣюсь, смѣюсь, смѣюсь...

„Ты помнишь мачты сонныя, какъ въ пристаняхъ Лорэна,
Взносились изъ туманности рѣчной голубизны,
Къ эфирной осіянности, гдѣ лунная Сирена
Качала сребролонные, нѣмѣющіе сны?
Мы знали-ль, что намъ чистый серпъ въ прозрачности Лорэна,
Гадали-ль, что намъ ясная пророчила звѣзда —
До утра сладострастная насъ нѣжила Сирена,
Заутра ждалъ глухой ущербъ и плѣнная страда..."

10

КІЕВСКІЯ ОЛЕОГРАФІИ

Пышный, яркій, привольный, раскинувшійся подъ золотымъ солнцемъ юга, на крутомъ берегу величаваго днѣпровскаго лона, зеленѣющій кудрявыми шапками садовъ и скверовъ, сверкающій куполами древнихъ храмовъ, соборовъ, монастырей, столичный градъ Державы Украинской, единый притягательный центръ всей русской, еще недорѣзанной буржуазіи, устремившейся съ береговъ Москвырѣки и съ торцовыхъ проспектовъ голоднаго Петрограда, подъ надежную сѣнь нѣмецкихъ штыковъ...

Залитый щедрыми украинскими лучами Крещатикъ... Сытая, шумная, радостная толпа... Женскій смѣхъ, раскатистый хохотъ, гулъ восторженныхъ восклицаній...

Звонки трамвая, ревъ автомобилей, команда, крики, колокольный звонъ... Проходитъ гетманскій конвой, бѣгутъ разносчики газетъ, кричатъ торговки, мелькаютъ пышногрудыя кіевлянки... Повсюду горы хлѣба, арбу-

зовъ, фруктовъ, булокъ... Кругомъ неугомонное движенье, переливы красокъ, блескъ, водоворотъ картинъ, калейдоскопъ широкой, привольной, сытой жизни...

Я отдыхаю душою и тѣломъ.

Утромъ пью чай, съ настоящимъ сахаромъ, съ бѣлымъ, сладкимъ кіевскимъ хлѣбомъ, брожу по оживленнымъ бульварамъ, забираюсь въ Купеческій садъ, усаживаюсь надъ крутымъ обрывомъ Днѣпра, наблюдаю толпу и, вмѣстѣ съ нею, радуюсь улыбкамъ и смѣху.

Когда же переношусь, на мгновенье, въ мертвый городъ на берегахъ Невы, ощущаю непередаваемый ужасъ и пытаюсь скорѣй отогнать могильный призракъ...

Мимо меня, съ серьезнымъ достоинствомъ, проходитъ типичный буржуй, широкозадый, плотный, съ короткими, унизанными золотомъ перстами, съ массивною цѣпочкою на животѣ. Рядомъ съ нимъ плыветъ дородная супруга, въ синемъ шелкѣ, съ брильянтовыми грушами въ ушахъ.

Опираясь на трость и волоча ногу, съ боевымъ крестомъ въ петлицѣ походной куртки, проходитъ капитанъ армейской пѣхоты. Со смѣхомъ бѣдутъ юныя дѣвушки въ бѣлыхъ кружевныхъ платьяхъ, преслѣдуемыя такими же молодыми людьми.

Вотъ группа украинскихъ «старшинъ» — хорунжихъ, значкòвыхъ, сотниковъ, съ золочеными гетманскими кокардами на смушко-

выхъ шапкахъ, въ широкихъ національныхъ свиткахъ и шароварахъ съ яркимъ лампасомъ, съ кривымъ казацкимъ клычомъ на боку.

А вотъ, въ подобной же формѣ, проходитъ рядъ знакомыхъ лицъ... Ба, ба, ба, ну, конечно, я узнаю ихъ сразу, не взирая на украинскій маскарадъ...

— Ваше превосходительство! Владиславъ Владиславовичъ!.. Сколько лѣтъ, сколько зимъ?

Это генеральный хорунжій Дашкевичъ-Горбацкій, элегантный, вылощенный «моментъ», бывшій штабъ-офицеръ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа и лекторъ пажескаго Его Величества корпуса, а сейчасъ состоящій при особѣ ясновельможнаго пана гетмана, въ качествѣ свитскаго генерала... По этому случаю, у Владислава Владиславовича на груди золотой аксельбантъ и малиновые лампасы на шароварахъ, а для солидности отпущена небольшая, совершенно свитская бородка.

— Мòе поважѐнье!.. Дуже пріемно! — говоритъ снисходительнымъ тономъ Владиславъ Владиславовичъ и, въ соотвѣтствіи съ занимаемымъ положеніемъ, милостиво протягиваетъ два пальца. — Дуже пріемно! — повторяетъ генеральный хорунжій, но, запутавшись на послѣдующей фразѣ, великодушно переходитъ на русскій языкъ.

А вотъ, въ формѣ гетманскаго конвоя, перетянувъ талію до невозможности и широко распустивъ юбку короткой свитки, съ неизмѣн-

ной самодовольной улыбкой, проходитъ другой украинецъ — полковникъ Ванька Дедюлинъ, племянникъ покойнаго дворцоваго коменданта.

Ихъ много этихъ украинцевъ и, какъ нарочно, съ самыми самостiйными украинскими фамилiями — генеральный значковый фонъ Акерманъ, фонъ Дельвигъ, Гернгроссъ, Петерсъ, фонъ Брендель и прочiе.

Наблюдаю нѣсколькихъ офицеровъ бывшаго гвардейскаго кавалерiйскаго корпуса, въ цвѣтныхъ фуражкахъ кавалергардовъ, лейбъ-гусаръ, кирасиръ. Одни въ старой военной формѣ, большинство въ статскомъ. Въ высокой енотовой папахѣ проходитъ сухая, длинная, какъ верстовой столбъ, фигура генерала отъ кавалерiи графа Келлера. Наконецъ, встрѣчаюсь съ моимъ милымъ начальникомъ, княземъ Юрiемъ Ивоновичемъ Трубецкимъ...

Бряцая саблями, съ сигарами въ зубахъ, проходятъ два нѣмецкихъ лейтенанта. Сухiя крѣпкiя лица съ подстриженными усами, тонкiя фигуры въ расцвѣченныхъ оранжевыми кантами уланскихъ «фельдграу», въ походныхъ фуражкахъ, по русской манерѣ надѣтыхъ нѣсколько на-бекрень, со смятыми небрежно полями — особый кавалерiйскiй шикъ — въ желтыхъ перчаткахъ, съ привязными шпорами на коричневыхъ кожаныхъ крагахъ.

Нѣмцы подходятъ къ самой балюстрадѣ и, вынувъ бинокль, поочередно, дѣлясь корот-

кими замѣчаніями, смотрятъ на Днѣпръ, на песчаный противоположный берегъ, на дали въ фіолетовыхъ краскахъ заката.

Они стоятъ передо мною, мои побѣдители и враги, залившіе слезами и кровью Россію... И я гляжу и молча созерцаю тѣхъ, съ которыми когда-то, въ дыму и пламени кровавыхъ вакханалій, встрѣчался въ озерныхъ пространствахъ Мазуріи, на равнинахъ тихаго Буга, на поляхъ Тарнополя и въ снѣговыхъ ущельяхъ Карпатъ...

Не чувствую ни гнѣва, ни вражды... Угаръ войны прошелъ, а многое въ нихъ достойно, кромѣ того, примѣра и подражанія... И я утѣшаюсь мыслью, что не въ бранномъ поединкѣ они выбили оружіе изъ нашихъ рукъ, что не ихъ доблесть, а наша русская мягкотѣлость и глупость превратила побѣду въ позорное пораженіе...

Нужно отмѣтить, что поведеніе нѣмецкихъ войскъ въ украинской столицѣ было безукоризненнымъ. Ни тѣни насмѣшки, военной бравады, оскорбительнаго задора. Корректность, выдержка, вѣжливость и спокойствіе. Можно себѣ представить, какъ вело бы себя христолюбивое русское воинство на асфальтовыхъ проспектахъ Берлина?..

Солдаты — верхъ дисциплины, желѣзный слитокъ, монолитъ. Особенно, когда шагая мѣрными шагами по мостовой, мощными колоннами проходитъ батальонъ за батальономъ, въ своихъ тяжелыхъ, грозныхъ, глубоко сидя-

щихъ на головѣ шлемахъ, съ винтовками однообразно вдвинутыми въ плечо...

Обѣдаю въ томъ же саду, на открытой террасѣ, съ очаровательнымъ видомъ на Днѣпръ. Публики все больше и больше. Весь Петроградъ и Москва, весь финансовый, дѣловой, промышленный и общественный, сановный и артистическій міръ перекочевалъ сюда, въ этотъ общероссійскій центръ, въ этотъ обжорный рядъ, на ласковый югъ, подъ защиту Украинской Державы...

Когда же вспыхиваютъ фонари и тихая украинская ночь заключаетъ городъ въ свои нѣжныя и душистыя объятья, когда унизанный золотыми огнями онъ продолжаетъ жить особою, потаенною жизнью, не кажется-ли мнѣ все это какимъ-то страннымъ, когда-то, гдѣ-то видѣннымъ сномъ, обворожительною мечтою, волшебною сказкой?

Въ саду гремитъ оркестръ и въ тепломъ воздухѣ разносится мелодія вѣнскаго вальса... Изъ за вѣтвей сверкаютъ лампіоны, горитъ луна, мильонами очей мерцаютъ звѣзды... Внизу блеститъ и дышетъ спокойный, старый, серебристый Днѣпръ...

На серединѣ Крещатика, въ большомъ сѣромъ домѣ, помѣщается извѣстное кино Шанцера. Здѣсь идутъ лучшіе боевики сезона — «Отецъ Сергій», съ участіемъ Ивана Мозжухина, рядъ вполнѣ доброкачественныхъ сце-

наріевъ нѣмецкаго производства, съ заслуженною королевой экрана—Хенни Портенъ. Само собой разумѣется, кино всегда переполнено, какъ кіевлянами обоего пола, такъ, въ одинаковой степени, и чинами германскаго оккупаціоннаго корпуса.

Рядомъ же, въ сосѣднемъ домѣ, во второмъ этажѣ, помѣщается лотошный клубъ и общество «Кадровыхъ офицеровъ русской арміи».

Въ большомъ залѣ идетъ игра. Публика, склонившись надъ карточками, одни спокойно, другіе съ замѣтнымъ волненіемъ, въ особенности, если образовалась коварная «кварта», прислушиваются къ выкликаемымъ цыфрамъ:

— Пять!.. Двадцать четыре!... Восемьдесятъ одинъ!..

Въ отдѣльныхъ комнатахъ играютъ въ преферансъ или въ винтъ. Здѣсь же, можно поужинать за три-четыре карбованца, или просто закусить у буфета. Молодыя дамы и барышни разносятъ чай, прислуживаютъ, бесѣдуютъ съ друзьями, знакомыми.

Здѣсь можно быть свидѣтелемъ неожиданныхъ встрѣчъ.

Вотъ, напримѣръ, эта брюнетка съ матовымъ цвѣтомъ лица, которая стоитъ за буфетною стойкой, мнѣ кого-то напоминаетъ?.. Я узнаю ее... Это жена адъютанта лейбъ-гусарскаго Павлоградскаго полка, Нелидова, вышедшая впослѣдствіе замужъ за командира того же полка, полковника Абалешева... Того само-

го Абалешева, который былъ когда-то моимъ сослуживцемъ по кирасирской бригадѣ, а потомъ, весьма бойко зашагавъ по іерархическимъ ступенямъ, получилъ званіе свитскаго генерала и, наконецъ, должность начальника второй гвардейской кавалерійской дивизіи, въ «Гвардкавѣ»...

Вмѣстѣ съ нею прислуживаетъ другая женщина, молодая, хрупкая, тоненькая, съ миловидными чертами лица... Я прекрасно знакомъ и съ нею... Это дочь бывшаго командира перваго сибирскаго корпуса, генерала Плѣшкова, сестра моего однополчанина по полку гатчинскихъ кирасиръ, жена павлоградскаго ротмистра Гебеля...

И я выслушиваю трагическую исторію, которую Марья Михайловна мнѣ передаетъ..

Большевицкій переворотъ засталъ обѣихъ подругъ въ Орлѣ. Съ большими затрудненіями, мужьямъ удалось пробраться въ Орелъ, захватить семьи и выѣхать на Украину. На пограничномъ посту, при осмотрѣ генеральскихъ вещей, чекисты обнаружили портретъ государя съ именной надписью и георгіевскій крестъ. Генералъ Абалешевъ и ротмистръ Гебель, тутъ же, безъ всякаго суда, чуть ли не на глазахъ своихъ женъ, были разстрѣляны...

Въ траурный синодикъ я заношу еще рядъ знакомыхъ именъ.

Въ январѣ, во время занятія Кіева красною арміей товарища Муравьева, нѣсколько

сотъ офицеровъ погибло насильственной смертью. Среди нихъ былъ убитъ мой сослуживецъ, генералъ Тихомировъ, лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка полковникъ Чебышовъ и молодой графъ Армфельдтъ, кавалергардъ Скалонъ...

Въ гостинницѣ Гладынюка былъ зарѣзанъ полковникъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка Домонтовичъ, разстрѣлянъ конногренадеръ, флигель-адъютантъ полковникъ Стефановичъ. Нѣсколько позже погибли — лейбъ гвардіи Драгунскаго полка полковникъ баронъ Неттельгорстъ и лейбъ-уланъ Осоргинъ... Въ Новочеркасскѣ разстрѣлянъ мой однокурсникъ по академіи, донской атаманъ Назаровъ...

Въ клубѣ кадровыхъ офицеровъ, кромѣ встрѣчъ съ знакомыми и друзьями, можно получить свѣдѣнія относительно Добровольческой Арміи. Уже, многіе, увы, вырваны изъ ея рядовъ безжалостною рукой. Палъ Корниловъ, погибъ геройскою смертью молодой генералъ Марковъ. Но тѣснѣе сомкнулись добровольческія шеренги. Генералы Деникинъ и Алексѣевъ формируютъ новыя части, вступаютъ въ переговоры съ Дономъ, съ Украиной, придаютъ движенію широкій національный характеръ.

Одновременно, идетъ запись въ другія антибольшевицкія формированія - въ украинскія войска, въ русскій корпусъ, въ Сѣверо-Западную армію, въ особую Южную армію, создаваемую, какъ утверждаютъ, на нѣмецкія средства, при содѣйствіи герцога Лейхтенбергскаго,

подъ командованіемъ генералъ-адъютанта Иванова...

Въ тотъ же день, меня ожидала еще одна оригинальная встрѣча.

Вечеромъ, раздался стукъ въ дверь, въ мой номеръ вошелъ молодой офицеръ и представился:

— Прапорщикъ Корнильевъ!

Я отъ души разсмѣялся, обнялъ его и расцѣловалъ.

Это былъ Колька Корнильевъ, сынъ бобылихи Корнильевой изъ нашей деревни. Когда умерла бобылиха, Лялька, моя нѣжная Лялька, по неизреченной добротѣ своей, взяла сиротъ въ домъ, пригрѣла, воспитала, поставила на ноги. Бойкая, смышленная Тоня стала помощницей по хозяйству и камеристкой. Маленькій Колька одно время былъ пастушенкомъ нашего стада.

Теперь онъ стоитъ передо мной въ офицерской формѣ, съ одной звѣздочкой на погонахъ и даже съ какимъ-то орденомъ на груди. Его простое, широкоскулое лицо улыбается отъ блаженства. Колька горитъ жаждою подвига, ненавидитъ большевиковъ, записался въ какую-то военную организацію и на дняхъ уѣзжаетъ въ Псковъ...

Я сижу на скамейкѣ съ Гри-Гри, тѣмъ самымъ Гри-Гри Давыдовымъ, который будучи командиромъ батареи Его Величества и безъ

пяти минутъ флигель-адъютантомъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ злосчастный день крещенскаго парада съ водосвятіемъ и Іорданью, отсалютовалъ по императору боевою картечью.

Бѣдный Гри-Гри сильно пострадалъ за эту роковую небрежность и, какъ извѣстно, за нимъ навсегда упрочилась кличка «стрѣлка по императорской фамиліи»...

Я вспоминаю съ нимъ этотъ печальный случай, а мимо насъ бѣгутъ мальчишки съ вечерними телеграммами:

— Убійство Николая II!

— Трагедія въ Екатеринбургѣ!

— Смерть царской семьи!..

То что двѣ недѣли тому назадъ передалъ мнѣ князь Юрій Ивановичъ Трубецкой, къ чему я отнесся съ долей извѣстнаго недовѣрія, стало совершившимся фактомъ.

Въ Екатеринбургѣ, въ домѣ инженера Ипатова, содержавшійся въ заключеніи императоръ, со всею семьей и раздѣлившими съ ними ихъ долю, придворнымъ лейбъ-медикомъ Боткинымъ и нѣсколькими вѣрными слугами, камердинерами Харитоновымъ, Труппомъ и камеръ-юнгферой Демидовой, въ ночь съ 3/16 на 4/17 іюля, погибъ трагической смертью.

Я вспоминаю, что это извѣстіе, напечатанное чернымъ по бѣлому на страницѣ экстреннаго листка, не поразило меня и даже не особенно взволновало. Это было въ порядкѣ того дикаго и кроваваго, русскаго бунтарскаго лихо-

лѣтья, которое захлестнуло безуміемъ и горячечнымъ бредомъ измученную страну, бросило брата на брата, раскидало мильоны русскихъ людей во всѣ стороны, въ вихрѣ сатанинскаго пляса.

Можно относиться по разному къ бывшему русскому самодержцу—благоговѣть передъ его именемъ или, наоборотъ, видѣть въ немъ маленькаго, неудачнаго человѣка, развѣявшаго по вѣтру свое могущественное наслѣдіе.

Кто въ состояніи отрѣшиться отъ апофеоза величія, которымъ въ той или другой степени окружена фигура каждаго вѣнценосца, тотъ не пройдетъ равнодушно мимо дѣятельности послѣдняго императора, сознательныхъ и несознательныхъ промаховъ, фатальныхъ ошибокъ, приведшихъ къ роковому концу.

Но кощунственная расправа не можетъ быть оправдана и забыта. Неизгладимый позоръ ложится на русскій народъ, запятнавшій себя неслыханнымъ преступленіемъ, утратившій на этотъ разъ свое обычное великодушіе, всепрощеніе, жалость.

Безъ суда въ полу-темномъ подвалѣ, съ женой, съ больнымъ отрокомъ на рукахъ, съ четырьмя чистыми, прекрасными дѣвушками-царевнами, русскій самодержавный царь принялъ смерть отъ озвѣрѣлыхъ русскихъ людей и прикрывшихся русскими именами окаянныхъ злодѣевъ.

Сколько достоинства и смиренія было проявлено имъ въ заточеніи и не отпускаетъ-ли

его мученическая смерть всѣ прегрѣшенія, вольныя и невольныя, на вѣчныя времена?..

Я задумываюсь надъ судьбой человѣческой и погружаюсь въ глубокое размышленіе. Безконечною вереницей плывутъ картины стараго величаваго прошлаго, осѣняемаго гордымъ двуглавымъ орломъ...

Какъ ярокъ былъ прологъ этой повѣсти и какъ печальна ея заключительная глава!..

11

ПАВЛО СКОРОПАДСКІЙ

Судьба и политическій капризъ, въ годину полнаго развала русскаго государства, выдвинули его на историческую арену.

Потомокъ знатнаго малороссійскаго рода, кавалергардъ, блестящій свитскій генералъ, боевой кавалерійскій начальникъ и, наконецъ — ясновельможный панъ гетманъ Всея Украины!..

Четыре мѣсяца кіевской жизни предоставили мнѣ возможность достаточно близко приглядѣться къ этому лицу, восхваляемому одними, въ качествѣ національнаго героя, травимому другими, какъ русскаго предателя и измѣнника.

Онъ канулъ нынѣ въ историческую вѣчность и это даетъ право быть вполнѣ откровеннымъ...

Огромный полутемный кабинетъ гетманскаго дворца и электрическая лампа на письменномъ столѣ.

Статная фигура съ орлинымъ профилемъ красиваго, тонкаго, породистаго лица, съ бри-

тою головой и небольшими свѣтлыми усами, въ черной черкескѣ, съ бѣлымъ георгіевскимъ крестомъ на лѣвой сторонѣ груди.

Таковъ общій портретъ, невольно импонирующій, невольно вызывающій въ сознаніи какія-то смутныя представленія и образы далекихъ предковъ...

Съ Павломъ Петровичемъ Скоропадскимъ я не встрѣчался уже два года, со времени командованія имъ первой гвардейской кавалерійской дивизіей и армейскимъ корпусомъ.

Онъ поблѣднѣлъ, осунулся, обрюзгъ. Коегдѣ уже видны морщины и серебромъ тронуты виски. Переживанія войны и революціи несомнѣнно оставили слѣдъ. Кромѣ того, не прошла даромъ тяжелая работа въ этомъ котлѣ политическихъ хитросплетеній и интригъ.

Голосъ его звучитъ тихо и неувѣренно. Какъ будто человѣкъ не взвѣсилъ силъ и, очутившись на вершинѣ власти, созналъ свое безсиліе, какъ будто почувствовалъ ложность путей и разгадалъ въ близкихъ пріятеляхъ — коварныхъ враговъ.

И въ откровенной бесѣдѣ звучитъ тоска, горечь, отчаяніе:

— Проклятые нѣмцы!

Въ самомъ дѣлѣ, блестящій командиръ Конной Гвардіи, начальникъ кавалерійской дивизіи, съ успѣхомъ состязавшійся въ открытомъ бою, въ Кіевѣ онъ сидѣлъ плѣнникомъ германскаго кайзера и оказался ничтожной

величиной, какъ государственный дѣятель и политикъ.

Краткая исторія его возвышенія такова.

Сломивъ сопротивленіе русскаго фронта, углубляя большевизмомъ разрушительную дѣятельность въ центрѣ Россіи и подготовляя соціалистическими опытами тучную ниву для будущихъ экономическихъ захватовъ, германская дипломатія и генеральный штабъ учли необходимость созданія на Украинѣ иного метода дѣйствій.

Главнѣйшая задача,проводившаяся ими съ неуклонной и строгою педантичностью на Украинѣ, заключалась во-первыхъ въ томъ, чтобы оторвать цвѣтущій югъ отъ общей матери-Россіи и подчинить его нѣмецкому вліянію, во-вторыхъ, искоренивъ анархію, создать изъ Украины обширную матеріальную базу для продолженія войны.

Отсутствіе сильной, организованной арміи, страхъ передъ большевицкой заразой, уже обдавшей своимъ ядовитымъ дыханіемъ Украину, общая растерянность, а также растущее недовольство помѣщичьихъ, капиталистическихъ и коммерческихъ круговъ соціалистическою программою Рады, создало благопріятную почву для апрѣльскаго переворота.

Идея же гетманства, въ вихрѣ центростремительныхъ явленій, вызванныхъ русскою

революціей, была вполнѣ естественна, какъ слѣдствіе общей болѣзни.

Такимъ образомъ, силою нѣмецкихъ штыковъ, не безъ наличія извѣстной бутафоріи, свиты Его Величества генералъ Скоропадскій сталъ ясновельможнымъ гетманомъ Украины...

Безъ всякого сомнѣнія, онъ могъ отказаться отъ этой высокой чести и отойти въ сторону. Не будемъ разбираться въ побужденіяхъ, толкнувшихъ его на этотъ весьма скользкій путь. Патріотизмъ, долгъ, честолюбіе или тщеславіе — каждое въ отдѣльности и взятое вмѣстѣ, можетъ быть, сыграли здѣсь извѣстную роль.

Едва-ли, однако, этотъ лично вполнѣ порядочный человѣкъ, богатый, независимый, знатный, своимъ рожденіемъ, воспитаніемъ, семейнымъ положеніемъ и продолжительной военною службой принадлежавшій Россіи, могъ оборвать навсегда свои связи съ нею и стать вѣрнымъ нѣмецкимъ вассаломъ.

Мнѣ представляется, что высокій постъ гетмана, генералъ Скоропадскій предполагалъ использовать иначе. Другими словами, временно подчиняясь единственной реальной силѣ нѣмецкихъ штыковъ, онъ стремился сохранить Украину отъ большевицкаго разгрома и, въ соотвѣтствующую минуту, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, вернуть ее законному хозяину — Россіи.

Присматриваясь къ работѣ гетманскаго правительства, наблюдая закулисную жизнь и прислушиваясь къ біенію общественнаго пульса, нельзя было не разглядѣть зловѣщія трещины въ зданіи Украинской Державы.

Искусственно воздвигнутое на почвѣ, хотя бы и черноземной, безъ прочнаго фундамента, не связанное необходимымъ цементомъ, это зданіе ласкало взоры игрою красивыхъ линій, причудливостью орнаментовъ, капителей и прочихъ архитектурныхъ украшеній.

Но прочной постройки не представляло и рухнуло при первомъ порывѣ вѣтра.

Благія начинанія гетмана и правительства натыкались на чье-то упорное сопротивленіе и не получали осуществленія. Созывъ Національнаго Сейма, аграрная реформа, экономическая и внутренняя политика — затягивались, или оставались только въ проэктѣ, или велись неопытными руками, раздражая населеніе и національно настроенные общественные круги.

Созданіе украинской арміи, препятствуемое нѣмецкимъ командованіемъ, свелось лишь къ утвержденію обширныхъ штатовъ, организаціи огромнаго количества учрежденій стараго бюрократическаго типа, устройству самыхъ незначительныхъ кадровъ и разработкѣ формы одежды.

Народное образованіе, хозяйство, торговля, финансы, юстиція, министерство сообщеній или «державныхъ залізніцъ», министерство «мистецтвъ» или изящныхъ искусствъ, копи-

руясь по прежнимъ, достаточно изжитымъ шаблонамъ, вертѣлись въ заколдованномъ кругу. Недоставало лицъ, способныхъ возвыситься до требованій момента и отъ теорій перейти къ продиктованной обстановкою практикѣ, недоставало кругозора, воли, размаха, добросовѣстныхъ и достойныхъ сотрудниковъ.

А между тѣмъ, министерства переполнялись людьми. Всѣ, съ величайшею легкостью, устраивались на различныя должности, съ улыбкой изучали «мову», что-то болтали, что-то строчили и отдавали свою стряпню «урядовцамъ», для перевода на офиціальный языкъ.

Подобнаго тунеядства и легкомыслія, такой служебной вакханаліи и синекуръ, не наблюдалось нигдѣ, развѣ лишь въ сосѣднемъ РСФСР...

Есть рядъ основаній быть снисходительнымъ къ гетману и его правительству, стремившимся всетаки, добросовѣстно, заложить устои какой-то государственности, создать правовой порядокъ, организовать армію, провести неотложную аграрную реформу, наладить экономическую жизнь.

Но отсутствіе здоровой національной идеи и непримиримая борьба партій, бдительный контроль оккупаціонныхъ нѣмецкихъ властей, общественная расхлябанность, продажность, оппортунизмъ и, наконецъ, можетъ быть, самое главное — предчувствовавшаяся безцѣльность всей этой украинской мелодрамы, созданной

по нѣмецкой указкѣ, привели къ тому, что работа власти представляла, въ общемъ, драматическую феерію, съ пышными декораціями и яркими бенгальскими огнями, оставившими, по окончаніи спектакля, лишь драный холстъ и чадъ.

Столица же напоминала огромный заѣзжій дворъ, куда стеклось, со всѣхъ концовъ Россіи, запуганное и безвольное человѣческое стадо, справлявшее веселый пиръ на кратерѣ вулкана и лопнувшее вскорѣ, какъ гнойникъ, подъ жесткимъ каблукомъ совдепа.

Съ невольной улыбкой я вспоминаю кіевскую жизнь, мои наблюденія и откровенныя бесѣды съ представителями гетманской власти.

Въ концѣ концовъ, это былъ политическій фарсъ, съ необходимою игрою въ самостійность, съ борьбою политическихъ комивояжеровъ, со смѣнами кабинетовъ, съ невиннымъ балаканьемъ на «мовѣ», съ державною «працей» въ министерствахъ, съ яснымъ сознаніемъ непрочности всей затѣи.

Съ горечью въ душѣ, пришлось наблюдать попытки иноземныхъ враговъ и собственныхъ ренегатовъ расколоть на части двѣ сросшіяся вѣтви великаго русскаго народа.

Скованный нѣмецкими цѣпями, запутавшійся въ клубкѣ противорѣчій и придворныхъ интригъ, совершенно не разбираясь, по природной довѣрчивости и ординарности ума и

воли, въ окружавшихъ его людяхъ, гетманъ Павло Скоропадскій, на своемъ тяжкомъ посту, не проявилъ ни мудрости, ни гибкости, ни прозорливости государственнаго мужа.

Онъ не измѣнникъ, но конечно и не національный герой.

Это самый обыкновенный человѣкъ, со всѣми достоинствами и недостатками своей среды, по капризу историческаго рока, оказавшійся на вершинѣ призрачной власти въ такую минуту и при какой обстановкѣ, когда и геній Наполеона, съ талантами Талейрана и Фуше на придачу, безъ всякаго сомнѣнія, потерпѣлъ бы крушеніе...

12

ДЕРЖАВНА ПРАЦА

Судьба не вознесла меня на историческія высоты и заставила выступить лишь въ роли незначительнаго статиста. Кромѣ того, она ограничила кругъ моей дѣятельности не столько политикой, сколько сферою чистаго искусства.

И я благословляю ея капризъ, предохранившій меня, въ данномъ случаѣ, отъ многихъ соблазновъ...

Крошечный чуланъ въ Крещатицкомъ переулкѣ замѣняетъ временно номеръ гостинницы. Неожиданный стукъ въ дверь выводитъ меня изъ задумчивости. Рослый конвоецъ, съ національной блакитно-желтой кокардой, вручаетъ пакетъ:

Негайно. Таемно.
„Ясновельможный панъ Гетманъ прохае
васъ прибуты до нього."
Выконуючій обовязки начальника штаба
генеральный хорунжій Стеллецкій.

Такимъ образомъ, я принимаю участіе въ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ гетмана,

въ составѣ кабинета министровъ, начальника генеральнаго штаба и трехъ представителей «оберъ-коммандо»...

Я вижу передъ собой очень ясно эту картину.

Гетманскій дворецъ на Липкахъ, съ бравыми часовыми у входа, съ комендантомъ главной квартиры, генеральнымъ хорунжимъ Присовскимъ, съ гетманскимъ генералъ-адъютантомъ, безобиднымъ старикомъ Лоховымъ въ вестибюлѣ, съ Сахно-Устимовичами, Вишневскими и генеральнымъ писаремъ, бывшимъ армейскимъ штабсъ-капитаномъ, Полтавецъ-Остраницой.

Дежурный флигель-адъютантъ, сотникъ Крига, провожаетъ до дверей гетманскаго кабинета.

Засѣданіе занято разработкой плана борьбы съ мѣстнымъ большевизмомъ, на Украинѣ.

Начальникъ генеральнаго штаба, молодой подполковникъ Сливинскій, стоя у географической карты, дѣлаетъ подробный, весьма обстоятельный докладъ. Подполковникъ даровитъ и талантливъ, а въ маленькой фигурѣ и очертаніяхъ профиля крупной, большой головы, можно, пожалуй, усмотрѣть даже внѣшніе признаки Бонапарта. Утверждаютъ, будто начальникъ украинскаго генеральнаго штаба чрезвычайно гордится этимъ случайнымъ сходствомъ и пытается даже въ манерахъ подражать великому корсиканцу.

Кабинетъ министровъ, во главѣ съ премьеромъ Лизогубомъ, производитъ зато весьма блѣдное впечатлѣніе. Это все какіе-то «мертвыя души», за исключеніемъ, впрочемъ, министра внутреннихъ дѣлъ, бывшаго московскаго адвоката, Игоря Кистяковскаго, весьма рѣчистаго, бойкаго, напористаго дѣльца, которому «пальца въ ротъ не клади».

Представители нѣмецкаго «оберъ-коммандо», въ лицѣ полковника графа Альвенслебена и двухъ маіоровъ генеральнаго штаба, сидя въ небрежной позѣ, дымятъ сигарами, улыбаются, перекидываются между собой отдѣльными фразами. Кажется, будто они присутствуютъ только такъ, изъ приличія. Дебаты ихъ мало интересуютъ, ибо все уже предусмотрѣно, до мельчайшихъ подробностей, въ штабѣ оккупаціонной германской арміи.

Поведеніе нѣмцевъ явно раздражаетъ гетмана. Онъ обрываетъ на полусловѣ свою рѣчь, говоритъ не вполнѣ гладко нѣсколько нѣмецкихъ фразъ, останавливается, ищетъ подходящія выраженія и, въ заключеніе, бросаетъ сидящему адъютанту:

— Кочубей, переведите имъ по нѣмецки!

Товарищъ военнаго министра, генералъ Лигнау, принимаетъ въ своемъ кабинетѣ, со стѣнъ котораго на меня глядитъ неизмѣнный Тарасъ Шевченко и широковѣщательныя инструкціи:

„Прохаемо балакати по украински!“

На этотъ разъ, генералъ Лигнау, въ видѣ исключенія, ведетъ бесѣду на русскомъ языкѣ. Ибо на нарѣчіи кобелякскихъ торговокъ не легко вести политическую дискуссію. Съ галиційской же «мовой» генералъ пока не справляется, какъ не справляется ни одинъ украинскій министръ, ни самъ гетманъ.

Генералъ Лигнау всецѣло поглощенъ планомъ предстоящей борьбы съ украинскимъ большевизмомъ. Въ немъ запасъ незаурядной энергіи, и большевикамъ, кажется, не сдобровать.

Думалъ-ли въ эту минуту генералъ Лигнау, что судьба сыграетъ съ нимъ коварную шутку?

Она заставитъ его, въ близкомъ будущемъ, сѣсть въ Одессѣ на пароходъ «Саратовъ», переплыть Индійскій океанъ, черезъ Владивостокъ пріѣхать въ Омскъ, къ Верховному Правителю, адмиралу Колчаку, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ попасть въ большевицкія лапы и обслуживать, въ настоящее время, какой-то захолустный реввоенсовѣтъ...

Генералъ Лигнау, съ таинственнымъ видомъ, сообщаетъ рядъ чрезвычайно «таемныхъ», довѣрительныхъ свѣдѣній и дѣлаетъ предложеніе:

— Что бы вы сказали про должность «генерала для звычайныхъ порученій» при ясновельможномъ, для связи съ нѣмецкимъ оберъкоммандо?

— Или про должность генерала, для формированія авто, авіо и танко-частей при сердюцкой дивизіи?

— Наконецъ, не исключается кандидатура на постъ кіевскаго губерніальнаго старосты?

Я задумываюсь.

Эти соблазнительные посты не отвѣчаютъ моимъ скромнымъ силамъ. Кромѣ того, у меня совсѣмъ другіе планы, и на пребываніе въ Кіевѣ я смотрю лишь, какъ на временный этапъ.

Я принужденъ отвѣтить отказомъ:

— Дякую!.. Благодарю васъ!.. Я собираюсь ѣхать въ Добровольческую Армію!

Лигнау хмурится:

— Прикажете передать вашъ отказъ военному министру?

— Пожалуйста!..

Съ военнымъ министромъ у меня непродолжительная бесѣда:

— Я васъ вполнѣ понимаю!.. Уѣзжайте, это наше общее дѣло!.

Бѣдный старикъ!.. Зналъ-ли въ эту минуту генеральный бунчужный Рагоза, что это общее дѣло станетъ предметомъ мелочного торга?.. Что запылаетъ въ кровавомъ огнѣ гражданской войны Великая Держава Украинская?.. Что рухнетъ Всевеликій Донъ и станицы Кубани?.. Что все дѣло освобожденія родины отъ совѣтскаго ига сведется къ трагической катастрофѣ?.. А самъ онъ за-

кончитъ дни въ одесскомъ застѣнкѣ, подъ большевицкими пулями?..

На посланную мной телеграмму начальнику штаба Добровольческой Арміи, генералу Ивану Павловичу Романовскому, моему однокурснику по академіи, я получилъ короткій отвѣтъ:

„Кирасирскую дивизію не предположено формировать“.

На письма и на послѣдующія телеграммы не получилъ никакого отвѣта...

Съ горечью я почувствовалъ, что въ услугахъ моихъ не нуждаются.

Впрочемъ, можетъ быть, я ошибался?.. А, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, оказался безполезнымъ и лишнимъ въ этой борьбѣ?..

Между тѣмъ, дни текли и вмѣстѣ съ ними уходили послѣдніе денежные рессурсы.

Положеніе вскорѣ стало настолько острымъ, что передо мной, въ полномъ объемѣ, выросъ вопросъ о какой либо службѣ.

Я встрѣтилъ какъ-то на улицѣ генерала Юрія Никифоровича Данилова, бывшаго генералъ-квартирмейстера Ставки, служившаго теперь въ какомъ-то банкѣ. Бывшій командующій VI-ой арміей, генералъ Цуриковъ, служитъ контролеромъ въ экспедиціи. Начальникъ кавалерійской дивизіи, генералъ Мошнинъ, состоитъ предсѣдателемъ домового комитета, въ мебли-

рованныхъ комнатахъ Познякова. Генералъ Шварцъ сотрудничаетъ въ кіевскихъ газетахъ.

Я видѣлся съ генераломъ Розеншильдъ-Паулинымъ, вернувшимся изъ германскаго плѣна, пытающагося получить частную службу. Генералъ Шильдбахъ-Литовцевъ, по прежнему суетливый и путанный, принимаетъ какое-то участіе въ формированіи Южной арміи. Но эта организація, какъ и многія другія, не внушаетъ довѣрія и, въ скоромъ времени, развѣется, какъ дымъ.

Я встрѣчался нѣсколько разъ съ однимъ изъ быховскихъ узниковъ, моимъ другомъ юности, бывшимъ товарищемъ министра путей сообщеній на театрѣ военныхъ дѣйствій, Владимиромъ Николаевичемъ Кисляковымъ. Даровитый генералъ не имѣлъ опредѣленной работы, носился съ какими-то коммерческими планами, не терялъ обычнаго бодраго настроенія и едва-ли чувствовалъ стоявшую за его спиной лютую смерть. Черезъ какихъ-нибудь полгода, онъ будетъ растерзанъ въ Полтавѣ.

Цѣлый рядъ друзей и знакомыхъ — генералы Бискупскій, Савельевъ, Пулевичъ, Стеллецкій, Юнаковъ, Галкинъ, и много другихъ, поступило на гетманскую службу. А милѣйшій полковникъ Василій Васильевичъ Темченко занимаетъ даже постъ «Головного Интенданта» Державы Украинской.

Большинство изъ нихъ не имѣетъ никакого отношенія къ малорусскому происхожденію. Это не служитъ препятствіемъ. У меня, въ

этомъ смыслѣ, есть даже извѣстныя преимущества.

Въ моемъ положеніи, оставалось послѣдовать ихъ примѣру.

Мнѣ удалось получить мѣсто въ Техническомъ Комитетѣ.

Черезъ нѣсколько дней, генеральный хорунжій Стеллецкій снова вызвалъ меня въ походную канцелярію и обратился со слѣдующими словами:

— Панъ гетманъ возложилъ на васъ порученіе... Вы назначаетесь предсѣдателемъ комиссіи по разработкѣ украинскихъ орденовъ!.. Вотъ общая схема!.. Члены по вашему усмотрѣнію и по соглашенію съ министромъ «мистецтвъ», Дорошенкой!..

Я принялъ это назначеніе.

Я готовъ былъ принять теперь какое угодно назначеніе, ибо въ одинаковой мѣрѣ сталъ утрачивать вѣру во все. И въ то самое время, когда петлюровскія банды шли первымъ походомъ на Кіевъ, комиссія по разработкѣ «Украинскихъ Орденовъ» приступала къ выполненію возложеннаго на нее порученія.

Составъ комиссіи былъ невеликъ. Предсѣдатель, два члена — молодой историкъ Модзалевскій и художникъ Георгій Нарбутъ, секретарь — капитанъ генеральнаго штаба Вишневскій.

Но зато схема была грандіозна.

По этой схемѣ предполагалась разработка статутовъ цѣлаго ряда знаковъ отличій. «Желѣзный Крестъ», жалуемый за борьбу съ большевиками, орденъ Ярослава Мудраго — за заслуги на гражданскомъ поприщѣ, дамскій орденъ святой княгини Ольги, крестъ Володимира Святого, орденъ Архистратига Михаила — за боевыя доблести и, наконецъ, крестъ и звѣзда Славы и Возрожденія Украины, все это различныхъ степеней, на различнаго цвѣта орденскихъ ленточкахъ, съ дарованіемъ кавалерамъ соотвѣтствующихъ привилегій.

Нѣсколько засѣданій было посвящено разработкѣ общаго плана. Модзалевскій рылся въ архивахъ и подводилъ подъ каждый проэктъ историческое обоснованіе. Художникъ Нарбутъ воплощалъ его въ краскахъ на бристольскомъ картонѣ. Предсѣдатель критиковалъ и дѣлалъ поправки. Секретарь велъ журналъ засѣданія и выдавалъ суточные карбованцы.

Работа довольно успѣшно подвигалась впередъ.

Каждый изъ участниковъ могъ убѣдиться на этомъ наглядномъ примѣрѣ, въ продуктивности комиссій, составленныхъ изъ ограниченнаго числа членовъ.

Иногда, впрочемъ, возникали серьезныя разногласія, на принципіальной почвѣ. Модзалевскій и Нарбутъ отстаивали національную точку зрѣнія, съ уклономъ въ сторону самостійности. Предсѣдатель держался обратнаго взгляда, отстаивая по возможности россійскую

оріентацію, за что удостоился, не взирая на малорусское происхожденіе, клички «кацапа».

Такимъ образомъ, крестъ Архистратига Михаила, аналогичный по своему значенію ордену Георгія Побѣдоносца, почти ничѣмъ отъ послѣдняго не отличался, ни формой, ни цвѣтомъ, ни видомъ орденской ленточки. То же самое можно сказать и въ отношеніи ордена Володимира Святого.

Что же касается прочихъ знаковъ отличія, статуты которыхъ разрабатывались впервые, здѣсь фантазія художника Нарбута получила полный просторъ.

Въ особенности великолѣпенъ былъ крестъ Славы и Возрожденія Украины. Роскошные знаки состояли изъ голубой и желтой эмали, въ золотѣ, въ серебрѣ, на широкой блакитно-желтой лентѣ, украшенной извѣстной эмблемой, которую кіевскіе шутники, въ формѣ весьма оскорбительной для національнаго самолюбія, называли «комбинаціей изъ трехъ пальцевъ».

Въ результатѣ соединенныхъ усилій комиссіи по разработкѣ «Украинскихъ Орденовъ», за недѣлю до паденія Кіева, гетману былъ представленъ на утвержденіе «Желѣзный Крестъ», изготовленный ювелирной фирмой Іосифа Маршака и оплоченный пятьюстами карбованцевъ изъ предсѣдательскаго кармана.

Крестъ получилъ одобреніе и былъ утвержденъ. Предсѣдатель и члены комиссіи получили свѣтлѣйшую гетманскую благодарность.

Дальнѣйшія событія оборвали дѣятельность комиссіи самымъ нежелательнымъ для нее образомъ...

Я вспоминаю этотъ маленькій эпизодъ безъ злопыхательства и насмѣшки. Кромѣ того, я далекъ отъ мысли оправдывать себя въ этой дѣятельности, которая, помимо всего прочаго, привела меня прямымъ путемъ къ петлюровскому застѣнку.

Я вспоминаю это событіе въ моей политической жизни только, какъ образецъ того, чѣмъ была занята голова украинскихъ Наполеоновъ и Талейрановъ, какъ высоко было пониманіе насущныхъ государственныхъ задачъ въ новоиспеченной Державѣ и сколько ошибокъ, сознательныхъ и несознательныхъ, большихъ и малыхъ, а въ результатѣ гибельныхъ для общаго дѣла, было допущено въ эти веселые и трагическіе кіевскіе дни...

Конецъ первой книги

Продолженіе и окончаніе въ слѣдующемъ томѣ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Того же автора:

1. **Императорскіе Фазаны.** Разсказы. Распродано.
2. **Золотые Корабли** Скитанія. Распродано.
3. **Орхидея.** Тропическія рифмы. Распродано.
4. **Легкая Кавалерія.** Разсказы. Распродано.
5. **Китайскія Тѣни.** Романъ. Книга первая. Распродано.
   Im Schatten des Drachen. Übersetzung von R. Frhr. v. Campenhausen.
   Chinskie Cienie. Przeklad Edmunda Iezierskiego.
6. **Островъ Жасминовъ.** Романъ. Книга вторая.
7. **Парижскія Ночи.** Романъ. Книга третья. Въ печати.
8. **Красный Хороводъ.** Повѣсть въ двухъ книгахъ.
9. **Волчій Смѣхъ.** Разсказы. Въ печати.
10. **Интермеццо у моря.** Новеллы. Въ печати.
11. **Гусарскія Сказки.** Разсказы. Въ печати.
12. **Романъ Царевича.** Приморскій романъ. Въ печати.

30 Вяч. Шишковъ — „**Тайга**". Повѣсть со вступительной статьей В. Гадалина и портретомъ автора раб. худ. А.П. Апсита. 208 стр

31 Пантелеймонъ Романовъ — „**Новая скрижаль**". Романъ со вступительной статьей Петра Пильскаго и портретомъ автора работы худ. А. П. Апсита. 222 стр.

32 Мих Зощенко — „**О томъ, что было и чего не было**" Новые разсказы съ предисловіемъ В. Гадалина, вступительной статьей Петра Пильскаго и портретомъ автора работы худ. А. П Апсита. 192 стр.

33 Алек. Яковлевъ — „**Ради любви**". Повѣсть со вступительной статьей проф. Ю. И. Айхенвальда и портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита. 192 стр.

34 Н. Никандровъ—„**Путь къ женщинѣ**". Романъ со вступительной статьей Петра Пильскаго. 216 стр.

35 Оливія Уэдсли—„**Любовь и слезы**". Романъ. 216 стр.

36 Леонидъ Леоновъ — „**Воръ**" Романъ со вступительной статьей Петра Пильскаго и портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита.

37 Леонидъ Леоновъ—„**Воръ**". Романъ. Книга вторая.

38 Леонидъ Леоновъ—„**Воръ**". Романъ Книга третья.

39 М. Бабченко — „**Ихъ было пять**". Романъ съ приложеніемъ статьи Петра Пильскаго. 160 стр.

40 Александръ Дроздовъ — „**Маруся золотыя очи**". Романъ со вступительной статьей Ю. Айхенвальда.

41 Левъ Максимъ — „**Когда въ домѣ ребенокъ...**" Разсказы со вступительной статьей Петра Пильскаго и портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита. 208 стр.

42 Александръ Плещеевъ — „**Безъ ужасовъ**". Юмористическіе разсказы со вступительной статьей Петра Пильскаго и портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита.

43 Юрій Слезкинъ — „**Романъ балерины**". Романъ съ приложеніемъ статьи Мих. Булгакова и портретомъ автора.

44 Н. Брешко-Брешковскій—„**Ядъ Земли**". Романъ со вступительной статьей Ив. Коноплина и портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита.

45/46. „**Гримасы кисти и пера**". Сборникъ русскихъ юмористовъ собранный В. Гадалинымъ.

47. Ярославъ Воиновъ — „**Старыя Горы**". Романъ 260 стр.

48. Юрій Галичъ — „**Красный Хороводъ**". Повѣсть съ портретомъ автора. Стр. 208. Книга первая.

49. Юрій Галичъ — „**Красный Хороводъ**". Повѣсть. Книга вторая

„**Балагуръ**" русскій настольный юмористическій календарь за 1929 годъ.

С. Р. Минцловъ — „**Бѣглецы**". Повѣсть.
